

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Февраль 2025 Том 24 № 1

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 24 No. 1 FEBRUARY 2025

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по трем научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 21.02.2025. Выход в свет 28.02.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 10,32. Тираж 500 экз. Заказ № 69. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimirovsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors T.V. Dugina, Jonathan Sicotte

Layout Designer Marina N. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Пушкарева Н.Л., *Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Черных А.В., *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Т.В. Дугина, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: М.Н. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

CIVIL WAR IN RUSSIAN REGIONS

Gagkuev R.G. Italian Expeditionary Forces in Siberia and Military Mission under Supreme Ruler of Russia Admiral A.V. Kolchak in 1918–1919 8

Chemakin A.A. A.A. Sakhno-Ustimovich and His Projects for Revival of Zaporozhye Cossacks under the Auspices of the White Movement 19

INTERNATIONAL RELATIONS OF RUSSIA

Dzhundzhuzov S.V. Russian Empire's Monitoring of Turkish-Kazakh and Dzungar-Kalmyk Diplomatic Relations and It's Methods of Countering Them in the 1730–1740s 31

Volosyuk O.V. Spain and Russia in the Life of Agustin de Betancourt 44

Diomidova M.I. Trends in Foreign Trade of Russian Empire and German Customs Union in 1833–1837 through the Business Press 58

Gainanova M.R. Reflection of Tatar Emigrants' Life in Turkey in the Letters of Rabia Arat in 1933–1935 71

MILITARY AND SOCIO-CULTURAL HISTORY OF RUSSIA

Aksenova G.V. Vasily Nikolaevich Khitrovo: Peculiarities of Service in the Naval Ministry in 1856–1863 under the Command of Grand Duke Konstantin Nikolaevich 84

Shagidanova K.I. Armenian Philanthropic Society in the Context of the Social Policy of the Russian Empire of the XIX – Early XX Century 97

BOOK REVIEWS

Vladimirsky I. Book Review of Mongol Caucasia: Invasions Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia by Lorenzo Publici. Leiden and Boston: Brill, 2022, 265 pp. 109

Serapionova E.P. Review of Osobnosti emigrace z území Ruské říše v meziválečném Československu. Biografický slovník [Personalities of emigration from the territory of the Russian Empire in interwar Czechoslovakia. Biographical Dictionary] by Dana Hašková, Anastazie Kopřivová, Ljubov Běloševská (†), Julie Jančárková, Sergej Gagen, eds. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. Academia, 2023. 750 p. 113

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

- Гягуев Р.Г.** Итальянские экспедиционные войска в Сибири и военная миссия при верховном правителе России адмирале А.В. Колчаке в 1918–1919 гг. 8
- Чемакин А.А.** А.А. Сахно-Устимович и его проекты возрождения запорожского казачества под эгидой Белого движения 19

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ

- Джунджузов С.В.** Отслеживание Российской империей турецко-казахских и джунгаро-калмыцких дипломатических связей и противодействие им в 30–40 годы XVIII века 31
- Волосюк О.В.** Испания и Россия в судьбе Агустина де Бетанкура 44
- Диомидова М.И.** Тенденции внешней торговли Российской империи и Германского таможенного союза в 1833–1837 гг. в обозрении коммерческой прессы 58
- Гайнанова М.Р.** Отражение жизни татарских эмигрантов в Турции в письмах Рабии Арат в 1933–1935 гг. 71

ВОЕННАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- Аксенова Г.В.** Василий Николаевич Хитрово: особенности службы в Морском министерстве под началом Великого князя Константина Николаевича в 1856–1863 гг. 84
- Шагиданова К.И.** Армянское человеколюбивое общество в контексте социальной политики Российской империи XIX – начала XX в. 97

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

- Владимирски И.** Рецензия на книгу: Lorenzo Pubblici. Mongol Caucasia: Invasions Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia. Leiden and Boston: Brill, 2022, 265 pp. 109
- Серапионова Е.П.** Рецензия на книгу: Osobnosti emigrace z území Ruské říše v meziválečném Československu. Biografický slovník / Eds. Dana Hašková, Anastazie Kopřivová, Ljubov Běloševská (†), Julie Jančárková, Sergej Gagen. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. Academia, 2023. 750 s. 113

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ
CIVIL WAR IN RUSSIAN REGIONS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-8-18>
EDN: ABUAQA

Научная статья / Research article

**Итальянские экспедиционные войска в Сибири
и военная миссия при верховном правителе России
адмирале А.В. Колчаке в 1918–1919 гг.**

Руслан Григорьевич Гагкуев

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

gagkuev@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается судьба итальянских военнопленных Первой мировой войны в России в годы Гражданской войны, а также участие итальянских военнопленных и войск экспедиционного корпуса итальянской армии в иностранной военной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в составе сил Антанты. Анализируется процесс формирования итальянских военных соединений в России из пленных, начавшийся с 1918 г. в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке, а также формирование и отправка небольшого по численности Итальянского экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке из Италии во Владивосток. Приводятся сведения о численности итальянских войск во время Гражданской войны в России, местах их формирования и дислокации, участия в боевых действиях. Итальянские войска были единственными из сил интервентов в Сибири состоявшие из военнопленных-итальянцев и специально прибывших в Россию экспедиционных войск. Отдельно рассматриваются попытки организации Италией работы военной миссии в Омске при Ставке верховного правителя России адмирала А.В. Колчака, впервые публикуются архивные документы о ее деятельности. Делается вывод о наименее активном из всех стран Антанты участии Италии в интервенции в Сибири, а также главной необъявленной цели итальянцев – сборе и вывозе из России бывших военнопленных Первой мировой войны.

Ключевые слова: Великая российская революция, антисоветская интервенция, «Черные батальоны», батальон «Савойя», «Сибирский легион спасения»

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>

Для цитирования: Гагкуев Р.Г. Итальянские экспедиционные войска в Сибири и военная миссия при верховном правителе России адмирале А.В. Колчаке в 1918–1919 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 8–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-8-18>

**Italian Expeditionary Forces in Siberia and Military Mission
under Supreme Ruler of Russia Admiral A.V. Kolchak in 1918–1919**

Ruslan G. Gagkuev

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

gagkuev@yandex.ru

Abstract: The author considers the fate of Italian prisoners of the First World War in Russia during the Civil War, as well as the participation of Italian prisoners of war and troops of the Expeditionary Corps of the Italian Army in the foreign military intervention in Siberia and the Far East as part

of the Entente forces. The author analyzed the process of the formation of Italian military units in Russia from prisoners, which began in 1918 in the Volga region, Siberia and the Far East, as well as the formation and dispatch of the Italian Expeditionary Corps in the Far East, which was small in numbers, from Italy to Vladivostok. The article provides information on the number of Italian troops during the Civil War in Russia, places of their formation and deployment, and their participation in military operations. These Italian troops were the only interventionist forces in Siberia consisting of Italian prisoners of war and expeditionary troops which deliberately arrived in Russia. There were also attempts by Italy to organize the work of the military mission in Omsk at the Headquarters of the Supreme Ruler of Russia Admiral A.V. Kolchak; the archival documents regarding its activity are published for the first time. In conclusion Italy was the least active participant in the intervention in Siberia among all Entente countries, and main undeclared goal of Italians – was to gather and rescue former prisoners of the First World War out of Russia.

Keywords: The Great Russian Revolution, anti-Soviet intervention, “Battaglioni Neri,” battalion “Savoy,” “Legion Redenta di Siberia”

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The research was supported by RSF (project No. 24-18-00216), <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>

For citation: Gagkuev, R.G. “Italian Expeditionary Forces in Siberia and Military Mission under Supreme Ruler of Russia Admiral A.V. Kolchak in 1918–1919.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 8–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-8-18>

Введение

Актуальность. Революция и Гражданская война в России 1917–1922 гг., сопровождавшаяся иностранной военной интервенцией, более ста лет остается одной из центральных тем российской истории XX в. Столетние годовщины Российской революции 1917 г., начала (2018 г.) и окончания (2022 г.) Гражданской войны привлекли внимание к ней не только профессиональных историков, но и общества в целом. Особую актуальность теме иностранной интервенции в Россию стран Антанты и оказание ими военной помощи одной из противоборствующих сторон междоусобного конфликта придают современные события на Украине.

Степень изученности проблемы. Участие итальянцев в союзной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1919 гг. слабо изучено в отечественной и зарубежной историографии. Итальянские исследователи уделяют основное внимание судьбе итальянцев, мобилизованных в австро-венгерскую армию в годы Первой мировой войны, оказавшихся в плену в России. Так, о судьбе итальянцев-фриульцев в Сибири еще в 1978 г. писал К. Медео¹. Наиболее же основательное исследование об итальянцах-пленных в России в 1914–1918 гг. написано итальянской исследовательницей М. Росси², в дальнейшем продолжившей свои изыскания по теме, рассмотрев и ход Гражданской войны в России³. В российской историографии судьба итальянцев-военнопленных и итальянских экспедиционных сил в Сибири в 1918–1919 гг. относится к вопросам второстепенным, эпизодически затрагивающемуся в исследованиях при рассмотрении темы интервенции Антанты в целом⁴. Данная тема находит свое отражение и в сборниках опубликованных

¹ Medeo C. Friulani in Russia e in Siberia, 1914–1919. Gorizia, 1978.

² Rossi M. I prigionieri dello zar: soldati italiani dell'esercito austro-ungarico nei lager della Russia (1914–1918). Milano, 1997.

³ Rossi M. Irredenti giuliani al fronte russo storie di ordinaria diserzione, di lunghe prigionie e di sospirati rimpatri (1914–1920). Udine, 1998; Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente. Un difficile impatto con la realtà russa 1918–1919 // Italia contemporanea. Settembre–dicembre 2009. № 256–257. P. 583–598.

⁴ Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция: Краткий обзор. Л., 1926. С. 214, 217–218; Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1983. С. 179; Поляков Ю.А., Шишкин В.А., Мухачев Ю.В., Спиринов Л.М., Волков Ф.Д. Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М., 1987. С. 53, 60, 63. EDN: NLMSG A

документов⁵. Одним из первых затронул эту тему А.И. Дерябин⁶. Более подробное исследование об итальянских экспедиционных силах и источниках их комплектования опубликовал Л.Г. Капустин, в основе работы которого лежал обзор итальянской историографии по теме⁷. В работе В.Г. Дацышена с широким привлечением публикаций сибирской периодики детально рассматривается история формирования и участия в боевых действиях Итальянского экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке⁸. Вместе с тем в историографии отсутствуют какая-либо информация о существовании и деятельности в Омске в 1919 г. Итальянской военной миссии при Ставке главнокомандующего.

Цель исследования заключается в комплексном представлении участия итальянских военнопленных и Италии как страны Антанты в союзной интервенции на Востоке России, включая рассмотрение существовавших в 1918–1919 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке итальянских военных формирований, а также попыток создания Итальянской военной миссии в Омске.

Источниковой основой исследования послужили материалы впервые вводимых в научный оборот документов Министерства иностранных дел Российской империи правительства верховного правителя России адмирала А.В. Колчака (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 566). Сохранившаяся в фонде переписка по вопросам размещения и организации работы Итальянской военной миссии в Омске позволяет составить представление об отношении к ней со стороны российского командования, о сложности положения итальянских офицеров, показать запоздалость шагов Италии по организации миссии.

Иностранная интервенция на Востоке России

В годы Гражданской войны в России в 1918–1922 гг. на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в военной интервенции против Советской России участвовали представители более десяти государств мира. Среди них свои вооруженные контингенты, разные по силе и численности, направили Великобритания, Италия, Канада, США, Франция и Япония. Численность союзных сил на Востоке России была довольно велика и по разным данным составляла от 100 до 150 тыс. чел. Американский историк Дж. Стефан приводит данные на конец 1918 г. о силах союзников на российском Дальнем Востоке в 73 000 японцев, 9000 американцев, 5000 китайцев, 4000 канадцев, 2000 итальянцев, 1600 британцев и 700 французов⁹. При этом многочисленные силы стран Антанты и союзных им государств в 1918–1919 гг. находились вдалеке от линии фронта, контролируя тыловые районы на Дальнем Востоке, занимая крупные города и охраняя транспортные пути – железные дороги и порты.

Кроме того, на Востоке России находились национальные формирования, представлявшие только образованные на руинах Российской и Австро-Венгерской империй государства, подчинявшиеся союзному командованию. Они создавались из числа солдат и офицеров, взятых в плен русской армией в Первую мировую вой-

⁵ Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–20 гг.). Красноярск, 1959. С. 151, 249–250.

⁶ Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. М., 2003.

⁷ Капустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России. 1918–1920 гг. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2015. № 22. С. 46–70.

⁸ Дацышен В.Г. Итальянский гарнизон в Красноярске. Из истории Гражданской войны в Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 186–195. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-186-195. EDN: XCFELH

⁹ Stephan J.J. *The Russian Far East: A History*. Stanford, California, 1994. P. 132.

ну, направленных в 1914–1916 гг. в лагеря военнопленных на востоке Российской империи. Наиболее известны из них войска Чехословацкого корпуса, подчинявшиеся французскому командованию (порядка 60 000 чел.¹⁰). Вторыми по численности были польские подразделения, которые насчитывали в 1919 г. – в феврале 8900¹¹ и в июле свыше 11 200¹² солдат и офицеров. Незначительные по численности и боевому значению формирования были созданы из сербов, хорватов и словенцев (всего в многочисленных мелких формированиях из «югославян» – около 7600 чел.)¹³, румын (около 4500 чел.)¹⁴, латышей (около 400 чел.)¹⁵ и ряда других национальных подразделений небольшой численности. В общей сложности в 1919 г. они насчитывали порядка 85 000 человек. Все эти формирования подчинялись главному войскам Антанты в Сибири к западу от Байкала французскому дивизионному генералу М. Жанену (Pierre Thiébaut Charles Maurice Janin).

Итальянские военнопленные в России

Оказавшиеся в Сибири в 1918–1919 гг. итальянские войска из всех экспедиционных сил стран Антанты единственные имели двойной источник комплектования. С одной стороны, их основу составили солдаты и офицеры, прибывшие непосредственно из Итальянского королевства, с другой – они активно пополнялись военнопленными итальянцами из австро-венгерской армии, оказавшимися в ней после мобилизации в населенных итальянцами частях Австро-Венгерской империи. Во время Первой мировой войны они составляли около 1 % личного состава этой армии¹⁶.

Всего оказавшихся в плену в России офицеров и солдат-итальянцев, служивших в австро-венгерской армии, по официальным данным, насчитывалось до 26 000 чел. (по некоторым оценкам – до 40 000), половина из которых составляли жители Триеста и Истрии. После вступления Итальянского королевства в Первую мировую войну на стороне Антанты в мае 1915 г. большая часть австро-венгерских пленных-итальянцев (почти 4000 чел.) была сосредоточена в Кирсановском лагере в Тамбовской губернии. Итальянское посольство в Москве ставило своей целью скорейшую репатриацию соотечественников на родину. Надежды пленных на возвращение в Италию были связаны с Итальянской военной миссией, прибывшей в Петроград в июне 1915 г. Кроме того, в августе 1915 г. в Россию прибыла специальная военная миссия, в задачу которой входил розыск итальянцев-военнопленных, выявление желавших принять итальянское гражданство и организация их отъезда в Италию. До конца года через Архангельск в Италию морем были отправлены три партии военнопленных итальянцев, общей численностью свыше 4000 чел. Эвакуация итальянцев продолжалась до установления в России советской власти в октябре 1917 г.¹⁷

¹⁰ Захаров А.М. «Двоюродные братья»: Славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб., 2020. С. 386.

¹¹ Janin M. Ma mission en Sibirie. 1918–1920. Paris, 1933. P. 88.

¹² Baginski H. Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920. Warszawa, 1921. S. 560.

¹³ Попович Н.Б. «Одиссея от Одессы до Красноярска...» Сербы в Сибири в 1919–1921 гг. // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 190–191.

¹⁴ Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. СПб., 2021. С. 246.

¹⁵ Legras J. L'agonie de la Sibirie (1918–1920) // Le Monde Slave. 1931. № 2. P. 65.

¹⁶ Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Учебное пособие к спецкурсу. М., 1999. С. 85.

¹⁷ Rossi M. I prigionieri dello zar... P. 54, 149; Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente... P. 584; Канустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России... С. 47–49.

Начиная с 1918 г. в условиях развернувшейся в России Гражданской войны дальнейшая эвакуация итальянцев могла проходить только через российский Дальний Восток. Находившиеся к тому времени в России итальянские военные представители попытались сосредоточить военнопленных итальянцев на тихоокеанском побережье России. В конце 1917 – начале 1918 г. 2500 итальянских пленных были перевезены из Европейской России в китайский Харбин, а оттуда направлены в итальянскую концессию Тяньцзинь, в Пекин и другие населенные пункты в Китае. Еще 2350 пленных, находившихся в Вологде и Кирсанове в конце 1917 г., отправились на Дальний Восток, где позднее присоединились к Итальянскому экспедиционному корпусу¹⁸.

Оказавшиеся в Сибири, на российском Дальнем Востоке и в Китае итальянцы подвергались политическому давлению со стороны итальянских военных представителей в России, стремившихся склонить их к участию в борьбе с советской властью. Важным шагом стало принятие летом 1918 г. итальянским правительством решения о задержке бывших военнопленных-итальянцев в России для участия в интервенции. Они должны были присоединиться к прибывавшему в Россию Итальянскому экспедиционному корпусу¹⁹.

В результате переброски военнопленных итальянцев из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток образовался ряд итальянских формирований, принявших участие в интервенции стран Антанты в Россию. Первым из них были сформированные в Китае «Черные батальоны» («Battaglioni Neri»), получившие название по цвету петлиц на форме (всего – четыре батальона). Еще в 1917 г. в лагере для военнопленных в Кирсанове К. Манерой (Cosma Manera) было создано итальянское формирование из трех батальонов. После перевозки военнопленных итальянцев в Китай они были размещены в трех пунктах: 1750 чел. – в Тяньцзине, 500 – в Пекине и 250 чел. – в Шанхае. В конце июня 1918 г. пленным было объявлено о создании экспедиционного корпуса и предложено вступить в ряды итальянской армии, с условием участия в действиях против большевиков и принятия итальянского гражданства и присяги королю. Поступавшие в ряды экспедиционных сил впоследствии отправлялись домой как итальянские граждане; отказавшиеся вступить в него отправлялись в специальный лагерь²⁰.

При создании «Черных батальонов» поступило около 1200 заявлений о приеме на службу, из которых майором Манерой было принято 850, зачислявшихся в итальянскую армию с 1 августа 1918 г. С 15 августа «Черные батальоны» составили ядро прибывшего из Италии Итальянского экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке²¹. В подписанной министром иностранных дел бароном С. Соннино (Sidney Costantino Sonnino) «Декларации итальянского правительства по поводу выступления в Сибири» от 3 декабря 1918 г. говорилось:

Повинуясь <...> голосу справедливости и гуманности, Италия послала в Сибирь отряд в два батальона своих войск, готовых выступить на защиту чехословаков ныне же, совместно с союзниками. <...> По поводу своего настоящего выступления итальянское правительство желает заявить в самой торжественной форме о своем твердом решении отнюдь не вмешиваться во внутренние дела России, безусловно уважать ее суверенитет и территориальную неприкосновенность...²²

¹⁸ Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente... P. 584–585.

¹⁹ Канустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России... С. 50.

²⁰ Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente... P. 586; Канустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России... С. 50.

²¹ Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente... P. 585–587.

²² Декларация итальянского правительства по поводу выступления в Сибири. 3 декабря 1918 г. // Пишон [Ж.] Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. М.; Л., 1925. С. 74–75.

Вторым крупным итальянским формированием, организованным в годы Гражданской войны в России, был батальон «Савойя» («Savoy»), численностью около 300 чел. (по другим данным, их численность доходила до 800 чел.). Батальон был организован в сентябре 1918 г. в Самаре гражданским лицом А. Компатанжелло (Andrea Compatangelo) и не имел отношения к работе итальянских военных представителей. Батальон поддержал выступление чехословаков, отправившись в дальнейшем на восток, пополняясь по дороге пленными итальянцами. Батальон «Савойя» остановился в Красноярске до прибытия туда сил Итальянского экспедиционного корпуса, после чего был отправлен на Дальний Восток. В январе 1919 г. по прибытии в Тяньцзинь Компатанжелло предложил Манере включить своих подчиненных в состав «Черных батальонов», но получил отказ. В дальнейшем, ввиду недоверия к нему со стороны военных, батальон «Савойя» был реорганизован, вошел в состав «Сибирского легиона спасения» («Legion Redenta di Siberia») и отправлен во Владивосток²³.

Итальянский экспедиционный корпус на Дальнем Востоке

Наиболее значимым итальянским формированием в годы Гражданской войны в России стал Итальянский экспедиционный корпус на Дальнем Востоке (Corpo di Spedizione Italiano in Estremo Oriente). Его командиром был назначен полковник Ф.Э. Камосси (Fassini Eduardo Camossi). В отличие от двух предыдущих он был сформирован в Италии, отбыв в Россию в июле 1918 г. В его состав входил пехотный батальон, секция горной артиллерии и 159-я секция королевских карабинеров. По дороге на Дальний Восток в состав корпуса были включены рота 85-го пехотного полка и две пулеметные секции. 17 октября 1918 г. Итальянский экспедиционный корпус на Дальнем Востоке (численностью по разным оценкам от 700–900 чел.) прибыл в Маньчжурию. После пополнения чинами из числа военнопленных итальянцев, находившихся на Дальнем Востоке, корпус отправился в Сибирь: 17 ноября он прибыл в Иркутск, а 21 ноября – в ставший конечным пунктом назначения Красноярск. Всего в Красноярск прибыло 39 офицеров и 1350 солдат. В задачи корпуса входили охрана Транссибирской железной дороги от красных повстанцев, несение охранно-гарнизонной службы, охрана военнопленных Центрального блока и оказание помощи в сборе пленных итальянцев²⁴. После прибытия на Дальний Восток полковника Камосси командование итальянскими экспедиционными силами перешло в его руки.

В 1918–1919 гг. еще несколько тысяч бывших пленных итальянцев сумели разными способами добраться до Дальнего Востока. Нехватка собственных войск в России привела к тому, что итальянское командование стало зачислять в состав образованного «Сибирского легиона спасения» помимо добровольцев, вступавших в армию в обмен на последующее возвращение в Италию, и тех итальянцев, которые отказывались от такого вступления. Из них стали формировать части, названные «Красными батальонами». Организационно «Сибирский легион спасения», в составе которого были «Черные батальоны», батальон «Савойя» и другие военнопленные, входил в состав Итальянского экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке. На практике же в его составе действовала только часть добровольцев из состава «Черных батальонов» (до 850 чел. вступивших на службу в армию)²⁵.

²³ Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente... P. 593–594; Капустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России... С. 52–53.

²⁴ Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917–1922... С. 32; Капустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России... С. 53–54; Дацышен В.Г. Итальянский гарнизон в Красноярске... С. 189–190.

²⁵ Капустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России... С. 51, 58.

Наибольшая по значимости группировка итальянцев в России находилась в Красноярске, где силы экспедиционного корпуса пополнились за счет итальянцев-военнопленных. По разным оценкам, в Енисейской губернии находилось от 1500 до 2000 чел., прибывших из Италии, из состава «Черных батальонов» и военнопленных. В 1919 г. итальянцы принимали участие в боях против красных партизан. В августе, после того как обозначилось стратегическое поражение русской армии верховного правителя адмирала А.В. Колчака, итальянские части были выведены из Красноярска и отправлены по Транссибирской железной дороге на восток. В сентябре началась их эвакуация из Владивостока в Италию: было вывезено свыше 4000 итальянских солдат и офицеров. Всего же с территории российского Дальнего Востока в Италию было репатриировано более 10 000 бывших чинов австро-венгерской армии. Последние подразделения итальянцев покинули Россию в ноябре 1919 г.²⁶

Итальянские военные представители в Сибири и военной миссии в Омске

Широкое представительство итальянских военных в Сибири и на Дальнем Востоке свидетельствовало о стремлении Италии установить в 1918–1919 гг. устойчивые отношения с Российским правительством.

Еще в 1918 г. для работы на Дальнем Востоке и в Сибири было создано две итальянских миссии. В феврале во главе Итальянской миссии по делам военнопленных, располагавшейся в Горностае (недалеко от Владивостока), был назначен работавший в России с 1916 г. майор К. Манера. В его задачи входили продолжение поиска и сбор итальянцев на востоке России. В октябре во Владивостоке начала свою работу Итальянская военная миссия во главе с подполковником графом В. Филиппи ди Балдиссеро (Vittorio Filippi di Baldissero). С ноября 1918 г. в Красноярске находился штаб Итальянского экспедиционного корпуса во главе с полковником Камосси²⁷, объединившим в своих руках командование реальными итальянскими боевыми силами.

В июне-сентябре 1919 г. в Омске находился капитан Альдо де Феррари, представитель Итальянской миссии в Сибири и военный атташе при главнокомандующем Союзными силами в Сибири. В его задачи входило представление итальянских интересов перед верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком и Российским правительством, а также взаимодействие с главкомом войск Антанты в Сибири. Направление представителей Итальянской военной миссии в Омск в обстановке уже обозначившегося поражения Восточного фронта Белого движения может свидетельствовать о поисках итальянскими дипломатами и военными дополнительных путей воздействия на своих союзников по Антанте в рамках продолжавшейся Парижской мирной конференции. Документы свидетельствуют, что итальянцы не получили какого-либо веса в Омске, а попытки итальянского представителя попасть на прием к Колчаку по всей видимости, так и не имели успеха.

Итальянские военные, вероятно вскоре после прибытия в Омск, были допущены к оперативной информации с фронта. 21 июня 1919 г. исполняющий должность начальника Особого отделения Управления второго генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем штабс-ротмистр Н.Л. Жадвойн по приказанию руководства уведомлял итальянского военного атташе при главнокомандующем Союзными силами в Сибири капитана де Феррари

²⁶ Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917–1922... С. 32; Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente... P. 583; Канустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России... С. 58–59.

²⁷ Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente... P. 586, 588; Канустин Л.Г. Итальянские вооруженные формирования на Востоке России... С. 51–52.

...что в Ставке верховного главнокомандующего (Управление Омской жел[езной] дор[огой]) ежедневно в 14 часов происходят оперативные доклады о положении на всех фронтах. В случае Вашего желания пользоваться сведениями, сообщаемыми на вышеуказанных докладах, прошу Вас посещать их лично в означенном времени или присылать своего представителя²⁸.

Положение представителей одной из союзных белой России держав тем не менее не обеспечило итальянцев необходимым жильем в переполненном беженцами, военными, чиновниками и дипломатами Омске. Капитан де Феррари еще 18 июня 1919 г. писал второму генерал-квартирмейстеру штаба Ставки генерал-майору П.Ф. Рябикову, что

Омский отдел Итальянской военной миссии в Сибири, невзирая на многочисленные просьбы на протяжении нескольких месяцев, до сих пор не получил подходящих комнат для устройства рабочих кабинетов и расквартирования своих офицеров²⁹.

Де Феррари надеялся на помощь Рябикова в предоставлении жилья для Итальянской военной миссии, считая, что

комнаты в отеле «Париж», занимаемые частью офицеров миссии на данный момент, должны быть освобождены прямо сегодня, так как недавно этот отель был реквизирован военноморским ведомством. Вдобавок к этому скоро в Омск придут другие офицеры [Итальянской] миссии, и они не смогут разместиться в городских гостиницах, поскольку в них нет свободных номеров³⁰.

Число итальянцев в Омске в скором времени увеличилось. По всей видимости, в июне в Омск из Красноярска было переведено небольшое итальянское подразделение, призванное повысить вес и значимость Итальянской военной миссии. О его приезде 2 июля 1919 г. генерал-майор П.Ф. Рябиков писал коменданту Омска полковнику Е.М. Катаеву³¹.

Представители Итальянской военной миссии в Омске оставались неустроенными. Рябиков вынужден был отдельно писать коменданту Омска Катаеву об улучшении их жилищных условий.

Итальянский офицер поручик Цоки (в итальянской армии не было чина поручика, речь идет о лейтенанте. – Р.Г.) просит содействия Ставки верховного главнокомандующего в том, чтобы ему был предоставлен освободившийся номер 28 в номерах Егорова, взамен бывшего в его распоряжении № 20, который очень мал и находится в подвальном этаже. <...> Прошу Вас о немедленном предоставлении означенного номера поручику Цоки...³²

31 июля комендант Омска полковник Катаев докладывал Рябикову, что «итальянский офицер поручик Цоки уже занимает номер 28 в номерах Егорова»³³. Впрочем, несмотря на удовлетворение этой просьбы, итальянские военные представители до самого отъезда из Омска обращались в Ставку с просьбами улучшить их жилищные условия. Представитель Итальянской миссии в Сибири капитан де Феррари 17 сентября 1919 г. вновь направлял просьбу генерал-майору Рябикову об улучшении жилищных условий³⁴.

Некоторое пренебрежение по отношению к представителям итальянской миссии проявлялось и в вопросах проезда по Транссибирской железной дороге.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 566. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 2–2 об.

³¹ Там же. Л. 4–4 об.

³² Там же. Л. 7–7 об.

³³ Там же. Л. 9.

³⁴ Там же. Л. 14.

Еще в августе генерал-майор П.Ф. Рябиков обращался к главному начальнику военных сообщений Ставки с просьбой

...не отказать в срочном предоставлении места в отходящем сегодня 3 августа экспрессе до Красноярска офицеру Итальянской военной миссии лейтенанту Цоки, едущему по приказанию начальника миссии с весьма важными и срочными документами в сопровождении одного ординарца. В случае если нет места, прошу разрешить, ввиду важности командировки, ехать названному офицеру в коридоре³⁵.

Так как Цоки в этот день, несмотря на просьбу Рябикова все же не удалось уехать в Красноярск, делопроизводитель Особого отделения Управления второго генерал-квартирмейстера Ставки поручик Шацкий 4 августа вынужден был написать начальнику отделения штабс-ротмистру Н.Л. Жадвойну рапорт о произошедшем. Он сообщал, что обратился к помощнику коменданта станции поручику Яськову с просьбой о содействии, предъявив также отношение второго генерал-квартирмейстера генерал-майора П.Ф. Рябикова, но что

помощник коменданта ответил, что он ничего сделать не может и обще предъявленное (так в тексте. – *Р.Г.*) ему отношение ничего не говорит, а проходивший тут же ревизор движения Омской ж[елезной] д[ороги], в весьма резкой форме заявил, что никаких мест в поезде никому не будет...³⁶

Шацкий обращал внимание своего руководства, что «с Итальянской военной миссией это второй случай, – первый был с капитаном Альдо де Феррари»³⁷.

Наконец, 11 августа тот же поручик Шацкий в отдельном рапорте сообщал начальнику отделения о своем разговоре с капитаном де Феррари. Подробный пересказ этой беседы позволяет судить о задачах, стоявших перед итальянскими офицерами в Омске и их разочаровании от попыток установить связи с верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком и Ставкой. В документе Шацкий информировал о своей встрече вечером 10 августа с де Феррари, сообщившем ему следующее:

После разговоров с Вами, штаб-ротмистром Жадвойном и некоторыми другими офицерами Ставки, мне казалось, что мне удалось завоевать симпатии русских своими взглядами, которых я не скрывал и выражал открыто, и то что я говорил о симпатиях нашего народа к русским, я могу подтвердить, равным образом и то что Италия, будучи недовольна решением Мирной конференции, естественно ищет сближения со страной, которая ей ближе по интересам. Вы знаете, что я писал во Владивосток и просил нашу миссию приехать в Омск, дабы начать более широкую деятельность совершенно самостоятельно и окончательно освободиться от влияния Французской военной миссии. Я получил благоприятные телеграммы из Владивостока вместе с директивами и указанием на то, что мне необходимо лично быть у адмирала Колчака и передать ему об изложенном и о полном единении нашего правительства с русским. Вам известно, что итальянским командованием передано снаряжение и батарея Итальянского отряда в Красноярске русскому командованию и совершенно безвозмездно, о чем я настаивал, равным образом должно было быть передано итальянское снаряжение, находящееся во Владивостоке и все это как я уже сказал совершенно бескорыстно. Также Вы знаете, что я не уехал из Омска, когда было получено приказание главнокомандующего Союзными силами в Сибири (генерала М. Жанена. – *Р.Г.*) об уходе итальянских войск из Сибири, с которыми и я должен был ехать, надеясь на более теплое и близкое сближение...

Третьего дня, узнав о приезде верховного правителя с фронта и имея распоряжения своего правительства, я послал своего адъютанта узнать не может ли верховный правитель меня принять; на другой день я три раза посылал адъютанта справиться о том же, при этом адъютант адмирала Колчака, разговаривал с моим адъютантом в том смысле, что как будто бы вообще

³⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 566. Л. 8.

³⁶ Там же. Л. 11–11 об.

³⁷ Там же.

желание видеть верховного правителя для меня безнадежно, но обещал что доложит и позвонит мне по телефону. Я весь день сидел дома и ждал и конечно мне никто не позвонил. Я прекрасно понимаю, что адмирал может быть очень занят, что у него есть срочные и неотложные дела и конечно не могу претендовать если меня не примут сразу по моему желанию, но я хочу, чтобы ко мне отнеслись с известным вниманием, т. е. адъютант, раз он сказал, что позвонит то должен был позвонить, а не заставлять меня ждать целый день и в результате узнать, что верховный правитель уехал. Я исполнял только распоряжения моего начальства, которому я доносил о возможности сближения. Посмотрите, ведь фактически ни одна моя просьба Ставкой не исполнялась. Я просил квартиру – я ее не получил, с этим я мирюсь, так как это трудно, я просил переменить комнату моему адъютанту, на что был ответ коменданта, что это сделано, а между тем это совершенно не сделано и наконец этот последний поступок адъютанта верховного правителя...

Сегодня я пошлю записку адъютанту верховного правителя с уведомлением, что я хотел видеть верховного правителя согласно данным мне моим правительством инструкциям и лично хотел представить Его Высочайшему Императору симпатии итальянского народа и те новые жертвы, которые он готов принести для спасения союзницы. Мне этого сделать не удалось и завтра 11[-го] я даю телеграмму о моем отозвании из Омска...³⁸

Шацкий сообщал Жадвойну, что ему

удалось уговорить капитана Феррари несколько подождать [с] решением обещав сообщить ему сегодня утром, что происшедшее есть вероятно плод недоразумения и что его вероятно по докладе моем, можно будет ликвидировать³⁹.

Выводы

Как видно, участие итальянцев в интервенции стран Антанты в Сибири в 1918–1919 гг. было одним из наименее активных среди союзников. Главным мотивом, который не провозглашался итальянским военно-политическим руководством официально, но реализовывался на практике, заключался в сборе и вывозе из России бывших военнопленных Первой мировой войны. Удовлетворив требования союзного командования, Италия отправила в Сибирь свои экспедиционные войска, принявшие участие в действиях против красных повстанцев. Вместе с тем боеспособность всех итальянских сил в Сибири и на Дальнем Востоке была не высокой, как и большинство других союзных войск в 1919 г. они не принимали участия в боях с регулярной Красной армией. Начатая еще в августе 1919 г. эвакуация итальянских экспедиционных сил из России позволила им в сравнительно спокойных условиях покинуть страну. Попытки Итальянской военной миссии в Сибири в 1919 г. наладить более тесные отношения с верховным правителем России адмиралом Колчаком и русской Ставкой не привели к успеху. Неудача была обусловлена как невысоким статусом итальянских представителей в Омске, так и достаточно поздним появлением их в столице белой Сибири, когда уже обозначились признаки стратегического поражения белого Восточного фронта.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.07.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.11.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.12.2024

³⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 566. Л. 12–12 об.

³⁹ Там же. Л. 12 об.

References

- Baginski, H. *Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920* [Polish Army in the East 1914–1920]. Warszawa: Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy, 1921 (in Polish).
- Bodrov, A.V., Magadeev, I.E., Pavlov, A.Yu., and Feskova, E.P. *Vrag, protivnik, soizuznik? Rossiia vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.* [Enemy, adversary, ally? Russia in French foreign policy in 1917–1924]. St. Petersburg: RHGA Publ., 2021 (in Russian).
- Datsyshen, V.G. “Italian garrison in Krasnoyarsk. From the history of the Civil War in Siberia.” *Journal of Ancient Technology Laboratory* 15, no. 2 (2019): 186–195 (in Russian), <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-186-195>
- Deryabin, A.I. *Grazhdanskaia voina v Rossii 1917–1922. Voiska interventov* [Civil War in Russia 1917–1922. The interventionist troops]. Moscow: AST Publ.; Astrel Publ., 2003 (in Russian).
- Janin, M. *Ma mission en Sibirie. 1918–1920*. Paris: Payot, 1933 (in French).
- Kapustin, L.G. “Italian armed formations in the East of Russia. 1918–1920.” *Belaia armiia. Beloe delo*, no. 22 (2015): 46–70 (in Russian).
- Legras, J. “L’agonie de la Sibirie (1918–1920).” *Le Monde Slave*, no. 2 (1931): 38–68.
- Medeot, C. *Friulani in Russia e in Siberia, 1914–1919*. Gorizia: Pellicano, 1978.
- Polyakov, Yu.A., Shishkin, V.A., Muhachev, Yu.V., Spirin, L.M., and Volkov, F.D. *Antisovetskaia interentsiia i ee krakh* [Anti-Soviet intervention and its collapse]. Moscow: Political literature Publ., 1987 (in Russian).
- Popovich, N.B. “‘Odyssey from Odessa to Krasnoyarsk...’ Serbs in Siberia in 1919–1921”. *Slavic Almanac* (2004): 187–195 (in Russian).
- Rossi, M. “Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente. Un difficile impatto con la realtà russa 1918–1919.” *Italia contemporanea*, no. 256–257 (2009): 583–598.
- Rossi, M. *I prigionieri dello zar: soldati italiani dell'esercito austro-ungarico nei lager della Russia (1914–1918)*. Milano: Mursia, 1997.
- Rossi, M. *Irredenti giuliani al fronte russo storie di ordinaria diserzione, di lunghe prigionie e di sospirati rimpatri (1914–1920)*. Udine: Del Bianco, 1998.
- Stephan, J.J. *The Russian Far East: A History*. Stanford, California: Stanford University Press, 1994.
- Subbotovskiy, I. *Soizuzniki, russkie reakcionery i intervenciia: Kratkii obzor* [Allies, Russian reactionaries and intervention: A brief review]. Leningrad: Bulletin of the Leningrad Soviet Publ., 1926 (in Russian).
- Svetachev, M.I. *Imperialisticheskaia intervenciia v Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Imperialist intervention in Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983 (in Russian).
- Vasileva, S.N. *Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. Moscow: MGOPU Publ., 1999 (in Russian).
- Zaharov, A.M. *‘Dvoiurodnye bratiia’: Slavianskie dobrovolcheskie vooruzhennye formirovaniia v Rossii* [‘Cousins’: Slavic Volunteer Armed Forces in Russia]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University Publ., 2020 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Руслан Григорьевич Гэгкуев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России, Институт российской истории Российской академии наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; gagkuev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>; SPIN-код: 3803-4060.

Ruslan Grigorievich Gagkuev, Dr. Habil. Hist., Leading Researcher of Center of Military History of Russia, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences; Dmitriya Ulyanova St., 19, 117292 Moscow, Russian Federation; gagkuev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>; SPIN-code: 3803-4060.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-19-30>
EDN: AFRDIZ

Научная статья / Research article

А.А. Сахно-Устимович и его проекты возрождения запорожского казачества под эгидой Белого движения

Антон Александрович Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

a.chemakin@spbu.ru

Аннотация: Исследование посвящено деятельности полковника А.А. Сахно-Устимовича, служившего во время Гражданской войны в армиях Украинской народной республики, Украинской державы и в Вооруженных силах Юга России. Оказавшись в рядах Белой армии, он неоднократно выступал с предложениями по возрождению запорожского казачества. Цель исследования заключается в реконструкции деятельности Сахно-Устимовича по возрождению запорожского казачества. Источниковая база основана на материалах шести архивов, воспоминаниях современников, статьях из эмигрантской периодической печати («Новое время», «Українська трибуна», «Известия Высшего монархического совета»). Осенью 1920 г. во врангелевском Крыму Сахно-Устимович создал Православное казачье братство, которое должно было стать своеобразным религиозным орденом. Заручившись поддержкой ряда церковных иерархов и атаманов казачьих войск, он обращался к П.Н. Врангелю с просьбой разрешить формирование «Коша Запорожского казачьего войска», но из-за эвакуации белых из Крыма реализовать проект так и не удалось. Автор приходит к выводу, что хотя сам Сахно-Устимович руководствовался преимущественно идеалистическими соображениями, многие его сторонники стремились за счет возрождения запорожского казачества сохранить свое привилегированное положение.

Ключевые слова: Малороссия, Русская армия, гетманцы, украинский вопрос, белогвардейцы

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П.Н. Врангеля (весна-осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>

Для цитирования: Чемакин А.А. А.А. Сахно-Устимович и его проекты возрождения запорожского казачества под эгидой Белого движения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 19–30. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-19-30>

A.A. Sakhno-Ustimovich and His Projects for Revival of Zaporozhye Cossacks under the Auspices of the White Movement

Anton A. Chemakin

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

a.chemakin@spbu.ru

Abstract: The research is devoted to the activities of Colonel A.A. Sakhno-Ustimovich who served during the Civil War in the armies of the Ukrainian People's Republic, the Ukrainian State, and in the Armed Forces of South Russia. While serving in the White Army, he repeatedly proposed ideas for the revival of the Zaporozhye Cossacks. The aim of this study is to reconstruct Sakhno-Ustymovich's

activities in reviving the Zaporozhye Cossacks. The source base is the materials from 6 archives, memoirs of contemporaries, and articles from emigrant periodicals (“Novoe Vremia,” “Ukrainska Trubuna,” and “Izvestiia Vysshego Monarkhicheskogo Soveta.” In the autumn of 1920, in Crimea, Sakhno-Ustymovich created the Orthodox Cossack Brotherhood which was supposed to become a kind of religious order and having secured support of a number of clerical hierarchy and atamans of the Cossack army, Sakhno-Ustymovich turned to P.N. Wrangel with a request to allow the formation of the “Camp of the Zaporozhye Cossack Army.” However, due to the evacuation of the Whites from Crimea, the project was never implemented. The author concludes that although Sakhno-Ustymovich was guided primarily by idealistic considerations, many of his supporters sought to preserve their privileged position through the revival of the Zaporozhye Cossacks.

Keywords: Little Russia, Russian Army, hetmanists, Ukrainian question, White Guards

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00046 “The Ukrainian question in general P.N. Wrangel's policy (spring – autumn 1920)”, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00046/>

For citation: Chemakin, A.A. “A.A. Sakhno-Ustymovich and His Projects for Revival of Zaporozhye Cossacks under the Auspices of the White Movement.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 19–30. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-19-30>

Введение

Актуальность. Отношение различных представителей Белого движения к украинскому вопросу является достаточно популярной темой исследований, но при этом многие аспекты ее еще не получили должного освещения. Одним из подобных малоизученных сюжетов является деятельность полковника Александра Александровича Сахно-Устимовича (1880–1973), предлагавшего различным белым генералам проекты возрождения запорожского казачества, а также предпринятая им во врангелевском Крыму попытка создания Православного казачьего братства (ПКБ), которое должно было стать не только ядром будущей военной организации, но и своеобразным религиозным орденом.

Степень изученности проблемы. Проекты Сахно-Устимовича упоминаются в ряде исследований¹, но их авторы опираются на мемуары генерал-лейтенанта Я.А. Слащева, а не на документы самого братства, сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Биография Сахно-Устимовича рассматривалась некоторыми украинскими авторами, но во многих из этих работ содержатся достаточно грубые ошибки (например, Александра зачастую путают с его братом Василием)². Лишь в статье Я.А. Тинченко, опубликованной в 2020 г., часть этих ошибок исправлена, но и в ней нет никакой новой информации про проекты Сахно-Устимовича во врангелевском Крыму³. Отметим также весьма интересное суждение В.С. Секачева, который оценивал проект Сахно-Устимовича как попытку примирить русских и украинцев на религиозной основе и возродить Русь «путем возвращения народа к подлинным его идеалам – Святому Православию»⁴.

¹ Куцинський А. Кілька документів про «українське питання» у Врангеля // Тризуб. 1926. 18 квітня. № 26–27. С. 25–26; Табачник Д. Українська Держава і Біла Гвардія: від протистояння до запізнілого компромісу // Політика і час. 1996. № 8. С. 71–74; Пискун В.Н. Українці в правительстві П. Врангеля: личностне измерення // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 154; Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1920–1922. М.: Яуза-Каталог, 2019. С. 212–213. ISBN: 978-5-00155-001-3. EDN: HXGQNP

² Тинченко Я. Армії України 1917–1920 гг. М., 2002. С. 108; Тинченко Я. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. С. 389–390; Гай-Нижник П. Павло Скоропадський і Власний Штаб гетьмана всієї України: боротьба за владу і державність. Київ, 2019. С. 237–241.

³ Тинченко Я. Останні гетьманці: діяльність братів Сахно-Устимовичів в українському військовому русі 1917–1920 рр. // ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 2020. № 1. С. 134–152.

⁴ Секачев В. Украинский церковный сепаратизм // Единство Церкви. Богословская конференция 15–16 ноября 1994 года. М., 1996. С. 117.

Цель исследования – реконструкция деятельности Сахно-Устимовича по возрождению запорожского казачества.

Источниковая база исследования опирается в первую очередь на неопубликованные документы Православного казачьего братства, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-422). Кроме того, в работе использованы материалы еще шести российских, украинских и американских архивов (Государственный архив Российской Федерации – фонды Р-7030 (Русский заграничный исторический архив), Р-7440 (Г.Е. Янушевский), Р-6217 (Коллекция материалов правительства Врангеля во время его пребывания в Крыму); Российский государственный военно-исторический архив – фонд 409 (Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии); Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины – фонды 1074 (Министерство военных дел Украинской державы) и 3696 (Министерство иностранных дел Украинской народной республики); Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев – фонд 1219 (Скоропадские); Государственный архив Одесской области – фонд 153 (И.А. Линниченко); Бахметевский архив русской и восточно-европейской культуры – коллекция Ю.К. Сахно-Устимовича; Архив Гуверовского института войны, революции и мира – коллекции П.Н. Врангеля и Е.К. Миллера), а также мемуары современников (Н.А. Раевского, В.Ф. Романова, Я.А. Слащева, Г.И. Вергунского и др.), статьи из эмигрантской периодической печати («Новое время», «Українська трибуна», «Известия Высшего монархического совета»).

Происхождение А.А. Сахно-Устимовича и его деятельность до 1920 г.

А.А. Сахно-Устимович родился 23 ноября 1880 г. в местечке Куринька Лохвицкого уезда Полтавской губернии в семье потомственных дворян. Род его происходил от сотника Софония (Сахно), убитого, согласно семейному преданию, под Чигирином в 1678 г. Впрочем, иногда к предкам Сахно-Устимовичей относили и некоего Сахно, сподвижника гетмана Павлюка, казненного в Варшаве в 1638 г. Один из членов рода, живший в начале XVIII в., был женат на внучатой племяннице гетмана Д.П. Апостола. Отец Александра, генерал-майор Александр Васильевич Сахно-Устимович, служил сначала в Терском, а затем в Кубанском казачьем войске. Мать, Ульяна Степановна, являлась дочерью предводителя дворянства Лохвицкого уезда Полтавской губернии. В семье были еще несколько детей – Александр (1868–1879), Василий (1870–1925), Алексей (1873–1964), Елена, Ульяна⁵.

История рода и место рождения оказали заметное влияние на мировоззрение Александра. «С детских лет Сахно-Устимович лелеял мечту о возрождении Украины на ее исторических традициях, с ее седой казацкой стариной»⁶, – писал впоследствии один из киевских журналов. Воспитывался Сахно-Устимович во Владимирском Киевском кадетском корпусе. В конце августа 1899 г. был зачислен в Константиновское артиллерийское училище, в сентябре 1900 г. был произведен в унтер-офицерское звание, в мае 1901 г. стал портупей-юнкером. По окончании полного курса наук в августе 1901 г. был произведен в подпоручики в 5-ю Артиллерийскую бригаду, расположенную в Житомире⁷. В июне 1909 г. Сахно-Устимович был переведен в 1-ю Терскую казачью конно-артиллерийскую батарею, а в октябре 1910 г. – в штаб Киевского военного округа с зачислением по армейской кавалерии

⁵ Модзалевский В.О. Малороссийский родословник. П–С. Киев, 1914. С. 545, 557–558, 562–563; Генеральный Есаул Полковник А.А. Сахно-Устимович // Киевское жало. 1918. № 5. С. 3–4.

⁶ Генеральный Есаул... С. 3–4.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. П/с 299–136. Л. 73–73 об.

и с переименованием из поддесаулов в штабс-ротмистры⁸. Несмотря на перевод в Киев, он продолжал числиться казаком Терского войска по станице Горячеводской Пятигорского отдела. В июле 1914 г. был назначен адъютантом Главного начальника Киевского военного округа, в декабре 1916 г. произведен в ротмистры⁹.

После Февральской революции Сахно-Устимович принял участие в украинизации армии и был избран заместителем председателя совещания украинцев-воинов киевского гарнизона¹⁰. Сам Сахно-Устимович утверждал, что являлся головой киевского гарнизонного украинского собрания и членом президиума Украинского военного клуба имени гетмана Павла Полуботка¹¹. В мае 1917 г. его произвели в подполковники, в июле назначили членом 15-й дополнительной ремонтной комиссии. С ноября 1917 г. он был штаб-офицером в распоряжении командующего войсками Киевского военного округа, с января 1918 г. служил в армии Украинской народной республики (УНР), занимая должности старшего начальника Главного управления по ремонту и начальника Ремонтного отдела¹².

По словам П.П. Скоропадского, Сахно-Устимович также занимался на Полтавщине организацией «вольного казачества» – добровольческих военизированных формирований¹³. Сахно-Устимович писал, что главнокомандующий украинским противобольшевистским фронтом Ю.Е. Капкан назначил его организатором «вольного казачества» на Левобережной Украине, а казачья рада избрала кошевым атаманом на Полтавскую и Черниговскую губернии. Впоследствии он вспоминал:

В 1918 году совместно с М. Гижицким и Е. Коношенко явился инициатором установления гетманства, одним из организаторов партии «Украинская народная громада». В том же году организовал в г. Киеве вооруженную силу и, приняв на себя командование ею, произвел активную часть переворота, установившего на Украине гетманскую власть¹⁴.

Сахно-Устимович, действительно, присоединился к возглавляемой его родственником Н.Н. Сахно-Устимовичем Украинской народной громаде (УНГ) – организации, выражавшей интересы помещиков и ставившей целью отстранение от власти социалистической Центральной рады. В середине апреля 1918 г. Сахно-Устимович получил от Скоропадского приказ набрать офицеров для организации переворота, а во время взятия власти возглавил один из отрядов, предназначенных для «захвата лиц и учреждений»¹⁵. Литературовед Н.А. Раевский, бывший участником событий, вспоминал:

Несколько раз во дворце появлялся и снова исчезал энергичный, подвижный А. Сахно-Устимович <...>. Чувствовалось, что он один из главных, если не вдохновителей, то исполнителей переворота. Все время носился на автомобиле по городу, арестовывал деятелей «старого режима», занимал кабинетами министерства, ободрял, торопил. Он же был чем-то вроде казначея¹⁶.

Во время одного из разговоров с Раевским Сахно-Устимович между делом рассказал свою мечту о том, что гетман восстановит на острове Хортица Запорож-

⁸ Модзалевский В.О. Малороссийский родословник... С. 563.

⁹ Генеральный Есаул... С. 4.

¹⁰ Кедровський В. Початок українзації в російській армії і Перший Український Військовий З'їзд // Вісті комбатанта. 1967. № 1. С. 25.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.

¹² Генеральный Есаул... С. 4.

¹³ Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 102.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.

¹⁵ Скоропадський П. Спогади. С. 141, 152.

¹⁶ Раевский Н. Тысяча девятьсот восемнадцатый год // Простор. 1992. № 6. С. 13.

скую Сечь¹⁷. В Пасхальную ночь гетман лично произвел Сахно-Устимовича в полковники и назначил генеральным осавулом, то есть старшим адъютантом¹⁸.

В июне 1918 г. при военном министерстве была создана Генеральная казачья рада (ГКР), одним из членов которой был назначен Сахно-Устимович¹⁹. Впоследствии он стал членом президиума ГКР и возглавил атаманскую конную сотню. В октябре 1918 г. Скоропадский издал универсал о возрождении казачества, но реализации проекта помешало антигетманское восстание²⁰ (в петлюровской армии также активно использовалась «казачья» и «запорожская» риторика, но речи о возрождении казачества как сословия уже не шло). Сахно-Устимович оставался при гетмане до последних часов режима. Уже находясь в эмиграции, он ознакомился с «Днями Турбиных» М.А. Булгакова и рассказал публицисту Е.А. Жукову, что бегство Скоропадского в пьесе было изображено правильно²¹. После захвата Киева войсками Директории Украинской народной республики Сахно-Устимович на протяжении примерно трех недель оставался в городе на нелегальном положении. «При гетмане служило так много Устимовичей, что каждый, носивший эту фамилию, мог быть вполне уверен в беспощадной расправе петлюровцев», – вспоминал генерал-майор Ю.К. Сахно-Устимович²². Деятель Красного Креста В.Ф. Романов, видевший Сахно-Устимовича в те дни, вспоминал:

Он весь был поглощен вопросами о Боге, много читал и думал на богословские темы, его пытливые искания, горячая вера в Божеские законы и значение их для правильного построения социальных отношений были увлекательны и помогали отвлекаться от мыслей о гадостях, которые творили петлюровцы в Киеве...²³

В начале 1919 г. перебравшийся в Одессу Сахно-Устимович принял участие в деятельности возрожденной УНГ, войдя в состав ее Исполнительного комитета²⁴. В архиве историка И.А. Линниченко сохранилась аналитическая записка, посвященная УНГ. Составлена она была в начале 1919 г. кем-то из руководителей Громады, возможно, самим Сахно-Устимовичем – по крайней мере, в ней выдвигались именно те идеи, которые он будет предлагать руководству белых в дальнейшем. Автор записки отмечал, что «украинский национализм, как явление мазепинского толка, несомненно перенесен на юг России немцами и католической церковью», но

кроме национализма «сепаратного», воспитанного на галицийской мове и ненависти к России, существует национализм чисто бытовой, точно такой же, какой присущ отдельно саксонцу и баварцу, бок о бок идущих при намеке на опасность, угрожающую общей матери-Германии. В Малороссии этот национализм еще сильнее, ибо история Малороссии знает много ярких самобытных картин, а среди населения Малороссии есть тысячи потомственных казаков, сохранивших свой своеобразный стиль и любовь к родной стране²⁵.

¹⁷ Раевский Н. Тысяча девятьсот восемнадцатый год // Простор. 1992. № 6. С. 16.

¹⁸ Генеральный Есаул... С. 3–4.

¹⁹ Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 1074. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 56.

²⁰ Лободаев В. Революційна стихія. Вільнокозацький рух в Україні 1917–1918 рр. Київ, 2010. С. 226, 538.

²¹ Жуков Е. По поводу «Дней Турбиных» // Новое время. 1929. 17 февраля. № 2338. С. 2.

²² Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. I.K. Sakhno-Ustimovich Papers. Box 3; Сахно-Устимович Ю. За единую, неделимую. Воспоминания о моем участии в Гражданской войне. Глава I. «Роковой день». С. 5.

²³ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.). СПб., 2019. С. 410, 425.

²⁴ Hoover Institution Archives (далее – HIA). P.N. Vranghel collection. Box 30. Folder 26. Обзор деятельности Украинской народной громады.

²⁵ Государственный архив Одесской области. Ф. 153. Оп. 1. Д. 571. Л. 2 об. – 3.

Автор предлагал начать организацию местных уроженцев «с разрешением им в военном обиходе пользоваться терминологией, заимствованной из малороссийской народной речи». Эта армия – народная, но при этом основанная на классовом принципе – должна была привлечь симпатии населения, в отличие от состоящих исключительно из офицеров добровольческих отрядов²⁶.

Идея эта поддержки не получила, но Сахно-Устимович не оставил ее и после эвакуации из Одессы в Екатеринодар. В июне 1919 г. он обратился к командиру 3-го Кубанского корпуса генерал-лейтенанту А.Г. Шкуро с предложением организовать в пределах Украины казачество на «верных исторических началах». Сахно-Устимович вспоминал:

Я полагал, что такая организация на Украине является необходимой, как противовес социалистическому унитарному движению, создаваемому украинцами новой школы. Коренное население Украины, среди которого еще живы воспоминания о славном прошлом казачества, найдя правильное выражение своим чувствам, сразу же поймет всю лживость упомянутого движения, и разрушительная работа ново-украинцев окончательно будет парализована²⁷.

Шкуро поддержал проект Сахно-Устимовича и в начале июля 1919 г. обратился к донскому атаману генерал-лейтенанту А.П. Богаевскому с предложением усилить казачество за счет населения Малороссии, преимущественно Полтавской и Черниговской губерний, где до той поры сохранялось сословие казаков и где были «живы предания седой казачьей старины и витает дух их доблестных предков запорожских казаков – славных борцов за веру Православную и за свое имя Русское». В практической плоскости предлагалось сформировать особый отряд под названием «Запорожский кош Малороссийского казачьего войска», и в том случае, если идея возрождения малороссийского казачества будет направлена по «верному исторически и здраво-государственному пути», предполагалось, что «“украинство”, как лживый вражеский обман, само собою исчезнет из горизонта Малороссии». Шкуро сообщал, что на днях он предполагает сделать доклад по этому вопросу главнокомандующему Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанту А.И. Деникину²⁸.

6 июля 1919 г. Шкуро своим предписанием, основанным на согласии Деникина, возложил на Сахно-Устимовича поручение сформировать «Кош запорожских казаков» в Екатеринославе и Полтаве²⁹. Согласно утверждениям Василия Сахно-Устимовича, также поступившего на службу в ряды ВСЮР, Шкуро должен был стать атаманом возрожденного войска³⁰. Затея эта продолжения не получила, т.к. вскоре из Ставки пришло телеграфное распоряжение начальника штаба главнокомандующего генерал-лейтенанта И.П. Романовского о прекращении формирования «частей малороссийского казачества»³¹.

Попытка воссоздания запорожского казачества во врангелевском Крыму и Православное казачье братство

Очередная попытка реализовать свою мечту была предпринята Сахно-Устимовичем во врангелевском Крыму, где полковник оказался после отступления белых. Летом 1920 г. он принял участие в деятельности правых украинских органи-

²⁶ Государственный архив Одесской области. Ф. 153. Оп. 1. Д. 571. Л. 3.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

²⁸ Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 394–397.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

³⁰ Тинченко Я. Останні гетьманці... С. 144.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.

заций в Крыму³², вошел в состав военной комиссии, занимавшейся вопросом формирования украинских частей в составе Русской армии³³. Собрание представителей украинских организаций в Крыму просило главнокомандующего П.Н. Врангеля сформировать штаб повстанческих отрядов на территории Украины и включить в его него «состоящего при гражданском управлении полковника Сахно-Устимовича» с сохранением получаемого содержания³⁴.

Первоначально поддержку инициативам Сахно-Устимовича оказывал генерал Я.А. Слащев, который заинтересовался украинским вопросом еще весной 1920 г. Петлюровец Л.Е. Чикаленко, побывавший в Крыму в конце лета 1920 г. в качестве члена делегации УНР, так вспоминал о людях, группировавшихся вокруг Слащева:

Это был украинский элемент из помещичьих семей и семей чиновников. <...> Для этих людей революция – это в первую очередь бунт тех «своих», «тутешних», полуинтеллигентных сельских учителей, бухгалтеров, фельдшеров, телеграфистов, которыми они в долгие и хорошие для них времена если не брезговали, то во всяком случае никого из них к своему столу не посадили бы... Что по всей гигантской империи такое происходило, им это до сознания не доходило – они видели, слышали и жили надеждами ближайших околлиц и потому при гетмане, пылая мстостью, шли в карательные отряды, а при Деникине – в полицию, чтобы отомстить, чтобы что-то еще успеть отобрать...³⁵

Характеристика, данная социал-демократом Чикаленко, вряд ли применима лично к Сахно-Устимовичу, руководствовавшемуся не столько корыстными интересами, сколько религиозными соображениями и детской мечтой о возрождении времен старого казачества. Но характеристика той малороссийской помещичьей среды, к которой принадлежал он, была дана верно: это были люди, которые ненавидели социалистов всех мастей, от большевиков до петлюровцев, и готовы были признать более или менее консервативные режимы Скоропадского, Деникина, Врангеля – вне зависимости от того, какие лозунги, украинские или общерусские, выставлялись на знамя. Социальная суть режима была для этих людей важнее национальной «оболочки», которую в зависимости от обстоятельств они готовы были поменять.

30 июля 1920 г. Сахно-Устимович подготовил доклад Врангелю, в котором предлагал сформировать «Кош запорожских казаков» «на заветах старой Запорожской Сечи», отвечающий «всем чаяниям и заветной мечте истинных сынов Украины». Сахно-Устимович предполагал, что это будет не только строевая часть, но и церковно-православное братство. Боевой и политической задачей Коша было

вторжение в пределы Украины, пополнение своих сил за счет благонамеренной части населения Украины и поднятие там народного движения в пользу Вооруженных сил Юга России³⁶.

Скорее всего, доклад не был сразу же после написания передан Врангелю.

21 августа 1920 г. Сахно-Устимович обратился с докладом к генералу Слащеву:

Родина наша создавалась и всегда спасалась Православной верой, которой предки наши крепко держались, – писал он. – Особенно яркий пример этому представляет собою история Киевской (Малой) Руси–Украины. В период тяжких испытаний украинское казачество по призыву Святой Церкви, исполненное религиозным порывом, как один встало на защиту Веры своей и народности. Сечь Запорожская, представлявшая собой военно-религиозное братство, являет

³² ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 224. Л. 53 об.

³³ Там же. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 114, 136.

³⁴ Там же. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–1 об.

³⁵ Чикаленко Л. Уривки зі спогадів з років 1919–1920. Нью-Йорк, 1963. С. 137–138.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10 об.

пример бессмертной доблести и мужества – никакая вражеская сила не могла устоять против восставшего за веру Христову казачества³⁷.

По мнению полковника, путем мобилизации собрать народную силу нельзя, зато можно объединить повстанцев на почве «жизненной в народе идеи» – возрождения на берегах Днепра исторического казачества. Сахно-Устимович полагал, что для реализации его идеи необходимы: обращение главнокомандующего Русской армией с воззванием (грамотой) к населению Украины о возрождении запорожского казачества и приказ о разрешении формирования первого Коша Запорожского казачьего войска из лиц, родившихся на Украине или как-то с ней связанных, а также сочувствующих идее возрождения исторического казачества. Кош из 500–2000 чел. – добровольцев, не призванных на военную службу, или служащих тыловых учреждений – мог быть сформирован в течение месяца в составе трех родов оружия, а затем, войдя в состав десантного отряда, переброшен на Украину с целью стать тем ядром, «вокруг которого объединятся и организуются строевые казачьи части, положительные элементы Украины». Сахно-Устимович предлагал возложить организационные работы по формированию Коша на него самого и обещал немедленно представить список лиц, нужных для осуществления данной задачи³⁸.

Слащев передал доклад Врангелю вместе со своим рапортом о необходимости перенесения центра тяжести военных операций на Украину и «Проектом необходимых мероприятий для разрешения украинского вопроса». Среди прочего в «Проекте» предлагалось «образование украинской общественно-национальной единицы – Украинской Народной Громады, как выразителя общественного украинского мнения», образование Совета по украинским делам при главнокомандующем, избрание наказного украинского атамана, установление для украинских войсковых и повстанческих частей желто-синего флага с бело-сине-красным углом. Название «Украинская народная громада», очевидно, появилось в «Проекте» под влиянием Сахно-Устимовича, который, скорее всего, и был реальным автором этого документа. Два дня спустя Врангель принял Слащева и заявил, что,

ничего не имея принципиально против представленного проекта, он, в силу известных политических соображений, окончательно ответа в данную минуту дать не может³⁹.

Неудача явно не смутила Сахно-Устимовича, и он начал действовать через других лиц, а не через Слащева, к тому моменту уже впавшего в немилость.

14 сентября 1920 г. состоялось собрание «потомков запорожских и малороссийских казаков и уроженцев Украины». Заслушав доклад Сахно-Устимовича, оно постановило, что

образование Днепровского дисциплинированного и подчиненного главнокомандующему казачества <...> явится актом первостепенной государственной важности в деле воссоздания всея Руси Православной, учитывая также разнообразные вредные политические и экономические течения на Украине, грозящие самому бытию Великой России⁴⁰.

Участники собрания решили объединиться в Православное казачье братство и просить церковных иерархов и атаманов уже существующих казачьих войск возбудить ходатайство перед правителем Юга России о разрешении образовать на Днепре «Кош Запорожского казачьего войска».

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 39. Л. 28.

³⁸ Там же. Л. 28–28 а.

³⁹ *Слащев-Крымский Я.А.* Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. Константинополь, 1921. С. 59–66.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

Среди лиц, вошедших в ПКБ, можно отметить полковников С.С. Бондырева, князя В.Н. Гагарина, А.М. Старицкого, Горленко, Жуковского, Лесли, А.Ф. Пономарева, подполковников А.А. Волохова, В.П. Дарагана, Л.В. Лаушкина, В.Н. Пономаренко, ротмистров Г.П. Коваленко и Шпаковского, капитанов Молина и Мирошниченко, поручиков Маляревского, Морозовского и А. Святогорова, корнетов Г.И. Портанского и Шулкового, есаула Н.И. Панкратова, подпоручика Дмитриева, подъесаула казачьей конной артиллерии Н.К. Гильденбанн-Выговского (член ГКР при гетмане), действительных статских советников А. Шатковского и Б.Ф. Григоренко (один из лидеров Союза хлеборобов-собственников), статских советников Савицкого и М.М. Ханенко (бывший гофмаршал гетманского двора), В.А. Сахно-Устимовича (бывший командир личного гетманского конвоя), присяжного поверенного А.К. Зеленского, П.П. Галкина, Б.И. Маркевича, С.А. Глазуненко, М. Кочубея, В. Старицкого, А. Евтихьева, а также еще 15 чел., чьи подписи не удалось разобрать. Основное ядро братства насчитывало около 50 чел., значительная часть из которых ранее служила в армии Украинской державы. Председателем инициативной группы ПКБ был избран Александр Сахно-Устимович, секретарем – Портанский, уполномоченными членами – Шатковский, Бондырев, Старицкий, Маркевич, Лаушкин, Зеленский и Молин⁴¹.

17 сентября 1920 г. уполномоченные инициативной группы подготовили доклад Врангелю, в котором предлагалось: подготовить обращение Временного высшего церковного управления на Юго-Востоке России (ВВЦУ) ко всему населению Украины с призывом Божьего благословения на пожелавших встать в ряды Коша; откомандировать в распоряжение Коша всех свободных священнослужителей и причетников для несения службы Божией и проповеди Евангелия; предложить всем повстанческим отрядам на Украине влиться в формируемый Кош; объявить, что все вступающие в Кош получают «права и привилегии, присущие русскому казачеству вообще», в том числе право иметь своего атамана. «Мы, истинные сыны Украины, потомки запорожских и малороссийских казаков, братски протягиваем вам свои руки», – писали руководители ПКБ Врангелю. В заключение доклада они ходатайствовали о скорейшем издании приказа о восстановлении запорожского казачества, чтобы успеть к 1 октября – празднику Покрова Богородицы и храмовому дню запорожских сечевиков⁴².

Для подкрепления своего предложения ПКБ обратилось за поддержкой к придерживавшимся правых взглядов церковным деятелям и атаманам казачьих войск. Некоторые из них – митрополит Одесский и Херсонский Платон (Рождественский), архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан (Быстров), епископ Чигиринский Никодим (Кротков), руководитель клерикально-монархического «Братства Святого Креста» протоиерей В.И. Востоков – не ответили (или не успели дать свой отзыв в срок). Другие поддержали инициативу Сахно-Устимовича и дали свои заключения. Так, бывший почетный председатель Почаевского отдела Союза русского народа митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) писал: «Украинское казачество возникло и жило как защита православной веры против римского католичества и унии. Эта цель объединяла казаков в продолжении 200 лет их пребывания в Приднепровской Украине, и только с таким знаменем может существовать малороссийское и русское казачество. Бог да благословит добрый почин восстановления казачества на древнем приднепровском пепелище». Благословил «святое дело» и вызвался помогать ему епископ Севастопольский Вениамин (Федченков), также связанный с крайне правыми кругами. Председатель

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–8 об.

⁴² Там же. Л. 2–3 об.

ВВЦУ, один из лидеров Всероссийского национального союза архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе) призвал Богородицу быть «Небесной Воеводой» Коша. «Запорожцы спасут прекрасную Украину, а с ней и общую Родину, вместе с братьями-казаками, детьми единой Русской армии, – писал донской атаман генерал-лейтенант А.П. Богаевский. – Слава возрождающемуся запорожскому казачеству! Пусть братья запорожцы на полях сражений за родной край дадут Ленину и Троцкому такой же гордый ответ, как их славные предки турецкому султану!» Кроме того, поддержку начинанию Сахно-Устимовича выразили терский атаман генерал-лейтенант Г.А. Вдовенко, кубанский атаман В.Н. Иванис, генерал-майор А.Н. Донсков от имени Астраханского войска, генеральный секретарь Украинского национального комитета (УНК) Б.В. Цытович⁴³.

Заручившись такой внушительной поддержкой, 23 сентября 1920 г. Сахно-Устимович представил Врангелю докладную записку и приложенные к ней доклад уполномоченных ПКБ, постановления собрания 14 сентября, свой доклад от 30 июля, резолюции иерархов и атаманов казачьих войск. Также Сахно-Устимович передал некое постановление повстанцев от 22 сентября 1920 г., в котором высказывалась поддержка ПКБ и давалось обещание «всех своих казаков отдать на формирование казачьей силы». Постановление было подписано «атаманом повстанческих войск Украины» и его есаулом (подписи обоих неразборчивы), атаманом Лазаренко и скарбником Наливайко. Обладали ли эти лица какой-нибудь силой или представляли только самих себя – сказать затруднительно.

Реакция Врангеля на этот проект нам неизвестна. Упоминание о дальнейшей судьбе ПКБ можно найти в воспоминаниях корнета Г.И. Вергунского, писавшего о группе «лиц, которые хотели, опираясь на сильные чувства глубочайшей веры в Бога и подлинного национального населения юга России, повести беспощадную борьбу против большевиков, заручившись симпатиями и этого населения и привлекая на свою сторону всех повстанческих малороссийских атаманов. По его словам, в итоге

ничего не вышло, несмотря на неоднократные энергичные усилия умнейшего, и известнейшего, и <...> достойнейшего иерарха русской православной Церкви в России и за границей – митрополита Антония⁴⁴.

А.А. Сахно-Устимович в эмиграции

В начале ноября 1920 г. Врангель был вынужден оставить Крым. Сахно-Устимович эвакуировался в Константинополь на пароходе «Константин»⁴⁵. Посольство УНР в Константинополе сообщало, что на одном из заседаний местного отделения УНК присутствовал представитель «Украинско-казацкого православного братства» «терский полковник Сахно-Устимович»⁴⁶. Как утверждала петлюровская газета «Українська трибуна», в начале лета 1921 г. Сахно-Устимович, к тому моменту перебравшийся в Германию, был направлен Скоропадским на съезд русских монархистов в Рейхенгалле с заданием достигнуть с ними взаимопонимания⁴⁷. В октябре 1921 г. информатор представителя Врангеля в Париже генерал-лейтенанта Е.К. Миллера сообщал о том, что в берлинских кругах Сахно-Устимович рассматривается как возможный кандидат в гетманы:

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 3 об. – 6.

⁴⁴ *Вергунский Г.И.* Мучения правды. Очерки. Новый Сад, 1925. С. 126–127.

⁴⁵ Главное справочное бюро в Константинополе, 1920–1922 гг.: именные списки беженцев и чинов Русской Армии: Сборник документов. М., 2022. С. 355.

⁴⁶ ЦГАВО Украины. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 360. Л. 7 об.

⁴⁷ Скоропадський і монархисти // *Українська трибуна*. 1921. 13 жовтня. № 134. С. 2.

Пока Сахно еще поддерживает связь с Скоропадским, но стоит за федерацию с Москвой <...>. Сахно хочет основать православное казачье братство (Малороссийское или Запорожское). Болгария и Сербия обещали дать в его распоряжение некоторые монастыри для его братьев-воинов. Симпатии здесь в берлинских русских кругах на стороне Сахно. Скоропадский все больше теряет доверие⁴⁸.

Очевидно, полковник не оставлял идею о создании братства, но касательно его желания начать самостоятельную политическую карьеру информатор ошибался – Сахно-Устимович в начале 1920-х гг. некоторое время сотрудничал с гетманским движением⁴⁹, хотя при этом не терял контактов и с русскими кругами, состоя членом Общества взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота.

В 1956 г. Сахно-Устимович вместе с семьей перебрался в США. В том же году Высший монархический совет назначил его представителем Российского монархического движения в штате Иллинойс⁵⁰. При этом он продолжал поддерживать контакты и с семьей Скоропадского, хотя в гетманском движении к тому времени никакого участия не принимал. В январе 1963 г. Сахно-Устимович жаловался дочери Скоропадского Елизавете:

Гетманцев нашего направления нет, видимо, все современники поумирали, а позднейшие поколения находятся под влиянием галичан, не соответствующих нашему духу⁵¹.

Не хотел он иметь дел и с петлюровцами, и когда их представители обратились к полковнику с просьбой дать для их журнала воспоминания, он ответил отказом⁵². Скончался Сахно-Устимович в январе 1973 г. в Чикаго.

Выводы

Попытка возрождения запорожского казачества так и не осуществилась, хотя осенью 1920 г. Сахно-Устимовичу удалось заручиться поддержкой весьма влиятельных в Крыму лиц – чего стоят только имена донского атамана Богаевского и епископа Вениамина, игравшего при Врангеле заметную политическую роль. Возможно, главнокомандующий Русской армией в конце концов поддержал бы этот проект, но военное поражение и эвакуация из Крыма поставили крест на мечтах Сахно-Устимовича. Сам он, вероятно, искренне верил в возможность реализации своего романтически-реакционного идеала, руководствуясь не в последнюю очередь религиозными соображениями и пытаясь согласовать свой местный украинский патриотизм с патриотизмом общерусским. В то же время нельзя не отметить и определенного цинизма малороссийской помещицкой среды, пытавшейся совместить свои сословные проекты с современными национальными движениями, «продать» идею возрождения запорожского казачества украинским или русским националистам – в зависимости от обстоятельств. И сегодня сложно сказать, чего было больше в проекте возрождения запорожского казачества – бескорыстной веры в рыцарские идеалы или желания защитить свои экономические интересы и сохранить привилегированное положение.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.02.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.12.2024

⁴⁸ НИА. Evgenii Miller papers. Box 19. Folder 12. Письмо Е.К. Миллера В.Ф. Кирею от 24 октября 1921 г.

⁴⁹ Скоропадські. Родинний альбом. Київ, 2014. С. 141, 466.

⁵⁰ Референдум // Известия Высшего монархического совета. 1956. № 18. С. 4.

⁵¹ Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 1219. Оп. 4. Д. 1785. Л. 1.

⁵² Там же.

References

- Chykalenko, L. *Uryvky zi spogadiv z rokiv 1919–1920* [Excerpts from memoirs of 1919–1920]. New York: Nasha Batkivshchyna Publ., 1963 (in Ukrainian).
- Efimov, A.V., ed. *Glavnoe spravocnoe biuro v Konstantinopole, 1920–1922 gg.: imennye spiski bezhentsiev i chinov Russkoi Armii: Sbornik dokumentov. Vypusk 2* [The Main Information Bureau in Constantinople, 1920–1922: nominal lists of refugees and ranks of the Russian Army: A collection of documents. Iss. 2]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2022 (in Russian).
- Gaj-Nyzhnyk, P. *Pavlo Skoropadskyi i Vlasnyi Shtab getmana vsiei Ukrainy: borot'ba za vladu i derzhavnist'* [Pavel Skoropadsky and his own headquarters of the hetman of all Ukraine: the struggle for power and statehood]. Kiev: Krok Publ., 2019 (in Ukrainian).
- Kedrovsky, V. "The beginning of Ukrainization in the Russian Army and the First Ukrainian Military Congress." *Visti kombatanta*, no. 1 (1967): 24–31 (in Ukrainian).
- Kushhynsky, A. "Several documents about the 'Ukrainian question' under Wrangel." *Tryzub*, no. 26–27 (1926): 23–27 (in Ukrainian).
- Lobodajev, V. *Revoljucijna stihija. Vil'nokozac'kyj ruh v Ukrai'ni 1917–1918 rr.* [Revolutionary element. Free Cossack movement in Ukraine in 1917–1918] Kiev: Tempora Publ., 2010 (in Ukrainian).
- Modzalevskii, V.O. *Malorossiiskii rodoslovnik* [Little Russian genealogy]. Kiev: [N.s.], 1914 (in Russian).
- Ostashko, T., and Tereshenko Yu., eds. *Skoropads'ki. Rodynnyj al'bom* [Skoropadsky. Family album]. Kiev: Tempora Publ., 2014 (in Ukrainian).
- Piskun, V.N. "Ukrainsky v pravitel'stve P. Vrangelya: lichnostnoe izmerenie [Ukrainians in the Wrangel's government: a personal dimension]. In *Krym. Vrangel'. 1920 god* [Crimea. Wrangel. 1920], 151–158. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya MYSL' Publ., 2006 (in Russian).
- Romanov, V.F. *Starorezhimnyi chinovnik (iz lichnykh vospominanii ot shkoly do emigratsii. 1874–1920 gg.)* [Old regime official (personal memories from school to emigration. 1874–1920)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2019 (in Russian).
- Sekachev, V. *Ukrainskii tserkovnyi separatizm* [Ukrainian Church separatism]. In *Edinstvo Tserkvi. Bogoslovskaja konferentsiia 15–16 noiabria 1994 goda* [Unity of the Church. Theological conference on November 15–16, 1994], 114–127. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University Publ., 1996 (in Russian).
- Shkuro, A.G. *Grazhdanskaia voina v Rossii: Zapiski belogo partizana* [Civil War in Russia: Notes of a white partisan]. Moscow: AST; Tranzitkniga Publ., 2004 (in Russian).
- Skoropadsky, P. *Spogady. Kinec' 1917 – grudnen' 1918* [Memoirs. Late 1917 – December 1918]. Kiev; Philadelphia: [N.s.], 1995 (in Ukrainian and Russian).
- Slashchov-Crimean, Ya.A. *Trebuuu suda obshchestva i glasnosti (Oborona i sdacha Kryma). Memuary i dokumenty* [I demand a public trial and publicity (Defense and surrender of Crimea). Memoirs and documents]. Constantinople: M. Shulman Publ., 1921 (in Russian).
- Tabachnyk, D. *The Ukrainian State and the White Guard: from confrontation to belated compromise. Polityka i chas*, no 8 (1996): 67–74 (in Ukrainian).
- Tsvetkov, V.Zh. *Beloe delo v Rossii: 1920–1922* [The White Case in Russia: 1920–1922]. Moscow: Iauza-Katalog Publ., 2019 (in Russian).
- Tynchenko, Ya. "The last hetmanists: the activities of the Sakhno-Ustimovich brothers in the Ukrainian military movement of 1917–1920." *Z arhiviv VUChK – GPU – NKVD – KGB*, no. 1 (2020): 134–152 (in Ukrainian).
- Tynchenko, Ya. *Armii Ukrainy 1917–1920 gg.* [Armies of Ukraine 1917–1920] Moscow: Vostochnyi gorizont Publ., 2002 (in Russian).
- Tynchenko, Ya. *Officers'kyj korpus Armii' Ukrai'ns'koi' Narodnoi' Respubliky (1917–1921)* [Officer Corps of the Army of the Ukrainian People's Republic (1917–1921)]. Kiev: Tempora Publ., 2007 (in Ukrainian).
- Vergunskii, G.I. *Mucheniiia pravdy. Ocherki* [The torment of the truth. Essays]. Novi Sad: [N.s.], 1925 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Антон Александрович Чемакин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9; a.chemakin@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6078-4044>; SPIN-код: 6686-7066.

Anton Alexandrovich Chemakin, PhD in History, Associate Professor of the Department of History for Teaching at the Natural and Humanitarian Faculties, Institute of History of Saint Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya Naberezhnaia, St. Petersburg, 199034, Russia; a.chemakin@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6078-4044>; SPIN-code: 6686-7066.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ
INTERNATIONAL RELATIONS OF RUSSIA

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-31-43>
EDN: AVAWJU

Научная статья / Research article

**Отслеживание Российской империей турецко-казахских
и джунгаро-калмыцких дипломатических связей
и противодействие им в 30–40-е годы XVIII века**

Степан Викторович Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

 kaf_rushistory@ospu.su

Аннотация: Одним из последствий вхождения в состав России казахских жузов и Калмыцкого ханства должен был стать отказ их правителей от самостоятельной внешней политики. Главным образом это требование относилось к отказу от дипломатических сношений с Османской империей и Джунгарским ханством. Основываясь на материалах Объединенного государственного архива Оренбургской области и опубликованных документах, автор рассматривает поступавшие в Коллегию иностранных дел свидетельства таких связей и реакцию на них российских властей. Из их анализа следует вывод, что запрет на дипломатические сношения казахские и калмыцкие правители старались обходить, пользуясь открытостью степных границ и недостаточными военно-административными ресурсами пограничных губерний России. Положение осложнялось стремлением Джунгарского ханства возбуждать сепаратистские настроения среди степных народов, близких им по языку или образу жизни. Объективным препятствием для турецко-казахского и джунгаро-калмыцкого сближения нередко служили конфликты между казахами и калмыками. Поводом для раздоров обычно становились инициированные одной из сторон угоны лошадей, скота или захват пленных. В то же время представители калмыцкой и казахской элит могли успешно взаимодействовать, когда этого требовали взаимные интересы. Примером такого взаимодействия в первой половине 1740-х гг. стала посредническая миссия казахских правителей по установлению контактов калмыцкой ханши Дарма-Балы с ее джунгарскими родственниками. В целом, в 30–40-е гг. XVIII в. Коллегии иностранных дел и исполнявшим ее указания астраханским и оренбургским губернаторам удавалось находить способы отслеживания и противодействия турецко-казахским и джунгаро-калмыцким дипломатическим связям.

Ключевые слова: Джунгария, южный фронт, восточная политика России, народы Северного Прикаспия, хан Абулхайр

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Джунджузов С.В. Отслеживание Российской империей турецко-казахских и джунгаро-калмыцких дипломатических связей и противодействие им в 30–40-е годы XVIII века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 31–43. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-31-43>

Russian Empire's Monitoring of Turkish-Kazakh and Dzungar-Kalmyk Diplomatic Relations and It's Methods of Countering Them in the 1730–1740s

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

 kaf_rushistory@ospu.su

Abstract: One of the consequences of Kazakh zhuzes' and the Kalmyk Khanate's joining Russia was supposedly their rulers' abandonment of independent foreign policy. This demand was mainly referred to the abandonment of diplomatic relations with the Ottoman Empire and the Dzungar Khanate. Based on the materials of the Joint State Archive of Orenburg Region and published documents, the author examines the evidence of such connections received by the Collegium of Foreign Affairs and the reaction of the Russian authorities to them. Their analysis shows that the Kazakh and Kalmyk rulers tried to circumvent the ban on diplomatic relations taking advantage of the openness of the steppe borders and insufficient military and administrative resources of Russia's border provinces. The situation was complicated by the desire of the Dzungar Khanate to stir up separatist sentiments among the steppe peoples close to them in terms of the language or way of life. An objective obstacle to the Turkish-Kazakh and Dzungar-Kalmyk rapprochement was conflicts between Kazakhs and Kalmyks. The reason for the strife was usually theft of horses, cattle or the capture of prisoners initiated by each of the parties. At the same time, representatives of the Kalmyk and Kazakh elites could successfully interact when mutual interests required it, and an example of such interaction in the first half of the 1740s was the mediating mission of the Kazakh rulers to establish contacts between Kalmyk khan's wife Darma-Bala and her Dzungarian relatives. In general, during the 1730–1740s, the Collegium of Foreign Affairs and the Astrakhan and Orenburg governors who carried out its instructions managed to find ways to monitor and counteract Turkish-Kazakh and Dzungarian-Kalmyk diplomatic relations.

Keywords: Dzungaria, diplomatic Kazakh zhuzes, Collegium of Foreign Affairs, politics, opposition, the Russian Empire

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Dzhundzhuzov, S.V. "Russian Empire's Monitoring of Turkish-Kazakh and Dzungar-Kalmyk Diplomatic Relations and It's Methods of Countering Them in the 1730–1740s." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 31–43 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-31-43>

Введение

Актуальность. Во второй четверти XVIII в. юго-восточное направление внешней политики Российской империи было ориентировано на обеспечение безопасности ее степных подданных и противодействие антироссийскому влиянию со стороны соседних региональных держав.

Одним из последствий вхождения в состав России Младшего (1731 г.) и Среднего (1740 г.) казахских (киргиз-кайсацких) жузов, а ранее Калмыцкого ханства должен был стать отказ их правителей от самостоятельной внешней политики. Главным образом это требование относилось к отказу от дипломатических сношений с Османской империей и Джунгарским ханством. С Турцией и ее вассалами – крымскими и кубанскими татарами (ногайцами) казахский народ связывала принадлежность к тюркской языковой группе и исповедание ислама. Калмыков джунгарские правители и вовсе рассматривали как часть своего народа, откочевавшего в волжско-уральские степи.

Степень изученности проблемы. В исторической литературе наиболее полно и последовательно представлена история российско-казахстанских отношений¹,

¹ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960; Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971; Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007; Васильев Д.В. Вступление

а также отношения России, правителей казахских жузов и Калмыцкого ханства с соседними центральноазиатскими странами и народами в XVIII в.² Противодействие Российской империи турецко-казахским дипломатическим связям анализируется в работах Ж.Б. Кундакбаевой, И.В. Торопицына³.

Дипломатические контакты между представителями властных элит Джунгарского и Калмыцкого ханств в рассматриваемый период также не обойдены вниманием историков. Российскими исследователями они рассматриваются в контексте политической борьбы в Калмыцком ханстве. Прослеживается активная подстрекательская деятельность вдовы хана Аюки, Дарма-Балы, намеревавшейся с частью улусов уйти в Джунгарию⁴. Б.У. Китинов обращает внимание на коллективную память ойратов, обеспечивавшую сохранение их этнической идентичности. В качестве примера автор ссылается на политику джунгарского хунтайджи Галдан-Церена, который в начале 1740 г. в письме к калмыцкому хану Дондук-Омбо напоминал об их общей ойратской истории⁵.

Цель исследования – определить степень успешности деятельности российских имперских властей по отслеживанию турецко-казахских и джунгаро-калмыцких дипломатических связей и противодействие им в 30–40-е гг. XVIII в. Ранее оба этих направления российской политики изучались обособленно.

Источниковая база. Значительный массив документов, характеризующих политическую обстановку в Казахской степи и в сопредельных с ней странах в XVIII в., отложился в фондах Оренбургской комиссии (экспедиции) (Ф. 1, 2) и Оренбургской губернской канцелярии (Ф. 3) Объединенного государственного архива Оренбургской области. Собрание документов внешнеполитической направленности оказалось в Оренбургском архиве не случайно. В обязанности начальников Оренбургской экспедиции (комиссии), а затем и губернаторов входило не только административное управление обширным Оренбургским краем, но и представительская миссия по выстраиванию дипломатических отношений с казахскими правителями, а при необходимости и с их соседями: джунгарами, калмыками, каракалпаками, туркменами и другими.

Сношения с правителями Калмыцкого ханства находились в непосредственном ведении астраханских губернаторов. А так как оренбургским, как и астраханским губернаторам постоянно приходилось выступать посредниками в разрешении конфликтов между калмыками и казахами, копии документов «по калмыцким делам» также поступали в Оренбургскую губернскую канцелярию.

казахов в подданство Российской империи как результат региональной дипломатии // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки, 2015. № 2. С. 123–128. EDN: UCOMOR; Болдырева О.Н. Калмыцкое ханство в восточной политике России с начала XVIII в. и до 1771 г. // Наука и современность. 2016. № 1. С. 256–269. DOI: 10.17117/ns.2016.01.256. EDN: WYGTSZ

² Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи в XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с. ISBN: 5-628-00769-2. EDN: BMQFBU; Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В...»: Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.; СПб., 2005; Гуломов Х.Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. Ташкент, 2005.

³ Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости...»; Торопицын И.В. 1) Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: Джангар, 2009. С. 345–346. EDN: TIQCYZ; 2) Несостоявшийся альянс: казахско-крымские отношения и политика России во второй четверти XVIII в. // Тюркоязычный сборник 2013–2014. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного. М., 2016. С. 307–319.

⁴ Курапов А.А. Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань, 2018. С. 217; Торопицын И.В. Ханша Дарма-Бала – сторонник воссоединения калмыков с Джунгарией // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 5–11.

⁵ Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.). Дис. ... док. ист. наук. М., 2020. С. 401–402.

Меж трех империй: «дипломатическое лавирование» хана Абулхаира

Принятие Младшего жуза в российское подданство не привело к существенным изменениям в отношениях между ханом Абулхаиром и оппозиционно настроенной казахской знатью. Абулхаир надеялся, опираясь на авторитет и военную мощь Российской державы, установить единоличное и наследственное правление над всем казахским народом⁶. При этом ни сам хан, ни многочисленная казахская знать в лице султанов и батыров вовсе не желали в угоду российским интересам отказываться от суверенных прав в выстраивании отношений с соседними народами и их правителями. Ежегодно из приграничных с Казахской степью российских губерний в Коллегию иностранных дел поступали донесения о «воровских» поступках «ветреных» казахских кочевников, а именно: ограблении торговых караванов, нападении на жилища и кочевья русских подданных (казаков, башкир, калмыков). Набеги на последних могли рассматриваться как содействие Османской империи и ее союзникам, с которыми Россия воевала в 1735–1739 гг.

В ходе военных кампаний калмыцкие конники самостоятельно и совместно с донскими казаками нанесли ряд существенных поражений противникам на Северном Кавказе и в Крыму, содействовали овладению русскими войсками Азовской крепостью⁷. Однако опустошительные набеги казахов на калмыцкие улусы заставляли калмыцких военачальников прерывать походы и возвращаться в родные степи. Наместник калмыцкого ханства Дондук-Омбо требовал от российского правительства принятия энергичных мер к возвращению пленных и возмещению понесенного ущерба. Калмыцкий правитель напоминал, что война с Османской империей еще не закончилась и, если его требования не будут удовлетворены, то он откажется от участия в новом походе на Кубань⁸.

Тогда же, в 1737 г., в Петербурге было получено известие, что крымский хан рассчитывает заключить с Абулхаир-ханом военный союз. Пленный у Черного Яра казах Ченга, пришедший в январе того же года на Волгу с Телеп-батыром для нападения на калмыцкие улусы, рассказал, что двумя месяцами ранее к хану Абулхаиру приезжало посольство от крымского хана в составе десяти человек. Крымцы просили правителя Младшего жуза направить к ним свое войско. Для какой цели понадобилось крымским татарам казахское войско, пленник не сообщил, но зато заметил, что «по просьбе крымского хана хотел де хан их дать войско, а какое число не знает»⁹.

Следующий дипломатический контакт представителей Абулхаир-хана теперь уже с послами самого турецкого султана был зафиксирован в ноябре 1741 г. в Петербурге. По этому случаю в Коллегии иностранных дел была составлена «Записка выговору, каков имеет учинен быть при поступке Киргиз-кайсацкой меньшей орды Абулхаир хана посланцам Кутыр батыру и Бабеку». Хану сообщалось, что российскому правительству стало известно о посещении его посланцами квартиры турецкого посла, где они якобы заявили о желании «быть со всей своей ордой в подданстве султана турецкого». Такое поведение казахских дипломатов было расценено как нарушение присяги на подданство. В «Записке» выражалась уверенность, что

⁶ Васильев Д.В. Вступление казахов в подданство Российской империи как результат региональной дипломатии... С. 125.

⁷ Батырев В.В. Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокведные исследования в Калмыкии. Элиста, 2006. С. 27–34.

⁸ Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 39 об. – 40 об.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 19 об.

Абулхаир и старшины «довольно ведают, из того, их народу пользы быть не может». Абулхаиру давалось понять, что императрица ему по-прежнему доверяет и в его власти определиться с наказанием для своих посланцев за их «придерзностный» поступок. Однако в ознаменование своего восшествия на российский престол Елизавета Петровна повелела не только не наказывать казахских дипломатов, но и отпустить их с подобающим вознаграждением¹⁰.

Казахские старшины были осведомлены о ходе русско-турецкой войны и непростых отношениях России с Османской империей после ее окончания. Некоторым «дипломатическим лукавством» выглядят слова Нуралы-султана, который 22 августа 1740 г., во время переговоров с генерал-лейтенантом князем В.А. Урусовым, заметил:

Мы-де, как дикие тарпаны <...> про турецкое войско, как оно сильно и многолюдно, подлинно ничего не знаем¹¹.

Тогда же Джанбек-батыр поинтересовался судьбой Азова, спросив, к какому государству теперь принадлежит этот город. Однако Нуралы-султан признал, что они осведомлены о заключении вечного мира между двумя империями. Последнее обстоятельство произвело большое впечатление в Казахской степи. Отдавая должное силе Русской армии, султан заверил В.А. Урусова в том, что «ежели б-де указом е. и. в. повелено было и нам служить против ея неприятелей, то-де и мы готовы¹².

Сам Абулхаир-хан в письмах, адресованных высокопоставленным российским чиновникам, ставил себе в заслугу добровольный выбор российской короны, предпочтя ее переходу в подданство могущественных мусульманских держав – Османской империи или Персии. Так в письме, доставленном в Оренбург 2 июля 1745 г., он напомнил оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву что «между ними есть <...> еще турецкий мусульманский султан». Столь откровенный «дипломатический выпад» казахского хана объяснялся неприязненным отношением лично к Неплюеву и невыполненными, по его мнению, обещаниями, данными российской стороной. Абулхаир считал, что оренбургский губернатор его обманывает и вводит в заблуждение правительство:

когда вы сами пожелаете, то указ имеете, а не пожелаете, то говорили якобы указу нет и, думая так, что всякое позволение у вас имеется¹³.

Хан пребывал в уверенности, что город Оренбург был построен для него и его народа. У И.И. Неплюева имелся об этом высочайший указ, который он скрывал и принимал хана и его послов, когда желал выразить гостям почтение. Даже пребывание в России в качестве аманата своего сына Кожаммет-султана он приписывал интригам Неплюева при царском дворе¹⁴.

У казахов Младшего и Среднего жузов, очевидно, имелись сомнения, что Российская империя в полной мере сможет выполнить взятое на себя обязательство защитить их как своих подданных от джунгарской агрессии. В 1733 г. джунгары уже подчинили себе Старший жуз, и его старшины ежегодно отправляли к джунгарскому хунтайджи своих аманатов. После разорительного джунгарского нашествия

¹⁰ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 40 об. – 41.

¹¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. С. 138.

¹² Там же. С. 138.

¹³ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 208–209.

¹⁴ Там же.

ствия, случившегося в 1741 г., на посылку аманатов в Джунгарию согласились и правители Среднего жуза – Абулмамбет и Кушук. Двойственную позицию в отношении джунгарского подданства занял Абулхаир. Хан сам рассказал Д. Гладышеву о приезде в его ставку джунгарских послов и требовании Голдан-Цэрена от править к нему в аманаты ханского сына и детей знатных старшин. В ответ якобы Абулхаир заявил, что без согласия России он это требование выполнить не может. Усомниться в искренности хана позволяет свидетельство, полученное 10 января 1742 г. от посланника джунгарского правителя зайсанга Кошку к Абулхаир-хану. Выяснилось, что еще в 1740 г. правитель Младшего жуза сам присылал к Голдан-Цэрену своих послов во главе с батыром Кутлумбетом и просил в обмен на подданство и содержание в аманатах ханского сына передать ему в управление города Туркестан и Ташкент¹⁵.

Дипломатические демарши хана Абулхаира получили неоднозначную оценку в литературе. В.Я. Басин придерживался мнения, что казахский хан, заигрывая с Россией и Джунгарией, «рассчитывал путем обещаний и посул как России, так и Джунгарии извлечь для себя побольше выгод»¹⁶. И.В. Ерофеева считает, что, ведя двойную игру, хан Абулхаир заставил русское правительство осознать, что «пассивность в вопросе развития военной экспансии Джунгарского ханства в направлении казахских жузов таит в себе немалую опасность для геостратегических интересов российской короны в регионе». В перспективе объединение Джунгарии с казахскими жузами могло привести к образованию мощной кочевой державы – некой новой «Золотой орды». В результате России пришлось отказаться от прежней тактики стороннего наблюдателя военных действий между казахами и их юго-восточными соседями и решительно вмешаться в казахско-ойратские отношения¹⁷.

В инструкциях пограничным командирам предписывалось в случае нападения джунгар допускать расположение казахских улусов вблизи русских крепостей. Но к изнурительной степной войне Россия не была готова и предпочитала действовать дипломатическими средствами. В 1742 г. в Джунгарию из Оренбурга было отправлено специальное посольство во главе с майором К. Миллером. Итогом этой дипломатической миссии стало освобождение из джунгарского плена 35 казахских султанов, в том числе султана Абылая, провозглашенного в 1771 г. ханом¹⁸.

В 1740-е гг. от информаторов в Казахской степи и от калмыцких правителей в Петербург начали поступать тревожные слухи, которые вполне могли распространяться и самими казахскими старшинами, о возможном откочевании казахов на Кубань. Об этом, в частности, поручику Д. Гладышеву, осенью 1741 г. отправленному с посольством в Казахскую степь, сообщил батыр Мунияк. Донесения о задержании казахских посланников на Кубань поступали и из Калмыцкого ханства¹⁹. В 1740 г. калмыцкий хан Дондук-Омбо уведомил начальника Оренбургской комиссии генерал-лейтенанта Урусова о том, что «киргизцы случая ищут, чтоб возможно им с ордами Кубани достигнуть»²⁰.

Непосредственное подтверждение этих слухов было получено весной 1742 г., когда наместник калмыцкого ханства Дондук-Даши передал астраханским властям привезенного кубанскими посланцами казаха Доспула Ишимбетова. Выяснилось, что он был одним из двух порученцев казахских султанов, отправленных в Крым

¹⁵ Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв... С. 165–166.

¹⁶ Там же. С. 166.

¹⁷ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир – полководец, правитель, политик... С. 339.

¹⁸ Моисеев В.А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 34–36.

¹⁹ Басин В.Я. Россия и казахские ханства... С. 168.

²⁰ Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. 1938. № 2. С. 137.

еще в 1738 г. Спустя два года Ишимбетову удалось добраться до Крыма и добиться аудиенции у крымского хана. Из разговоров с кубанскими татарами посланец Дондук-Даши, калмык Тебежик узнал, что Ишимбетову было поручено уговорить крымского хана совершить нападение на калмыцкие улусы. Война Крыма с калмыками облегчила бы объединение казахов с кубанцами. Намерение казахских султанов расстроил кубанский сераскер Салим-Гирей, не пожелавший видеть казахов в своих владениях²¹.

На основании представленных в Коллегию иностранных дел донесений Астраханской губернской канцелярии вменялось в обязанность не пропускать казахов «на Кубань и с Кубани в кайсаки ни под каким видом»²².

**«Всячески препятствовать, а по возможности задерживать
посланников и курьеров, перевозящих корреспонденцию
из Джунгарии в ставку калмыцкого хана и обратно»**

Однако если возможное переселение казахов на Кубань по большей части носило гипотетический характер, то переход значительной массы калмыков в пределы Джунгарского ханства, случившийся в 1701 г., вполне мог повториться, и, как известно, повторился семьдесят лет спустя в куда более значительном масштабе. Тогда же, в 1701 г., сын Аюки-хана Санджаб, поссорившись с отцом, с 15 тыс. кибитками калмыков торгоутов ушел в Джунгарию. Джунгарский правитель хунтайджи Цэван-Рабдан повелел распределить пришельцев по своим улусам, а самого Санджаба с семьей его калмыками отпустил обратно к Аюке-хану²³. В Джунгарском ханстве переселившиеся с Волги калмыки подверглись дискриминации. В.А. Моисеев отмечает, что их нещадно эксплуатировали и угнетали, решавшихся на побег, ловили и наказывали клеймением²⁴. В первой половине XVIII в. имели место и обратные примеры, когда конфликтовавшие с правителем Джунгарского ханства владельцы и зайсанги уходили со своими улусами на Волгу. Так, в 1727 г. в Калмыцкое ханство вынужден был бежать Лоузан-Шоно, обвинявшийся наследником джунгарского престола в убийстве хунтайджи Цэван-Рабдана²⁵.

В Петербурге джунгарско-калмыцкие дипломатические контакты отслеживали с особой тщательностью и внимательно анализировали в Коллегии иностранных дел. Подробная информация об их обнаружении и необходимые по такому случаю инструкции в обязательном порядке поступали в Астраханскую и Оренбургскую губернские канцелярии.

Российское правительство и военные администрации юго-восточных губерний прикладывали немало усилий для пресечения каналов связи между Джунгарским и Калмыцким ханствами. Одно из таких посольств, направлявшееся к возведенному Анной Иоанновной в ханское достоинство Дондук-Омбо, было задержано в Самаре в августе 1741 г. Хунтайджи Голдан-Цэрен призывал калмыцкого хана забыть «прежние ссоры и раздоры» между торгоутами и джунгарами, обменяться посольствами и жить в согласии²⁶.

²¹ *Торопицын И.В.* Несостоявшийся альянс... С. 313–314.

²² Казахско-русские отношения... С. 195.

²³ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: 1 Калмыцкое книжное издательство, 995. С. 28. ISBN: 5-7539-0274-X. EDN: WLKINV

²⁴ *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи... С. 62.

²⁵ Там же. С. 80.

²⁶ *Болдырева О.Н.* Н.Н. Пальмов о роли Калмыцкого ханства в восточной политике России в XVIII веке // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 4. С. 14–20. EDN: RBAGQT

Калмыцко-джунгарские дипломатические контакты активизировались после назначения Дондук-Даши наместником Калмыцкого ханства. В марте 1742 г. он встречался и вел переговоры с послами Голдан-Цэрена. Джунгары пытались склонить наместника к заключению военно-политического союза против Китая. При обмене мнением поднимался и религиозный вопрос. Джунгарские послы заострили внимание на болезненной для калмыков проблеме – возможности совершать паломничества к Далай-ламе, чем без всяких препятствий пользовались жители их страны. Однако, как отмечает А. А. Курапов, Дондук-Даши отнесся крайне прохладно к предложениям джунгарских послов с учетом интересов России, опасавшейся обострения отношений с Китаем²⁷.

В 1745 г. Дондук-Даши вновь представилась возможность продемонстрировать преданность российской короне. Им были задержаны и переданы полковнику Н.Г. Спицыну два казаха-томота Джемембет и Узенбай с письмами и подарками к вдове Аюки-хана, ханше Дарма-Бале.

Российским правительством Дарма-Бала рассматривалась как сторонница джунгарской ориентации. Она приходилась двоюродной сестрой джунгарскому хунтайджи (титул правителя Джунгарии. – С.Д.) Цэван-Рабдану. По мнению А.В. Цюрюмова, Дарма-Бала могла быть причастной к откочевке в 1701 г. в Джунгарию группировки волжских калмыков²⁸. После смерти хана Аюки в 1724 г. Дарма-Бала активно вмешивалась в борьбу его сыновей и внуков за ханский престол, выступала против вмешательства царского правительства в порядок престолонаследия. Ее авторитет был настолько высок, что Намки-гелюн, занимавший вторую ступень после Шакур-ламы в иерархии буддийского духовенства, осмелился предложить астраханскому губернатору передать верховную власть над калмыцким народом ханской вдове²⁹. В 1741 г., после смерти Дондук-Омбо, вдовствующая ханша вновь попыталась вмешаться в борьбу за престолонаследие и добиться возведения в ханское достоинство своего второго сына Галдан-Данджина. Однако в том же году он был убит в сражении против сторонников вдовы Дондук-Омбо ханши Джан³⁰.

В инструкции, составленной в Коллегии иностранных дел для назначенного 19 июля 1745 г. к управлению калмыцкими делами генерал-лейтенанта Д.Ф. Еропкина, о Дарма-Бале говорилось, что после смерти мужа она состояла в переписке с хунтайджи и просила «оного о приеме улусов калмыцких к себе в зюнгорский народ». К переходу в джунгарское подданство Дарма-Бала склоняла и калмыцких владельцев. Однако астраханскому губернатору А.П. Волинскому при посредничестве Шакур-ламы удалось раскрыть и прекратить подстрекательскую деятельность вдовствующей ханши³¹.

Свидетельством неблагонадежности Дарма-Балы могло служить перехваченное письмо ее родного брата Гумунг-ламы, который возглавлял буддийское духовенство Джунгарии и являлся ближайшим сподвижником Галдан-Цэрена³². Гумунг призывал сестру довериться Галдан-Церену, ссылавшемуся при присяге на «Желтый закон и прежнюю четырех ойратов власть». Джунгарский правитель имел

²⁷ Курапов А.А. Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань, 2018. С. 215.

²⁸ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. С. 150.

²⁹ Цюрюмов А.В. Начальный этап династийной войны в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII в. // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40. С. 54–61. EDN: YSHOMX

³⁰ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 185.

³¹ Там же. Л. 184 об.

³² Курапов А.А. Российское государство и буддийская церковь... С. 216.

в виду буддийское вероисповедание и средневековую конфедерацию, объединявшую хошутов, торгоутов, дербетов и элётов (джунгаров)³³, живших всегда «союзно и любовно»³⁴. К Дарма-Бале лама обращался не только как родственник («я тебя только одну мою меньшую сестру имею»), но и как духовный наставник:

... совет тебе представляю, что лучше умереть, нежели от закона своего отступить и учиниться россиянином. И может быть, ты сим моим словам не поверишь и признавать будешь оные за ложь, но я, будучи [буддийским. – С.Д.] иереем, ложно говорить не могу³⁵.

Второе письмо к Дарма-Бале было написано от имени казахского хана Абулхаира. По свидетельству Дондук-Даши, казахский хан пытался убедить вдовствующую ханшу, что сын ее Галдан-Данжин жив и содержится при императорском дворе в Петербурге. Во время допроса, проведенного в ставке наместника Калмыцкого ханства, Джемембет показал, что послан он своим господином Абылай-султаном с письмами к ханше Дарма-Бале и вручить должен он их был «от россиян и калмык секретно». От имени брата в подтверждение письма ему было велено призвать, чтобы «она веры своей не оставляла и не забывала своего бога. Лучше смерть, нежели русский закон принять». Если же ханша все-таки решится на переход в Джунгарию, то через того же Джемембета она должна была сообщить о том Абылай-Султану. Абылай, в свою очередь, обязался собрать войско, приблизиться к калмыцким улусам и принять Дарма-Балу. А вот о том, одна ли должна будет уходить ханская вдова или Абылай-султан станет «подзывать» ее со всем улусом, Джемембет определенно ответить не смог³⁶.

Патриарх научного калмыковедения Н.Н. Пальмов ссору между Дондук-Даши и Дарма-Балой объяснял разницей подходов в определении союзников Калмыцкого государства и будущей судьбы калмыцкого народа. Ханша желала увести калмыков в Джунгарию, наместник Калмыцкого ханства строил планы совместных с Абулхаир-ханом военных действий в Средней Азии против персидского шаха Надира³⁷. Установление контактов Дарма-Балы с казахскими правителями за спиной Дондук-Даши могло означать заинтересованность последних в оставлении калмыками Нижнего Поволжья. В таком случае казахи могли рассчитывать на беспрепятственное взаимодействие со своими потенциальными союзниками крымскими и кубанскими татарами и на поддержку турецкого султана, а в случае джунгарской агрессии или конфликта с Российской империей – откочевать на Кубань.

В сложившейся ситуации Дондук-Даши решил обратиться за поддержкой к императрице Елизавете Петровне и добиться от нее указа о высылке за пределы Калмыцкого ханства Дарма-Балы. Он поставил задачу поссорить хана Абулхаира и Абылай-султана с царским двором и дискредитировать астраханского губернатора В.Н. Татищева. Дондук-Даши старался уверить императрицу в том, что астраханский губернатор покровительствует ханской вдове и распространяет о нем, наместнике, порочащие его ложные слухи.

В письме на высочайшее имя, датированном 12 мая 1745 г., Дондук-Даши обращал внимание императрицы, что «Дарма Бала от природы своей имеет укорененную злобу», а В.Н. Татищев «нарочно ее защищает». Далее калмыцкий правитель ссылается на письмо астраханского губернатора, в котором Татищев открыто подозревает его в подготовке убийства ханши и разорении ее улуса, ставит ему

³³ Санчилов В.П. История Хо-Орлока. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста, 2016. С. 26.

³⁴ Болдырева О.Н. Н.Н. Пальмов о роли Калмыцкого ханства... С. 18.

³⁵ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 176–176 об.

³⁶ Там же. Л. 164–164 об.

³⁷ Болдырева О.Н. Н.Н. Пальмов о роли Калмыцкого ханства... С. 19.

в вину получение взятки за разрешение на продажу персидским купцам калмыцких лошадей. Последнее обстоятельство особенно возмутило Дондук-Даши:

всяк обо мне знает, что я к взяткам не ласков и за деньги дел не делаю, и что я к деньгам не таков как он, и честь мою и меня самого за деньги не променяю³⁸.

Для восстановления справедливости Дондук-Даши решил даже просить императрицу произвести при Высочайшем дворе судебное разбирательство с личным участием В.Н. Татищева и Дарма-Балы. Интересы наместника в судебном процессе должен был представлять его родной брат Яндак. «А будет очная ставка и доказательства не надобны³⁹», – отмечал он.

Сурового наказания, по мнению Дондук-Даши, заслуживали и казахские правители Абулхаир-хан и Абылай-султан. Будучи российскими подданными, они выступили посредниками между Дарма-Балой и ее высокопоставленным джунгарским родственником.

В 1741 г. Абылай-султан попал в плен к джунгарам и пробыл в Джунгарском ханстве два года. По возвращении Абылай сетовал хану Среднего жуза Абулмамету, что никакой помощи ни от него, ни от других казахских владельцев он не получал и никаких усилий к его вызволению из неволи они не предпринимали «так, что хотя б он и день свой тамо окончил». Освобожден же он был исключительно по высочайшему «призрению и милосердию» ее императорского величества Елизаветы Петровны,

за что он, Абылай салтан, во всевозможном к е. и. в. усердии себя объявляет и что он за е. и. в. вечно бога молить должен⁴⁰.

Теперь же из содержания писем и показаний Джемебета выяснилось, что во время пребывания Абылай-султана в джунгарском плену он подружился с братом и племянником ханши Дарма-Балы. Сам Голдан-Цэрен, если верить Абылаю, «почитает его за сына» и отпустил его в Киргиз-кайсацкую орду с награждением. А перед отъездом «джунгарские друзья» попросили Абылай-султана об услуге, «чтоб он ее, ханшу, подозвал к уходу к ним в зюнгоры (Джунгарию. – С.Д.)⁴¹».

В письме к императрице Дондук-Даши ссылался на некий высочайший указ, повелевавший ему совместно с яицкими казаками идти войной на казахов. Но калмыцкое войско губернатор В.Н. Татищев к походу не допустил на том основании, что «помянутые кайсаки состоят в миру». Однако, как неоднократно замечал наместник Калмыцкого ханства, «онные кайсаки крепкого мира содержать не могут»⁴².

В историографии нет единой точки зрения на причины разногласий между Дондук-Даши и В.Н. Татищевым. В спектре предлагаемых объяснений: взаимная неприязнь губернатора и наместника друг к другу (Н.А. Попов); стремление Татищева заставить Дондук-Даши неукоснительно исполнять принятые обязательства и не злоупотреблять властью ради личного обогащения (А.Г. Кузьмин, Я.А. Гордин); ухудшение социально-экономических условий в Калмыцком ханстве и чрезмерное вмешательство в его дела со стороны астраханской администрации (М.М. Батмаев, В.Н. Максимов, А.В. Цюрюмов). В контексте данного исследования особого внимания заслуживает высказанное еще в 20-е гг. XX в. мнение А.К. Лебе-

³⁸ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 172, 175–175 об.

³⁹ Там же. Л. 173 об.

⁴⁰ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 289.

⁴¹ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 165, 177.

⁴² Там же. Л. 171 об. – 172.

динского и Н.Н. Пальмова о желании наместника Калмыцкого ханства выйти из российского подданства⁴³.

Конфликтная ситуация, сложившаяся в юго-восточном порубежье, обеспокоила Коллегию иностранных дел главным образом с точки зрения внешних вызовов, способных подорвать российское влияние в регионе. А именно:

- ослабление Калмыцкого ханства. Казахские старшины могли воспользоваться этим обстоятельством для нападения на калмыцкие улусы в зимнее время;
- прямые дипломатические контакты между калмыцкими и казахскими владельцами без ведома России могли привести к складыванию казахско-калмыцкого военного союза;
- при содействии казахов калмыки могли откочевать в Джунгарию.

Оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву были даны разъяснения по всем указанным пунктам. Перед уполномоченными чиновниками ставилась задача «удержать» переписку между казахскими и калмыцкими владельцами. Задержанных казахских послов к Дарма-Бале предписывалось после допросов ссылать на жительство в Архангельск. Этим решением российское правительство рассчитывало между «наместником Ханства и киргис кайсацкой старшиной некоторую холодность произвести, и, чтоб впредь другим с такими делами ездить было неповадно»⁴⁴. Саму же возможность военного партнерства между казахами и калмыками «по их древним и непримирительным междоусобным злобам» члены Коллегии сочли маловероятной, но для страховки предписали «иметь пристойную предосторожность»⁴⁵.

Также под сомнение была поставлена возможная откочевка калмыков в Джунгарию самого наместника или кого-либо из владельцев. Ведь калмыцкой знати было известно о самовластии джунгарского правителя⁴⁶. К тому же еще были живы воспоминания об откочевке 1701 г., закончившейся закабалением калмыцких переселенцев джунгарскими феодалами. Учитывался также менталитет кочевого народа. Предполагалось, что если даже казахские ханы и старшины дадут согласие калмыкам на переход через их степи, то рядовые казахи обязательно воспользуются своим численным превосходством для нападения на переселенцев⁴⁷.

Указ завершал предписание пограничным властям иметь предосторожность от возможных прорывов к Волге казахских группировок и к принятию мер по защите калмыцких улусов⁴⁸.

В русле представленных разъяснений были удовлетворены или скорректированы прошения наместника Калмыцкого ханства. «Калмыцкие дела» были переданы в распоряжение генерал-лейтенанта Еропкина. Дарма-Бала отправлена на жительство в Саратов. Река Яик объявлялась границей между казахскими жузами и Калмыцким ханством. Их правителям запрещалось обмениваться посольствами и вступать друг с другом в переписку. Для предосторожности от казахских нападений наместнику было дозволено отправить на Яик 30 наблюдателей и расположить их на форпостах совместно с яицкими казаками⁴⁹.

⁴³ Торопицын И.В. Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в 1740-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 32–33. EDN: PJOYBV

⁴⁴ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 161 об.

⁴⁵ Там же. Л. 162.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 162 об.

⁴⁸ Там же. Л. 161–163.

⁴⁹ Там же. Л. 185–187.

Выводы

Изучение юго-восточного направления внешней политики России свидетельствует о том, что вхождение в ее состав Калмыцкого ханства и казахских жузов в рассматриваемый период еще носило формальный и в основном декларативный характер. Достигнутые договоренности часто нарушались «ветренными» кочевниками. Запрет на дипломатические сношения их правители легко обходили, пользуясь открытостью степных границ и недостаточными военно-административными ресурсами пограничных губерний России. Положение осложнялось стремлением Джунгарского ханства возбуждать сепаратистские настроения среди степных народов, близких им по языку или образу жизни.

Объективным препятствием для турецко-казахского и джунгаро-калмыцкого сближения выступали нередко случавшиеся конфликты между казахами и калмыками. Поводом для раздоров обычно становились инициированные одной из сторон угоны лошадей, скота или захват пленных. В свою очередь, и российское правительство старалось поддерживать казахско-калмыцкие отношения в состоянии «холодного мира», не допускать возникновения крупных военных конфликтов между ними и в то же время пресекать любые попытки к их сближению. Для обеспечения своего верховенства Российская империя стремилась поддерживать пророссийски настроенных представителей феодальной знати, «умиротворять», а в случае упорного неповиновения задерживать и наказывать ссылкой сепаратистов. Несомненным достижением российской дипломатии к середине XVIII в. стало восприятие императорских особ их степными подданными в качестве высших арбитров во внутренних спорах и сюзеренов, взявших на себя обязательство обеспечивать им защиту от внешних врагов. В то же время при совпадении интересов представители калмыцкой и казахской элит успешно взаимодействовали. Примером такого взаимодействия в первой половине 1740-х гг. стала посредническая миссия казахских правителей по установлению контактов калмыцкой ханши Дарма-Балы с ее джунгарскими родственниками. В целом, в 30–40-е гг. XVIII в. Коллегии иностранных дел и исполнявшим ее указания астраханским и оренбургским губернаторам удавалось находить способы к отслеживанию и противодействию турецко-казахским и джунгаро-калмыцким дипломатическим связям.

Поступила в редакцию / Submitted: 08.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 22.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.12.2024

References

- Apollova, N.G. *Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiiei v XVIII – nachale XIX v.* [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the XVIII – early XIX centuries]. Moscow: AN SSSR Publ., 1960 (in Russian).
- Bakunin, V.M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nih torgoutsogo, i postupkov ikh khanov i vladeltsev. Sochinenie 1761 goda* [Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout people, and the deeds of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista: Kalmyk book publishing house Publ., 1995 (in Russian).
- Basin, V.Y. *Rossiia i kazahskie khanstva v XVI–XVIII vv.* [Russia and the Kazakh khanates in the XVI–XVIII centuries]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1971 (in Russian).
- Batyrev, V.V. “Uchastie kalmykov v Russko-tureckoi voine 1735–1739 gg [Participation of the Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1735–1739].” *Vostokovednye issledovaniia v Kalmykii*. Elista: Kalmyk book publishing house Publ., 2006 (in Russian).
- Boldyreva, O.N. “N.N. Palmov on the role of the Kalmyk Khanate in the Eastern policy of Russia in the XVIII century.” *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (2018): 14–20 (in Russian).

- Boldyreva, O.N. "The Kalmyk Khanate in the Eastern Policy of Russia since the beginning of the 18th century and until 1771." *Nauka i sovremennost'*, no. 1 (2016): 56–69 (in Russian).
- Curyumov, A.V. "The initial stage of the dynastic war in the Kalmyk Khanate in the 20–30s. XVIII century." *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 4 (2018): 54–61 (in Russian).
- Cyuryumov, A.V. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [Kalmyk Khanate within Russia: problems of political relations]. Elista: Dzhangar Publ., 2007 (in Russian).
- Erofeeva, I.V. *Khan Abulkhair: polkovodest, pravitel, politik* [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press Publ., 2007 (in Russian).
- Gulomov, H.G. *Diplomaticheskie otnosheniia gosudarstv Srednei Azii s Rossiei v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Diplomatic relations of the states of Central Asia with Russia in the XVIII – first half of the XIX century]. Tashkent: FAN Publ., 2005 (in Russian).
- Kundakbaeva, ZhB. " 'Znakom milosti E.I.V. ...': Rossiia i narody Severnogo Prikaspiia v XVIII veke [A sign of E.I.V.'s mercy...': Russia and the peoples of the Northern Caspian in the 18th century]. Moscow; St. Petersburg: AIRO-XXI Publ.; Dmitri Bulanin Publ., 2005 (in Russian).
- Kurapov, A.A. *Rossiiskoe gosudarstvo i buddiiskaia tserkov na iuge Rossii: etapy evolyutsii socialno-politicheskogo vzaimodeistviia v XVII – nachale XX vv.* [The Russian State and the Buddhist Church in the South of Russia: Stages in the evolution of socio-political interaction in the XVII – early XX centuries]. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilevich Publ., 2018 (in Russian).
- Moiseev, V.A. "Dzungar-Kazakh relations in the XVII–XVIII centuries and the policy of Russia." *Vestnik Evrazii*, no. 2 (2000): 22–43 (in Russian).
- Moiseev, V.A. *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi v XVII–XVIII vv.* [Dzhungar Khanate and Kazakhs in the XVII–XVIII centuries]. Alma-Ata: Gylym Publ., 1991 (in Russian).
- Sanchirov, VP. *Istoriia Kho-Orloka. Pismennye pamiatniki po istorii oiratov XVII–XVIII vekov* [History of Ho-Orlok. Written monuments on the history of the Oirats of the XVII – XVIII centuries]. Elista: KIGI RAN Publ., 2016 (in Russian).
- Toropicyn, I.V. "The influence of foreign policy factors on the fate of the governor of the Kalmyk Khanate Donduk Dashi in the 1740s." *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura*, no. 3 (2012): 30–40 (in Russian).
- Toropicyn, I.V. *Nesostoiavshiisia aliians: kazakhsko-krymskie otnosheniia i politika Rossii vo vtoroi chetverti XVIII v.* [Failed alliance: Kazakh-Crimean relations and Russian policy in the second quarter of the XVIII century]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literature Publ., 2016 (in Russian).
- Toropitsyn, I.V. "Oborona kalmytskikh ulusov v 30–40-kh gg. XVIII v [Defense of the Kalmyk uluses in the 30–40s. XVIII century]." In *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 'Edinaiia Kalmykiia v edinoi Rossii: cherez veka v budushchee, posviashchennoi 400-letiiu dobrovolnogo vkhozhdeniia kalmytskogo naroda v sostav Rossiiskogo gosudarstva (g. Elista, 13–18 sentiabria 2009 g.)*, 243–246. Elista: Dzhangar Publ., 2009 (in Russian).
- Vasiliev, D.V. "The entry of the Kazakhs into the citizenship of the Russian Empire as a result of regional diplomacy." *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, no. 2 (2015): 123–128 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Степан Викторович Джундужузов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; Россия, 460844, Оренбург, ул. Советская, 19; kaf_rushistory@ospu.su; <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>; SPIN-код: 7192-3702.

Stepan Victorovich Dzhundzhuzov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460844, Russia; kaf_rushistory@ospu.su; <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>; SPIN-code: 7192-3702.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-44-57>
EDN: AXINEF

Научная статья / Research article

Испания и Россия в судьбе Агустина де Бетанкура

Ольга Виленовна Волосюк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
 ovolosiuk@hse.ru

Аннотация: Исследуются основные этапы жизни и деятельности испанского инженера Агустина де Бетанкура, который оказал значительное влияние на развитие инженерного дела в России в начале XIX в. и внес заметный вклад в формирование культурного наследия страны. Особое внимание уделяется малоизученным моментам его биографии: причинам переезда из Испании в Россию и роли в этом российского посланника в Мадриде И.М. Муравьева-Апостола, уточнению некоторых ранее неизвестных деталей его пребывания в Российской империи. На основе документов из российских (АВП РИ, ГА РФ) и испанских архивов (Национального исторического архива, Генерального Архива Индий, Исторического архива дворянства), документов канарского Фонда Оротава, а также мемуарной литературы прослежены особенности отношений Бетанкура с императором Александром I, благосклонное отношение которого обеспечило знаменитому испанцу полный *carte-blanc* в работе. Автор приходит к выводу, что опала Агустина де Бетанкура привела к «забвению» его вклада в архитектурно-инженерный облик Санкт-Петербурга практически на столетие. Доказывается, что помимо монаршей немилости определенную роль сыграл и французский архитектор Огюст де Монферран, фактически присвоивший себе единичную славу от совместных работ с испанским инженером.

Ключевые слова: российско-испанские отношения, Филипп Вигель, Институт инженеров путей сообщения, проекты застройки Петербурга, Комитет для рассмотрения проектов строений и гидравлических работ

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Волосюк О.В. Испания и Россия в судьбе Агустина де Бетанкура // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 44–57. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-44-57>

Spain and Russia in the Life of Agustin de Betancourt

Olga V. Volosyuk

HSE University, Moscow, Russia
 ovolosiuk@hse.ru

Abstract: The article examines the main stages of the life and activity of Spanish engineer Agustin de Betancourt who exerted a significant influence on the development of engineering in Russia at the beginning of the XIX century and made a significant contribution to the formation of the country's cultural heritage. Particular attention is paid to the poorly studied aspects of his biography: the reasons for moving from Spain to Russia and the role played by Russian ambassador to Madrid Ivan Muravyov-Apostol in the move, as well as specification of some previously unknown details of his stay in the Russian Empire. Based on the documents from Russian archives (the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, the State Archive of the Russian Federation) and Spanish archives (the National Historical Archive, the General Archive of the Indies, the Historical Archive of the Nobility), on the documents

from Orotava Foundation in the Canary Islands, as well as on memoirs, the study traces the peculiarities of Agustín de Betancourt's relationship with Emperor Alexander I, whose favorable disposition initially granted Betancourt carte-blanc in his work. The author comes to the conclusion that the disgrace of Agustín de Betancourt led to the "oblivion" of his contribution to the architectural and engineering image of St. Petersburg for almost a century. It is proved that apart from the monarch's disgrace, a certain role was played by architect Auguste de Montferriand for this disgrace, who had grabbed the credit for his joint work with the Spanish engineer for himself.

Keywords: Russian-Spanish relations, Filipp Vigel, Institute of Engineers of Communication Routes, St. Petersburg development projects, Committee on Buildings and Hydraulic Works

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Volosyuk, O.V. "Spain and Russia in the Life of Agustín de Betancourt." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 44–57. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-44-57>

Введение

Актуальность. История отношений России и Испании имеет давнюю традицию, которая ведет свою начало с XVIII в. Обращение к опыту российско-испанского сотрудничества сохраняет свою актуальность и в наши дни. Особый интерес в этой связи вызывает жизнь и судьба испанского инженера Агустина де Бетанкура, который пятнадцать лет провел в России и внес большой вклад в ее культурно-историческое наследие. Бетанкур спроектировал здание Московского Манежа, разработал передовое для того времени инженерное решение деревянной крыши сооружения, выстроил комплекс Нижегородской ярмарки. В Санкт-Петербурге он построил деревянный арочный Каменноостровский мост через реку Малая Невка, первый лесопильный завод на Охте, оснащенный паровыми машинами, им же и сконструированными, Исаакиевский наплавной мост, соединивший берега реки Невы от Исаакиевского собора до здания Двенадцати Коллегий, и многое другое. Бетанкур предложил новое инженерное решение строительства Исаакиевского собора и изобрел уникальный способ установки монолитных колонн на его куполе, которое впоследствии Монферран повторил при установке Александровской колонны на площади Зимнего дворца¹. Однако после смерти в 1824 г. стараниями окружения Александра I имя испанского инженера было предано забвению².

Степень изученности проблемы. Российский период жизни Агустина де Бетанкура (1808–1824) исследован не столь скрупулезно. Еще меньше известны события, связанные с его переездом из Мадрида в Петербург. Секретарь Бетанкура в Петербурге Ф. Вигель в воспоминаниях упоминает о роли в этих событиях русского посланника при мадридском дворе И.М. Муравьева-Апостола, но не объясняет, какова именно была эта роль³. Вслед за Вигелем исследователи повторяли этот тезис, но никто не раскрыл детали.

Цель исследования – реконструировав основные этапы жизни и деятельности испанского инженера Агустина де Бетанкура, оценить его вклад в развитие инженерного дела в России и формирование культурного наследия страны.

Источниковая база. Обнаруженные в Архиве внешней политики Российской империи документы, содержащие переписку И.М. Муравьева-Апостола с министром иностранных дел А. Е. Чарторыйским, позволяют пролить свет на события 1803–1805 гг. Частично эта переписка была опубликована в очерке, посвященном

¹ Bogolyubov A.N., García Diego J.A. Agustín de Betancourt como arquitecto y urbanista // *Llull: Revista de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias y de las Técnicas*. 1986. Vol. 9. № 16–17. P. 39–41.

² Padrón Acosta S. El ingeniero Agustín de Béthencourt y Molina. La Laguna de Tenerife, 1958. P. 33, 47.

³ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 208.

деятельности Муравьева-Апостола⁴. Введение в научный оборот всего комплекса этих, а также других не публиковавшихся ранее документов из Государственного Архива Российской Федерации (переписка Муравьева-Апостола с супругой, находившейся с 1803 г. в Париже с детьми), из испанских архивов: Национального исторического архива, Генерального Архива Индий, Исторического архива дворянства, из Канарского культурного фонда инженерного дела и архитектуры имени Бетанкура-и-Молины, а также частного Архива наследников семьи Бетанкура-Кастро, который находится в Канарском фонде истории науки в г. Оротаве – позволило прояснить ранее неизвестных моментов из жизни Бетанкура, что способствует приращению научного знания о его деятельности в Российской империи и вкладе в культурно-историческое достояние России.

Семья Муравьевых и любовь к математике

Когда Бетанкур в 1808 г. приехал в Россию, он уже был хорошо известен в Европе и пользовался заслуженной славой выдающегося инженера и изобретателя. Однако история отношений Бетанкура и России зарождается не в 1808 г., когда испанский инженер прибыл в Петербург, и не в 1803 г., когда впервые он был представлен в Мадриде российскому посланнику И.М. Муравьеву-Апостолу⁵. Нити этой истории завязываются гораздо раньше, в те годы, когда отец И.М. Муравьева-Апостола, военный инженер, генерал М.А. Муравьев выбирал для своего сына образование.

Он желал, чтобы Иван, как и он сам, занялся бы инженерными науками. В те годы в Петербургской Академии наук работал знаменитый швейцарский математик Л. Эйлер, который для улучшения своего финансового положения проводил занятия с учениками. С 1767 г. он стал предоставлять пансион и давать уроки молодым дворянам. Среди русских дворян европейское образование было в почете: пансион четырех Эйлеров имел превосходную репутацию, и попасть туда было довольно сложно. В 1777 г. в пансионе появился генерал Муравьев, который настоятельно просил Эйлеров принять на обучение своего единственного сына. Муравьев был готов подписаться под любыми условиями, и в конце концов Эйлеры согласились⁶.

Полученные знаниягодились И.М. Муравьеву-Апостолу, когда он стал российским посланником в Испании. По приезду в Мадрид он решил составить записку о том, в каком положении находится в Испании инженерное дело, каково состояние гидравлики, дорог и мостов. Упорядочить в России работы по инженерному ведомству пытался еще Павел I. В 1798 г. он учредил Департамент по водным коммуникациям, которым с 1801 г. руководил граф Н. П. Румянцев, старый знакомый Муравьева-Апостола. С воцарением Александра I в рамках Государственной военной коллегии был выделен Инженерный департамент. Именно для этих ведомств и собирал информацию российский посланник, указывая, что, если его записи заслужат внимания государя, он готов переслать в Россию не только чертежи, но и модели различных инженерных сооружений⁷. Поясняя эту инициативу, российский посланник информировал императора:

⁴ Волосюк О.В. Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1802–1804) // Российские дипломаты в Испании. 1667–2017. М., 2016. С. 89–98.

⁵ Волосюк О.В., Камареро К. Испанцы на русской службе: Агустин де Бетанкур // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. М., 2018. С. 177–178.

⁶ Мументалер Р.М. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век. СПб., 2009. С. 176.

⁷ Архив Внешней Политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1803. Д. 7498. Л. 10.

Я близко познакомился с человеком, который руководит этими работами, и у меня есть возможность представить наиболее четкое и полное описание, располагая полным доверием <...> наиболее знающего механика не только Испании, но Европы⁸.

Звали этого механика Агустин де Бетанкур.

Бетанкур в Испании

Агустин де Бетанкур-и-Молина родился 1 февраля 1758 г. в г. Ортава на о. Тенерифе (Канарские о-ва) в знатной и просвещенной семье. Его отец Агустин де Бетанкур-и-Хакес был генерал-лейтенантом королевской армии, а мать Леонор де Молина Брионес являлась дочерью маркиза де Вильяфуэрте, получила блестящее образование и посвятила свою жизнь воспитанию детей. Начальное образование Агустин получил дома, а продолжил обучение в монастыре Сан-Доминго в Ортаве. В 1777 г. кадетом он вступил в местную гвардию, а в мае 1778 г. ему присвоили чин лейтенанта пехоты. Несколько месяцев спустя он отправился на континент, где поступил в Королевское училище Сан-Исидро, а позже в Королевскую Академию Сан-Фернандо в Мадриде⁹. Именно тогда молодой инженер попал в поле зрения испанского государственного секретаря Х. Моньино, графа де Флоридабланка. Должность эта соответствовала статусу премьер-министра, и основные тяготы Флоридабланка нес по ведомству иностранных дел. Тем не менее, как информировал Петербург российский посланник в Мадриде С.С. Зиновьев, «его любимые занятия – проекты усовершенствования проезжих дорог, рытья каналов, словом, различных работ на благо королевства». В 1774 г. в Мурсии было начато сооружение канала для орошения полей и садов, а в 1785 г. – Арагонского канала,

к строительству которого приступили много лет назад, но которое при прежнем правлении несколько не продвинулось из-за недостатка в средствах... – писал Зиновьев. – В настоящее же время благодаря заботам графа де Флоридабланки осуществляется с большим успехом¹⁰.

В апреле 1783 г. министр направил туда для исследования местности группу инженеров, среди которых был и молодой Бетанкур¹¹. По результатам работ Бетанкур подготовил «Записку», и Флоридабланка решил не терять из вида молодого ученого, вскоре поручив ему исследование состояния ртутных рудников в Альмадене, а затем отправив его во Францию, где он провел почти шесть лет¹².

Во Франции Бетанкур завязал дружеские отношения с выдающимися испанскими и французскими учеными, со многими из которых он сохранит отношения и в дальнейшем. Среди них был и представитель одного из аристократических семейств Испании, Педро де Алькантара, герцог дель Инфантадо (который, как и Бетанкур, в молодости занимался проектами по строительству каналов)¹³, а также знаменитый часовых дел мастер Авраам-Луи Бреге, с которым Бетанкура связывало большое количество совместных технических открытий и изобретений. Вернувшись в Испанию, ученый привез собрание макетов и чертежей, машин и механизмов, которые стали основой коллекции созданного им в Мадриде в 1792 г.

⁸ Архив Внешней Политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1803. Д. 7498. Л. 9.

⁹ Rumeu de Armas A. Ciencia... P. 29–30.

¹⁰ Волосюк О.В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. М., 2011. 340 с. ISBN: 978-5-209-03581-7. EDN: RBARCH

¹¹ Rumeu de Armas A. Ciencia... P. 32–34.

¹² Руа Альварес Э. Испанская инженерия конца XVIII века. Августин де Бетанкур-и-Молина // Известия ПГУПС. 2008. № 1–2. С. 61; González Tascón I., Fernández Pérez J. Agustín de Betancourt y las minas de mercurio de Almadén // Betancourt. Los inicios de la ingeniería moderna, Madrid, 1996. P. 55–69.

¹³ La Parra Lopez E. La alianza de Godoy con los revolucionarios. Madrid, 1992. P. 123.

Королевского Кабинета машин¹⁴. В том же году он был удостоен звания рыцаря престижного Ордена Сантьяго¹⁵.

Флоридабланка покровительствовал молодому и талантливому инженеру все время, пока находился у власти. Даже отставка министра не помешала продвижению Бетанкура: специалисты с техническим образованием высоко ценились в Испании. В 1793 г. он получил стипендию для поездки в Англию. Там по заказу алькальда Гаваны, графа Каса Монтальво, он спроектировал две паровые машины для использования их на сахарных заводах Кубы. В 1796 г. Бетанкур, «чи знания могли бы способствовать процветанию колонии», был приглашен губернатором Гаваны Л. де лас Касасом на Кубу для испытания этих машин и для строительства на острове каналов и дорог¹⁶. Однако в августе 1796 г. Великобритания разорвала отношения с Испанией, и Бетанкур спешно выехал на родину. В июне 1797 г. он сел на корабль, отправлявшийся на Кубу, но через день после выхода из порта корабль был захвачен английским фрегатом. Англичане конфисковали инструменты и научную библиотеку ученого, а пассажировпустили. Бетанкур отправился в Париж, где вместе с Бреге спроектировал оптический телеграф, а, вернувшись в Испанию в ноябре 1798 г., занялся прокладыванием оптической телеграфной линии между Мадридом и Кадисом. В 1799 г. он основал в Испании Генеральную инспекцию дорог и каналов, через полтора года став ее директором¹⁷.

В декабре 1802 г. Бетанкур открыл Школу инженеров дорог и каналов, которая существует в Мадриде до сегодняшнего дня. Следующие несколько лет Бетанкур посвятил организации ее работы, а также участию в важнейших проектах того времени: сооружению Кастильского канала и арочной плотины в Лорке, работам по изменению русла рек Хениль и Кубильяс в долине Гранады, где находилась королевская резиденция Сото-де-Рома. Там в результате массовой вырубki лесов была уничтожена основная масса деревьев и кустарников, что приводило к частым наводнениям, смывавшим посевы. В 1795 г. Карл IV передал право собственности на Сото новому государственному секретарю, Мануэлю Годой, герцогу де Алькудиа, который в январе 1803 г. направил в Гранаду Бетанкура с приказом ликвидировать возникшие проблемы. Но предложения Бетанкура пришлись не по нраву дону Мануэлю, что привело к конфликту между ними, и в октябре 1805 г. Годой отстранил Бетанкура от руководства проектом, передав его военным инженерам¹⁸. Немилость первого министра, который обладал в Испании властью большей, чем сам испанский король Карл IV, и который был крайне обидчив и злопамятен, фактически означала конец карьеры Бетанкура на родине. Годой, фаворит королевы Марии-Луизы, уверовавший в свою полную вседозволенность, был крайне опасным противником. Если королева в 1792 г. сумела отправить в отставку всемогущего министра Флоридабланку, о чем тогда сообщал Зиновьев¹⁹, то разрушить карьеру Бетанкура ей не составило бы труда. Именно это имел ввиду Муравьев-Апостол, когда писал, что Бетанкур, «как и все люди, которые имеют чувства, разочарован тем, что происходит в этой стране»²⁰.

Судьбоносное знакомство к этому времени уже состоялось.

¹⁴ *Rumeu de Armas A.* Ciencia... P. 65–74.

¹⁵ Archivo Histórico Nacional (AHN). 1791. OM-Expedientillos. N. 8548; 1792. OM-Expedientillos. N. 18464.

¹⁶ Archivo General de Indias. Habana. 1796-04-27. Estado. 5 B. N. 87.

¹⁷ *Rumeu de Armas A.* Ciencia... P. 225–238, 279.

¹⁸ *Muñoz Bravo J.* Betancourt, Godoy y el Soto de Roma // Revista de Obras Públicas (Madrid) T. CXXXIV. № 3261. 1987. P. 558–574; *Волосюк О.В. Камареро К.* Испанцы... С. 177–178.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Д. 470. Л. 30.

²⁰ Там же. Ф. Канцелярия. 1804. Д. 7501.

Испанский ученый и российский дипломат

Впервые имя Бетанкура Муравьев-Апостол упоминает в письме к канцлеру А.Р. Воронцову от 21 марта 1803 г., которое он направил в Петербург с секретарем посольства графом Я.О. Ламбертом. Воронцов в последние годы службы был болен, и часть поручений передавал на исполнение А.Е. Чарторыйскому, занимавшему должность товарища министра иностранных дел. Он и доложил Александру I о депеше Муравьева. Император благосклонно отнесся к инициативе российского дипломата и повелел сделать «внушение» испанскому инженеру, что

не встретится затруднения в принятии его в российскую службу, буде согласится он на положение в разсуждении содержания, которое производится здесь главным чиновникам инженерным по части гидравлической и которое простирается до 8000 рублей в год...

Это по тем временам было почти вдвое больше испанского жалования Бетанкура. Но российская бюрократическая машина поворачивалась долго: только в октябре 1804 г. последовал ответ на депешу Муравьева-Апостола. Чарторыйский писал: «Если бы он мог быть удостоен найти здесь те самые выгоды, кои имеет в Гишпании и которые состоят в жаловании и пансионе, составляющих до 50000 ливров». Допуская, что в Испании помимо жалования ему полагаются «какие-либо особенные пансионны», министр разъясняет, что ему дозволено будет сохранить их. Чарторыйский объяснял благосклонность императора «особыми достоинствами и познаниями генерал-лейтенанта Бетанкура». Более того, в черновом варианте письма было указано, что его жалование, «по прибытии его сюда, по мере услуг, кои оказывать он будет в состоянии и полезных произведений его познаний, может быть прибавлено». Но, по-видимому, российские власти решили, что человеку, с которым они ранее никогда не встречались, предлагается заранее слишком много привилегий, и эта фраза была вычеркнута из окончательного варианта письма, направленного из Петербурга в Мадрид²¹.

Неспешность российской бюрократии, как ни странно, способствовала переезду Бетанкура в Россию. К осени 1804 г. его отношения с Годоем заметно осложнились, а в октябре 1805 г. он был отстранен от руководства работами в Сото. К этому времени Муравьев-Апостол уже завершил свою службу в Мадриде весной 1805 г. и вернулся в Россию. Как бы подводя итог своей дипломатической миссии, в одном из последних донесений Чарторыйскому он написал:

Если все получится, это будет единственное доброе дело, которое я сделал в Испании. Вытащить талантливого человека из ниоткуда и перевезти его в мою страну – будет для меня всегда предметом славы и утешения в череде тех бесконечных разочарований, которые я испытал во время моего печального пребывания здесь²².

Он передал Бетанкуру приглашение императора. Ученый выразил согласие, указав, однако, на ряд условий, в том числе что он не может выехать немедленно, поскольку на его попечении были жена и дети, а также фабрика в Авиле, которая, оставшись без хозяина, могла прийти в упадок. Кроме того, Бетанкур потребовал гарантии, что в России он получит пост главного инженера по проведению всех гидравлических работ и в его ведении окажутся порты, арсеналы, каналы и пр.²³ Одновременно Бетанкур вел переговоры и с французами. Муравьев писал:

Я знаю из достоверного источника, – не от него [Бетанкура], а непосредственно из Франции, что Бонапарт уже предложил ему принять руководство работами по погрузке-разгрузке в портах Тулона и Марселя²⁴.

²¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1804. Д. 7499. Л. 5–6.

²² Там же. Д. 7501. Л. 174.

²³ Там же. 1805. Д. 7502. Л. 4–5.

²⁴ Там же. 1804. Д. 7501. Л. 175.

С весны 1806 г. Бетанкур начинает готовиться к отъезду. В июле он отправляет в Париж жену с детьми. Видимо, от нее о намерениях ученого узнает супруга Муравьева-Апостола, которая с 1803 г. также проживала с детьми в Париже. Она пишет мужу, что Бетанкур уже принял решение о переезде в Россию²⁵. К началу 1807 г. положение Бетанкура в Испании осложнилось еще больше. В январе он направил записку своему старому знакомому, герцогу де Инфантадо, о состоянии дорожных пошлин в Гвадалахаре²⁶. Это была очевидная попытка сменить покровителя, поскольку герцог стал одним из доверенных лиц наследника испанского престола Фердинанда, страстно желавшего отстранения Годоя от власти. В стране созрел заговор против фаворита, который возглавил Инфантадо, но заговор провалился... и Бетанкуру стало опасно оставаться в стране. Именно этим позже он объяснял причины своего фактического бегства из Испании:

Поскольку я наблюдал вражду, царившую в Испании между принцем Астурийским (ныне Фердинандом VII) и Годоем, я предполагал, что в Испании должна произойти революция, и что в таком случае было необходимо, чтобы не погибнуть вместе со своей семьей, искать убежища в другом государстве, чтобы обеспечить свою безопасность, и мне казалось, что Россия была наиболее подходящей²⁷.

В этих условиях Бетанкур торопится завершить переговоры с правительством о передаче фабрики государству с предварительной компенсацией в 700 тыс. реалов с учетом проведенной им модернизации оборудования. В апреле 1807 г. он получил полную сумму и запросил паспорта на выезд из Испании. Он писал брату:

А поскольку в то время каждый человек, пользовавшийся определенным уважением, покинул Двор, мне было предоставлено разрешение на поездку, как только я об этом попросил²⁸.

На пути из Мадрида в Петербург

В середине мая 1807 г. Бетанкур получил разрешение на временное пребывание во Франции²⁹, где уже находилась его семья, но долго там не задержался: в октябре, оставив семью в Париже, он отправился в Россию. По информации испанского посольства в Петербурге, Бетанкура приняли там на высшем уровне. Он был приглашен на частную аудиенцию к Александру I, обедал с ним и с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, танцевал на балу с супругой императора и получил в подарок золотую шкатулку с бриллиантами и печатью императора, перстень с бриллиантами и другие почести, «которые Князья Севера обыкновенно оказывают прославленным путешественникам»³⁰. Ему предложили посетить кабинеты, фабрики и художественные заведения, ознакомиться с основными отраслями промышленности в Петербурге и других местах. Александр пригласил его на службу, предложив «ему более 200 тыс. реалов, и, кажется даже, расходы на дом и дорогу». Но, как отмечал чиновник испанского Министерства иностранных дел С. Луго-Винья-и-Масена, Бетанкур не дал окончательного ответа российскому императору, пояснив, «что у него нет причин покидать свою страну, свое правительство и свое-

²⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1002. Оп. 1. Л. 2.

²⁶ Archivo Histórico de la Nobleza. 1807-01-01. Osuna. C. 1874. Leg. 28.

²⁷ Fundación Canaria para Historia de Ciencia Orotava (FCHCO). 1814 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_02_1790/22/ (дата обращения: 12.09.2024).

²⁸ Ibid. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_03_1810/41/ 29 (дата обращения: 12.09.2024).

²⁹ Временный выезд оказался окончательным, поскольку в Испанию Бетанкур не вернулся уже никогда.

³⁰ FCHCO // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_02_1790/22/ (дата обращения: 12.09.2024).

го государя, который оказывал ему большую протекцию». Последняя фраза предназначалась для герцога Инфантадо, вновь оказавшегося в фаворе, на случай, если Бетанкур решит вернуться на родину. По словам Луго, герцогу эту фразу передали³¹. Да и сам Бетанкур описывал свой визит в Петербург похожим образом:

Я <...> приехал сюда, как говорится, прощупать почву, и был прекрасно принят императором, который сделал мне <...> очень выгодные предложения, если я захочу поступить к нему на службу. <...> Однако я не высказал ничего определенного и под предлогом необходимости посоветоваться с семьей вернулся в Париж³².

6 мая 1808 г. супруга Муравьева-Апостола, которая все еще находилась с детьми в Париже, сообщила мужу:

Господин Бетанкур здесь, мы много говорим о нашей стране, и он мне советует направить мальчиков в математику; он меня заверял, что опытных русских инженеров очень мало³³.

В Париже Бетанкур узнал об отречении Карла IV, о прибытии в Байонну Фердинанда VII и об отречении последнего в пользу Наполеона Бонапарта. Тогда он принял окончательное решение, о котором позже сообщал брату:

Не желая подвергать себя служению вторгшемуся королю, я решил приехать сюда [в Россию] со всей семьей: с женой, тремя дочерьми и сыном³⁴.

Бетанкур покинул Париж в середине сентября 1808 г. Узнав перед отъездом, что в Эрфурт для переговоров с Наполеоном прибывает Александр I, 13 сентября он составляет письмо Н.П. Румянцеву, директору Департамента водных коммуникаций (а с февраля 1808 г. и министру иностранных дел России), который сопровождал императора в Эрфурте. Бетанкур подтвердил согласие на предложенные ему условия, а также информировал, что оставляет Бреге своим представителем в Париже³⁵. После встречи в Эрфурте он держит путь в Петербург и прибывает в северную столицу в конце октября 1808 г.

В жизни «наиболее знающего механика Европы» начинается российский этап.

Фаворит Александра I

Когда Бетанкур прибыл в Россию, ему уже исполнилось пятьдесят. Он был знаменит и сохранил присущие ему энергию и неуемность. Талантливый инженер был благосклонно принят императором Александром I, предоставившим ему полный *carte-blanche*. Я. Ламберт, который познакомился с Бетанкуром еще в Мадриде, рассказывал Вигелю: «Он в большой доверенности у государя, и по части механики можно почитать его европейскою знаменитостью»³⁶. О благорасположенности к нему Александра I неоднократно писал и сам Бетанкур. 15 сентября 1814 г. он отправил письмо своему брату Хосе, проживавшему в Оротаве, в котором подчеркивал:

Император и члены императорской семьи приняли меня с почестями, на которые я не мог не претендовать, и которые не мог ожидать <...> Каждый раз, когда мне необходимо поговорить

³¹ Ibid. 1809 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_02_1790/23/ (дата обращения: 12.09.2024).

³² Ibid. 1814 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_03_1810/42/ (дата обращения: 12.09.2024).

³³ Эйдельман Н.Я. К биографии Сергея Ивановича Муравьева-Апостола // Исторические записки. М., 1975. С. 260.

³⁴ FCHCO. 1814 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_03_1810/42/ (дата обращения: 12.09.2024).

³⁵ Ibid. 1808 // Agustín de Betancourt. URL: <https://fundacionorotava.org/en/portal/databases/digitisations/189/> (дата обращения: 12.09.2024).

³⁶ Вигель Ф.Ф. Записки... С. 207.

с ним, я вхожу в его кабинет, не спрашивая ни у кого разрешения: я обсуждаю с ним дела, которые он мне поручил, и каждый день дает мне новые подтверждения быть довольным, как складывается моя служба, – и продолжал далее – Он [император] положил мне 25 000 рублей в год в качестве жалованья (что в то время стоило 8 реалов каждый)³⁷.

Это подтверждал и Вигель:

Сумма, по условию ему назначенная, – писал он, – была немаловажная: 24 тыс. рублей ассигнациями, беспрестанно умножая содержание его, довели его, наконец, до 60 тыс. рублей³⁸.

Бетанкур пояснял брату:

Могу заверить тебя, что он обращается со мной не так, как государь обращается с подданным, а как с другом³⁹.

В 1819 г. в письме сестре Каталине он писал примерно о том же:

У меня есть возможность нанять любых инженеров, которых я захочу. В моем распоряжении ежегодно имеется более 50 млн реалов, которые можно использовать на строительство каналов, дорог и т. д., но мне не хватает людей, которым я могу доверять. Все те, кого я предложу императору, будут хорошо приняты, как те четыре испанских офицера, которых я ему рекомендовал. Если бы ваши дети хорошо изучали математику и рисование, я бы без труда обеспечил им здесь хорошую карьеру⁴⁰.

В 1809 г. в Департаменте водных коммуникаций, которым руководил Румянцев, был расширен отдел «по учебной части» и на этой основе создан Корпус инженеров путей сообщения, а в его составе – Институт инженеров путей сообщения. Бетанкур был назначен генеральным инспектором Института⁴¹ и с присущей ему энергией и темпераментом включился в работу. Институт предназначался для подготовки эрудированных специалистов по водным и наземным путям сообщения. С этой целью Бетанкур объединил в программе обучения гуманитарные, естественно-научные и технические знания. Свою концепцию всестороннего образования он объяснял в письме сестре Марии де ла Кармен, приглашая ее сына для учебы в Петербург.

Я считал латинский язык очень важным для хорошего образования; но французский и английский языки будут так же полезны, и даже более полезны, и сейчас (если уже не поздно) ему следует их выучить, и когда ему будет 15–16 лет, (и не раньше) ему следует освоить хороший трактат по математике, арифметике, геометрии и тригонометрии, а также основам алгебры, который мой сын Альфонсо проштудировал в этом году⁴².

И далее он продолжает:

Некоторые хорошие принципы экспериментальной физики будут очень полезны, и я полагаю, что одновременно с другими занятиями они научат его географии и истории⁴³.

³⁷ FCHCO. 1814 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_03_1810/42/ (дата обращения: 12.09.2024).

³⁸ Вигель Ф. Ф. Записки... С. 208.

³⁹ FCHCO. 1814 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_03_1810/42/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁴⁰ Ibid. 1819 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_04_1815/6/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁴¹ Ibid. 1809 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/allan_legad_xx_01_1796/82/?/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁴² Ibid. 1821 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_04_1815/20/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁴³ Ibid. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_04_1815/20/ (дата обращения: 12.09.2024).

Именно такое образование он рекомендовал супруге Муравьева-Апостола дать ее сыновьям, и именно такое образование получил сам И.М. Муравьев-Апостол.

Сыновья Муравьева-Апостола – Сергей и Ипполит – были зачислены в первый набор студентов Института. Вигель указывал:

Самые первые ученики, коими оно наполнилось, были все молодые графы да князья, также и сыновья французских, немецких и английских ремесленников, садовников, машинистов, портных и тому подобных⁴⁴.

Первые выпускники Института участвовали в войне против Наполеона, о чем Бетанкур писал брату:

Я основал Институт или военный колледж для подготовки инженеров, и те, кто окончил его, уже внесли гораздо больший вклад в последнюю войну, чем от них ожидали (Могу льстить себе, что нигде математику не преподают лучше, чем в моем заведении)⁴⁵.

Институт оставался его «любимым детищем» до последних лет жизни. Преподаватель Института инженеров путей сообщения И. Резимон писал, что он

занимался малейшими подробностями в искусственных предметах со всяким, прибегавшим к нему за советами; сам производил работу; излагал мысли свои, употребляя выражения и рисунки так ясно, что к совершенному постижению их ничего не доставало. Всякий получал самые положительные объяснения, которые поставляли его в состояние предвидеть вывод его предприятий, и смело решали или приводить в исполнение с доверенностью, или оставлять без сожаления⁴⁶.

Полностью и безоговорочно доверяя испанскому инженеру, Александр I поддерживал идеи Бетанкура о строительстве нового Петербурга, и в 1816 г. назначил его главой Комитета для рассмотрения проектов строений и гидравлических работ – единственного органа по выработке градостроительной политики в столице и России в целом. Под контролем Комитета были осуществлены крупные проекты в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Архангельске, Киеве. Свою роль Комитет сыграл в экспертизе и реализации проектов застройки Петербурга уникальными ансамблями и сооружениями, непревзойденными в истории градостроительства: Дворцовая, Сенатская, Михайловская площади и Марсово поле⁴⁷. Не было ни одного проекта, в реализации которого Бетанкур не преуспел бы.

Под моим руководством все дороги и каналы Империи, судоходство всех рек, все здания города Петербурга, три коллегии для обучения инженеров и т. д. В этом году я имею в своем распоряжении более 60 млн реалов, чтобы потратить их на работы⁴⁸.

Александр I восхищался его творческими идеями. «Все предложения его одобрены – писал Вигель, – все представленные им инженеры награждены»⁴⁹. Уже через год после приезда в Россию Бетанкуру было присвоено звание генерал-лейтенанта, а в 1811 г. император наградил его орденом Александра Невско-

⁴⁴ Вигель Ф. Ф. Записки... С. 210.

⁴⁵ FCHCO. 1814 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_03_1810/43/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁴⁶ Резимон И.С. О службе и трудах генерал-лейтенанта де Бетанкура // Журнал путей сообщения. 1826. № 1. С. 54.

⁴⁷ Павлов. В.Е. Августин Бетанкур. Между прошлым и будущим // Известия ПГУПС. 2008. № 1–2. С. 9.

⁴⁸ FCHCO. 1820 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_04_1815/5/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁴⁹ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1865. С. 41.

го – одной из высших наград Российской империи⁵⁰. В 1819 г. ученый писал Каталине:

Я живу счастливо, радуясь все больше и больше тому, что принял решение служить этому великодушному государю⁵¹.

Однако через год ситуация изменилась коренным образом.

Опала

Вигель называл несколько причин осложнения положения Бетанкура при дворе: помимо независимого характера испанца и нежелания заводить покровителей, вследствие чего «число неприятелей Бетанкура, им оскорбленных, в высшем правительственном кругу, с каждым днем возрастало»⁵², помимо эволюции политических взглядов российского императора Вигель указывал на еще одну, довольно распространенную причину – зависть. По его мнению,

архитекторы ненавидели Бетанкура за Монферрана, инженеры – за Ранда [еще один помощник Бетанкура], все знатные завидовали его кредиту; другие состояния видели в нем иностранца, презирающего их отчизну, и все восстало на доброго человека, только ослепленного успехами⁵³.

Бетанкур не провалил ни одного порученного ему проекта, не был обвинен в казнокрадстве, его творческие идеи с восхищением принимались Александром I. Но в 1820 г. произошла размолвка. Годом ранее Бетанкур вошел в Кабинет министров и стал руководителем Главного управления путей сообщения. Ведомство отвечало за состояние и строительство дорог. На новой высокой должности он отправился в поездку по стране: он был в Крыму – в Севастополе, Керчи и Феодосии, – инспектировал порты Черного моря, посетил Кавказ и Грузию, где осматривал каналы и дороги, проектировал шлюзы и пристани. По возвращении в Петербург он представил императору доклад, в котором отмечал неудовлетворительное состояние путей – как сухопутных, так и водных⁵⁴. Император обиделся на резкую критику состояния дел в его владениях, но виду не подал.

Моментом воспользовались многочисленные завистники, которые ранее опасались его критиковать, видя благосклонное отношение к нему императора. Подвели Бетанкура и нечистые на руку подчиненные, и его желание, не вникая в финансовые дела, заниматься только наукой. Его враги написали донос императору, который поддержал и А.А. Аракчеев, главный начальник Императорской канцелярии, фаворит Александра I, «кого покровительством он [Бетанкур] пренебрегал, который не враждебно, но и не слишком приязненно был к нему расположен»⁵⁵.

Семена упали на подготовленную почву. По свидетельству адъютанта Александра I, в ходе аудиенции, которую просил Бетанкур, император выразил недовольство, что Бетанкур не справился с порученной ему должностью. При этом заявил, что понимает трудности Бетанкура, «говорил ему с сожалением о множестве врагов, которых он, как иностранец, имеет в России, и объявил, что придумал сред-

⁵⁰ FCHCO. 1814 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_03_1810/43/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁵¹ Ibid. 1819 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_04_1815/5/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁵² Вигель Ф.Ф. Воспоминания... С. 41.

⁵³ Вигель Ф.Ф. Записки... С. 256.

⁵⁴ FCHCO. 1820 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_rappo_fr_01_1820/1/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁵⁵ Вигель Ф.Ф. Воспоминания... С. 41.

ство дать ему сильную опору»⁵⁶. Этой «опорой» стал немецкий герцог Александр Вюртемберг, брат матери Александра I, которая имела большое влияние на сына, но которая не относилась к числу своих фаворитов. Император изложил Бетанкуру свое абсолютно иезуитское решение: герцог должен получить должность руководителя Главного управления путей сообщения, которую до этого занимал Бетанкур. Так в судьбе Бетанкура появился российский «Мануэль Годой, герцог де Алькудиа».

Судьбы герцога Вюртемберга и герцога де Алькудиа во многом были схожи. Оба из бедных и поднялись благодаря службе. Испанский герцог в 18 лет высился и разбогател благодаря связи с королевой Испании Марией-Луизой. Немецкий герцог после женитьбы цесаревича Павла на его сестре получил от Екатерины II чин бригадира русской армии, а в 1800 г. был принят на российскую службу в чине генерал-лейтенанта. Когда в 1816 г. его племянница Екатерина, младшая сестра Александра I, вышла замуж за короля Вильгельма I, российская императорская семья еще больше сблизилась с Вюртембергами.

Вюртемберг проявлял демонстративное неуважение к своему предшественнику: он отказывался встречаться с Бетанкуром, вывез в его отсутствие все документы из его кабинета, выдворил из Юсуповского дворца Институт и проживавшего там Бетанкура с семьей. Бетанкур вынужден был снимать квартиру недалеко от нового здания Института. В ответ на его жалобу император заявил, что избавить его от зависимости от Вюртемберга можно, освободив Бетанкура и от управления Корпусом инженеров, и от управления Институту. Он остался только руководителем Комитета для рассмотрения проектов строений, возглавляя строительство Исаакиевского собора и Нижегородской ярмарки⁵⁷. Это была опала. Но ситуация коренным образом отличалась от испанских событий 16-летней давности. Уехать из России Бетанкур не мог: возраст уже не позволял совершать путешествия на большие расстояния, и не мог он бросить семью и свои недостроенные детища в России. Да и не было в 1822 г. при петербургском дворе «Муравьева-Апостола», который похлопотал бы за него перед монархом другой страны. В феврале 1824 г. Бетанкур подал в отставку со всех занимаемых должностей, которую император принял. А менее чем через полгода, 14/26 июля, «самый знающий механик Европы» скончался. Как бы подводя итог своей жизни, Бетанкур писал:

Мне не приходится сожалеть ни об одном шаге, который я предпринял в своей жизни для обеспечения благополучия своей семьи, не нарушая при этом того, что предписывают честь и патриотизм⁵⁸.

Однако «немилости» преследовали его и после смерти. И, хотя герцог Вюртемберг собрал служащих Института на заупокойную службу, а император издал указ о сохранении денежного вспомоществования за женой и детьми Бетанкура, некоторые из его коллег попытались воспользоваться его научными достижениями и стереть память о выдающемся инженере и изобретателе. Одним из них был французский архитектор Монферран⁵⁹. В письме Альфонсу де Бетанкуру в 1852 г. он признавал:

Именно г-ну де Бетанкуру, вашему достойному отцу, Россия будет обязана за этот храм. Я же считаю себя простым каменщиком, исполнителем его великих идей⁶⁰.

⁵⁶ Вигель Ф.Ф. Воспоминания... С. 43.

⁵⁷ Там же. С. 41.

⁵⁸ FCHCO. 1820 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/betan_corre_es_04_1815/8 (дата обращения: 12.09.2024).

⁵⁹ Шумилкин С.М. Нижегородская ярмарка. Нижний Новгород, 2014.

⁶⁰ FCHCO. 1852 // Agustín de Betancourt. URL: https://fundacionorotava.org/pynakes/lise/allan_legad_xx_01_1796/120/ (дата обращения: 12.09.2024).

Но и при открытии «Александрийского столпа» в 1834 г., и при торжественном открытии Исаакия в 1858 г. французский архитектор о Бетанкуре «забыл».

Это подтверждал и Вигель, постоянно находившийся рядом с испанцем и присутствовавший при рождении и обсуждении Бетанкуром с коллегами многих градостроительных решений. Он безоговорочно признавал его инженерный талант. Вспоминая о строительстве Исаакиевского собора, Вигель писал:

Генерал Бетанкур назначен членом сей комиссии по искусственной части, то есть настоящим строителем; именем же строителя почтен Монферран, архитектор невзначай⁶¹.

Подчеркивая гениальность инженерного решения Бетанкура, которое Монферран использовал при установке Александровской колонны на Дворцовой площади Петербурга, Вигель образно заметил:

Нужен был и в Бетанкуре гений механики, чтобы поднять такую тяжесть и как простую палку воткнуть перед зданием⁶².

Но тут же указывал на неблагоприятную роль французского архитектора:

Выдуманные им машины служили великою помощью Монферрану, а после смерти его сделались его наследством⁶³.

Это было написано почти через сорок лет после смерти Бетанкура.

Выводы

Сооружения Агустина де Бетанкура до настоящего времени сохраняют свою инженерно-архитектурную ценность. Оценка его деятельности Муравьевым-Апостолом как «самого знающего механика Европы» полностью была подтверждена российскими современниками и признана императором Александром I, доверившим ему формирование градостроительного ландшафта российской столицы. Опала, которой испанский архитектор подвергся в последние годы жизни, во многом повлияла на то, что его имя и его вклад в формирование национального культурного наследия Испании и России на многие годы были «забыты» в нашей стране. На здании Московского Манежа до сих пор висит мемориальная доска только с именем архитектора О. Бове, в Санкт-Петербурге не решен вопрос с установкой мемориальной доски на доме, где жил Бетанкур. Таким образом, несмотря на то что Россия и Испания имеют давние культурные связи, предстоит еще многое сделать в плане сотрудничества по сохранению и популяризации культурного наследия двух стран.

Поступила в редакцию / Submitted: 14.09.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.11.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.12.2024

References

- Bogolyubov, A.N., and García Diego, J.A. “Agustín de Betancourt como arquitecto y urbanista.” *Llull: Revista de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias y de las Técnicas* 9, no. 16–17 (1986): 35–54 (in Spanish).
- Eydelman, N.Ya. “K biografii Sergeia Ivanovicha Muravyova-Apostola [The biography of Sergei Ivanovich Muravyov-Apostol].” In *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes], 252–271. Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian).

⁶¹ Вигель Ф.Ф. Записки... С. 254.

⁶² Там же. С. 255.

⁶³ Там же.

- González Tascón, I., and Fernández Pérez, J. “Agustín de Betancourt y las minas de mercurio de Almadén.” In *Betancourt. Los inicios de la ingeniería moderna*, 55–69. Madrid: Centro de Estudios y Experimentación de Obras Públicas, 1996 (in Spanish).
- La Parra Lopez, E. *La alianza de Godoy con los revolucionarios*. Madrid: CSIC, 1992 (in Spanish).
- Mumentaler, R.M. *Shveitsarskiie uchonye v Sankt-Peterburgskoi akademii nauk. XVIII vek* [Swiss scientists at the St. Petersburg Academy of Sciences. XVIII century]. St. Petersburg: Nestor-Istoria Publ., 2009 (in Russian).
- Muñoz Bravo, J. “Betancourt, Godoy y el Soto de Roma.” *Revista de Obras Públicas* 134, no. 3261 (1987): 555–574 (in Spanish).
- Padrón Acosta, S. *El ingeniero Agustín de Béthencourt y Molina*. La Laguna de Tenerife: Instituto de Estudios Canarios, 1958 (in Spanish).
- Pavlov, V.Ye. “Augustin Betancourt. Between the past and the future.” *Bulletin of PGUPS*, no. 1–2 (2008): 7–13 (in Russian).
- Rezimon, I.S. “O sluzhbe i trudakh general-leitenanta de Betankura [The service and works of Lieutenant General de Betancourt].” *Zhurnal putei soobshcheniia*, no. 1 (1826): 44–56 (in Russian).
- Rua Alvarez, E. “Spanish engineering of the late 18th century. Augustin de Betancourt y Molina.” *Bulletin of PGUPS*, no. 1–2 (2008): 53–67 (in Russian).
- Rumeu de Armas, A. *Ciencia y tecnología en la España ilustrada. La escuela de caminos y canales*. Madrid: Turner, 1980 (in Spanish).
- Shumilkin, S.M. *Nizhegorodskaiia iarmarka* [The Nizhny Novgorod Fair]. Nizhny Novgorod: Kvarts Publ., 2014 (in Russian).
- Vigel, F.F. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow: Universitetskaia tipografiia (Katkov i C^o.) Publ., 1864 (in Russian).
- Vigel, F.F. *Zapiski* [Notes]. Moscow: Zakharov Publ., 2000 (in Russian).
- Volosyuk, O.V. “Ivan Matveievich Muravyov-Apostol (1802–1804).” In *Rossiiskiiye diplomaty v Ispanii. 1667–2017*, 89–98. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2016 (in Russian).
- Volosyuk, O.V. *Vneshnyaya politika Ispanii v XVIII veke: stanovleniie ispano-russkikh otnoshenii* [Foreign policy of Spain in the XVIII century: the establishment of Spanish-Russian relations]. Moscow: RUDN Publ., 2011 (in Russian).
- Volosyuk, O.V., and Camarero, C. “Ispantsy na russkoi sluzhbe: Agustín de Betancourt [Spaniards in Russian service: Agustín de Betancourt].” In *Ispaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kultur*, 174–182. Moscow: Indrik Publ., 2018 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ольга Виленовна Волосюк, доктор исторических наук, профессор, руководитель департамента зарубежного регионоведения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Россия, 109028, Москва, Покровский б-п, 11; ovolosyuk@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3115-6978>; SPIN-код: 1076-5507.

Olga Vilenovna Volosyuk, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Regional Studies, HSE University; 11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia; ovolosyuk@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3115-6978>; SPIN-code: 1076-5507.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-58-70>
EDN: CWQFHP

Научная статья / Research article

Тенденции внешней торговли Российской империи и Германского таможенного союза в 1833–1837 гг. в обозрении коммерческой прессы

Мария Ильинична Диомидова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

kovalenko-m.i@yandex.ru

Аннотация: Исследуется характер русско-германской торговли в первые годы существования Германского таможенного союза и выявляются главные торговые тенденции. К 1830-м гг. для разрозненных немецких территорий решением стало создание Германского таможенного союза, который, по сути, стал новой формой экономической интеграции на европейском пространстве. Высокая степень изученности внутреннего эффекта Германского таможенного союза до сих пор не распространилась на характер его внешней деятельности для общеевропейской торговли, поэтому в исследовании решено обратиться к этой проблеме на примере торговых отношений с Россией. Источниковой базой выступила отечественная и немецкая коммерческая пресса, освещавшая изменения в торговой политике как России, так и немецких стран. Проведенный анализ показал, что с учреждением Германского таможенного союза меры по защите германской промышленности расширили сферу своего действия. Интересы Германского таможенного союза не раз упоминались в прессе как важный ориентир в принятии решений в вопросах внешней торговли. Тем не менее, последовательный протекционизм привел к взаимному недоверию между Россией и Пруссией, которое проявилось в заключении конвенций с другими странами, ущемлявшими привилегии давних торговых партнеров. К 1837 г. кризис был частично преодолен путем ослабления ограничительных мер со стороны России в отношении сухопутной торговли.

Ключевые слова: внешняя торговля, российско-германские отношения, Пруссия, торговля шерстью, таможенный протекционизм, порты Балтийского моря

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Диомидова М.И. Тенденции внешней торговли Российской империи и Германского таможенного союза в 1833–1837 гг.: в обозрении коммерческой прессы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 58–70. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-58-70>

Trends in Foreign Trade of Russian Empire and German Customs Union in 1833–1837 through the Business Press

Mariya I. Diomidova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

kovalenko-m.i@yandex.ru

Abstract: The author examines the nature of Russian-German trade in the early years of the German Customs Union and identifies the main trade trends at its initiation. By the 1830s, the tariff solution for the disparate German territories was the creation of the German Customs Union, which essentially became a new form of economic integration in the European space. Although the internal

effect of the German Customs Union is well-studied, the nature of its external activity for pan-European trade requires examination; this study addresses this problem using the example of trade relations with Russia. The source base is the domestic and German business press covering the changes in the trade policy between Russia and the German states. The analysis showed that with the establishment of the German Customs Union, the measures to protect German industry had significantly expanded their scope. In addition, the interests of the German Customs Union were repeatedly mentioned in the press as an important benchmark in decision-making on foreign trade issues. However, consistent protectionism led to mutual mistrust between Russia and Prussia, which manifested itself in the conclusion of conventions with other countries that infringed on the privileges of long-standing trading partners. By 1837, the crisis had partially been overcome by easing restrictive measures on the part of Russia regarding overland trade.

Keywords: foreign trade, Russian-German relations, Prussia, wool trade, customs protectionism, Baltic Sea ports

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Diomidova, M.I. “Trends in Foreign Trade of Russian Empire and German Customs Union in 1833–1837 through the Business Press.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 58–70 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-58-70>

Введение

Актуальность. На протяжении многих веков торговля была важным элементом хозяйственной жизни европейских государств, который способствовал развитию различных отраслей производства и культурному обмену между различными регионами. Следует отметить, что степень государственного присутствия в сфере товарообмена не была величиной постоянной, а регулирование торговых процессов со стороны правительства часто преследовало политические цели, что можно наблюдать и сегодня. В то же время многие изменения в сфере торговли носили и объективный характер: появление новых технологий, погодные трудности, последствия войн и голод сказывались на объемах товарооборота. Поэтому изучение истории международной торговли и ее отдельных аспектов представляется актуальной и современной задачей.

Одним из способов исследования международной торговли является анализ двусторонних отношений между государствами-партнерами, что обусловлено необходимостью всестороннего изучения различных факторов, потенциально влиявших на торговые процессы. В контексте проводимого исследования в центре внимания находятся Россия и германские государства, преследовавшие схожие цели в сфере торговли и промышленности в 1820–1830-е гг.

Международный рынок 1830-х гг. претерпевал существенные изменения, связанные с динамичным развитием новых отраслей химической и текстильной промышленности, а также с многочисленными политическими потрясениями. Революционная волна 1830 г. сменилась эпидемией холеры, которая фактически блокировала морскую европейскую торговлю на полтора года в связи с повсеместно вводимыми карантинами. К середине 1830-х гг. ситуация стабилизировалась, однако планомерное государственное реформирование различных сфер хозяйственной жизни и принципиально новые явления в экономике отдельных стран нашли свое отражение в структуре европейской торговли.

Великобритания, столетиями осуществлявшая роль центрального посредника в международной торговле, а также крупнейший производитель текстильных изделий, по-прежнему была центром финансовой жизни. Резкий скачок производительных сил после Континентальной блокады способствовал возвращению английской продукции на европейские рынки в кратном объеме. Однако многие государства стремились к развитию собственного производства и искали способы защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции. Одним из средств для решения этой задачи стали многочисленные таможенные преобразования, осу-

ществлявшиеся как Россией¹, так и германскими государствами в 1820–1830-е гг. Они привели к появлению новых торговых маршрутов и развитию фабричного производства, а также росту оборотов российско-германской торговли².

В 1834 г. на карте Европы появилась новая экономическая структура под названием Германский таможенный союз (ГТС), объединившая территории нескольких германских государств в единую торговую зону. Организация ГТС, в первую очередь, была направлена на облегчение торгового сообщения между германскими государствами и развитие немецкой промышленности путем введения высоких охранительных пошлин. В 1830-е гг. схожие тенденции наблюдались и в России: охранительная система упрочила свои позиции под руководством министра финансов графа Е.Ф. Канкрин³. Для подробного анализа происходивших изменений мы обратились к первому пятилетию существования ГТС с целью выявления его воздействия на внешнюю торговлю с Россией.

Степень изученности проблемы. Русско-германская торговля первой половины XIX в. традиционно рассматривается в историографии в общеевропейском масштабе. Из дореволюционных исследователей наиболее полный обзор русско-немецкая торговля получила в общих работах таких авторов, как С.И. Гулишамбаров⁴ и К. Лодыженский. Последний провел детальное исследование изменений в таможенном устройстве России на протяжении истории его существования. 1830-е гг. он рассматривает в контексте общеевропейских пересмотров торгового законодательства⁵.

В советской историографии тему российско-германских торговли в своих фундаментальных исследованиях затрагивали И.М. Кулишер и С.А. Покровский⁶. М.К. Рожкова уделяла пристальное внимание транзиту и торговле ближневосточными товарами на Лейпцигской ярмарке, что добавляет в традиционное восприятие русско-немецких торговых отношений транзитный аспект, игравший важную роль в изучаемый период⁷.

Современный исследователь Л.П. Марней изучает проект польского таможенного союза, обсуждавшийся прусским и российским правительствами в 1820-е гг. Ее исследования затрагивают вопросы организации торговли в России по европейской границе в целом и на польских территориях в частности и содержит ценные сведения для понимания перемен в русско-немецких отношениях в 1830-е гг.⁸

Российский историк Е.П. Кудрявцева в своем исследовании российско-прусских отношений⁹ говорит о кризисе в торговле между изучаемыми государ-

¹ Белых А.А., Май В.А. Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX – начала XX в. // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 18–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46. EDN: YJAXHE

² Коваленко М.И. Внешняя торговля России и германских государств в 1815–1837 гг.: анализ статистики импорта и экспорта // Экономическая история. 2021. Т. 17. № 1. С. 22–33. DOI: 10.15507/2409-630x.052.017.202101.022-033. EDN: HPTTNY

³ Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. Петербург, 1923. С. 307.

⁴ Гулишамбаров С.И. Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России. СПб., 1898.

⁵ Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.

⁶ Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли; Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.

⁷ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.; Л., 1949.

⁸ Марней Л.П. Замысел таможенного союза: новые принципы торговой политики России, Пруссии и царства Польского в первой трети XIX в. // Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества. М.: Институт славяноведения, 2012. С. 168–185. EDN: TOOKCZ; Марней Л.П., Носов Б.В. Проблема целостности национального хозяйства разделенных польских земель: Царство польское (1815–1830) // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 3. С. 181–194. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-55-3-181-194. EDN: OLGYCF

⁹ Кудрявцева Е.П. Россия и Пруссия во второй четверти XIX века // Новая и Новейшая история. 2019. № 4. С. 52–66. DOI: 10.31857/S013038640005850-3. EDN: YNUETK

ствами в 1830-е гг. и о том, что Россия «с неодобрением отнеслась к созданию Таможенного союза»¹⁰, однако мы склонны не согласиться с этим тезисом, так как пресса изучаемой эпохи или свидетельства современников не содержат подобных свидетельств.

В немецкой литературе внимание исследователей преимущественно сосредоточено на англо-германской торговле, но несколько обзорных работ позволяют сформировать общую картину торговли в изучаемый период¹¹. Специальное исследование У. Симона, посвященное истории торговли северогерманских портовых городов и Петербурга, освещает механизмы и принципы балтийской торговли¹².

Исследование внешнеторговых связей германских государств в рассматриваемый период времени нередко проводилось в контексте изучения формирования и развития ГТС. Известный немецкий историк Г.-В. Хан в своей «Истории Германского таможенного союза» называет борьбу с нелегальной торговлей одним из главных катализаторов формирования ГТС¹³.

Статистический очерк французской исследовательницы Б. Дедингер содержит важные сведения о торговом учете ГТС на протяжении его первых 40 лет его существования, что позволяет сопоставить сведения прессы и статистики для формирования всесторонней картины российско-немецкой торговли¹⁴.

Масштабное исследование российской внешней торговли и ее организационной структуры было проведено британским историком С.Р. Томпстоном. В своей монографии он дает общую характеристику российского экспорта и импорта, уделяя особое внимание новым институтам торговли, появившимся в XIX в. и изменившим ее облик: биржи и акционерные общества, массово появившиеся в 1830-е гг., стали важным импульсом для увеличения темпов экономического роста¹⁵.

Российский историк С.К. Лебедев в рамках своего исследования государственного кредита особое внимание уделяет деятельности торгового дома Штиглицев в сфере кредитования внешней торговли¹⁶. В контексте российско-германской торговли центральное место отводится Гамбургу, финансовому центру международной торговли этой эпохи.

Роль иностранной валюты в России 1830-х гг. и монетарная политика императорского правительства стали предметом изучения отечественного историка П.К. Романова¹⁷. Обращение иностранной монеты долгое время не было регламентировано, и только в годы министерства Е.Ф. Канкрин в рамках денежной реформы были предприняты попытки по фиксации ее курса.

Обзор литературы свидетельствует о интересе историков к теме внешней торговли между Россией и германскими государствами в 1830-е гг., однако отсут-

¹⁰ Кудрявцева Е.П. Россия и Пруссия во второй четверти XIX века... С. 57.

¹¹ Bondi G. Deutschlands Aussenhandel 1815–1870. Berlin, 1958; Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800–1866. München, 1985.

¹² Simon U. Die Freien und Hansestädte und St. Petersburg // Arcturus. Deutschsprachiger Raum und europäischer Nordosten. Helsinki, 2019. S. 112–166.

¹³ Hahn H.-W. Geschichte des Deutschen Zollvereins. Göttingen, 1984.

¹⁴ Dedinge B. Trade Statistics of the Zollverein, 1834–1871 // Revue de l'OFCE, Presses de Sciences Po. 2015. P. 67–85.

¹⁵ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. М.: РОССПЭН, 2008. 470 с. ISBN: 978-5-8243-0957-7. EDN: QSQNPB

¹⁶ Лебедев С.К. Государственный кредит России в первой трети XIX века и внешние денежные рынки // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. № 23. С. 46–56. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-8-46-56. EDN: WGLHYS

¹⁷ Романов П.К. Проблема внутреннего обращения иностранной монеты в России в 30-е годы XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. № 23. С. 57–68. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-8-57-68. EDN: OJNEEI

ствие фундаментальных работ по рассматриваемой тематике говорит о многих неизученных аспектах российско-германской торговли исследуемого периода.

Цель исследования – установить особенность восприятия русско-германской торговли представителями делового мира второй четверти XIX в. Это представляет собой научную новизну, поскольку исследование торговых взаимоотношений между различными государствами традиционно освещается либо через статистические сведения, либо через политический аспект (конвенции, договоры, союзы).

Источниковая база. Основными источниками стали отечественные и немецкие периодические издания торговой тематики, которые издавались на протяжении всего исследуемого периода. Российская «Коммерческая газета» содержала много сведений об экономике стран мира, ее по праву можно назвать энциклопедией хозяйственной жизни первой половины XIX в. «Журнал мануфактур и торговли» издавался ежемесячно, в нем публиковались статьи более теоретического характера: размышления и рассказы о новинках различных отраслей промышленности, а также содержался анализ законодательных нововведений в России и за границей. Большую долю содержания выпусков журнала составляли переводные статьи из крупных европейских журналов, издававшихся преимущественно в Париже и Берлине.

Из немецких изданий были привлечены две газеты – нюрнбергская «Allgemeine Handlungs-Zeitung [Всеобщая коммерческая газета]»¹⁸ и кёльнская «Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe des In- und Auslands und damit verwandte Gegenstände [Всеобщий орган внутренней и внешней торговли и промышленности и сопутствующие темы]»¹⁹.

Выбор именно этих газет связан с их тематическим наполнением, так как в рассматриваемый период немецкая пресса была крайне разнообразна. Либеральные и консервативные, литературные и сельскохозяйственные, городские и окружные – свыше 50 немецких изданий различной тематической и политической направленности издавались в 1830-е гг. В них также регулярно публиковались статьи из других немецких газет в случае их потенциальной ценности для предпринимателей, купцов и промышленников. Как правило, это были выдержки из правилительственных документов или детали новых торговых конвенций.

Организация русско-германской торговли в 1833–1835 гг.

Договор о создании Германского таможенного союза, заключенный между Пруссией, Гессен-Дармштадтом, Баварией и Вюртембергом 22 марта 1833 г.²⁰ и впоследствии расширивший свое действие на другие немецкие государства, встретил широкое одобрение в прессе²¹. Направленный на облегчение транспортного сообщения между германскими государствами и их анклавными территориями, договор также предполагал введение серьезного контроля за продукцией с целью пресечения контрабанды. Таможенное объединение должно было дать толчок немецкой промышленности, ведь в это время большинство немецких стран были преимущественно аграрными²². Путем введения высоких пошлин на импортную продукцию ожидалось также сокращение затрат на транспортировку и хранение

¹⁸ Allgemeine Handlungs-Zeitung. Nürnberg, 1833–1837.

¹⁹ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe des In- und Auslands und damit verwandte Gegenstände. Köln, 1833–1837.

²⁰ Zollvereinigungsvertrag vom 22. März 1833. URL: <https://www.verfassungen.de/de06-66/zollverein33.htm> (дата обращения: 28.07.2023).

²¹ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 13 Oktober 1833. S. 525–526; Журнал мануфактур и торговли. 1834. № 1. С. 78–79; № 3. С. 101–109.

²² Гулишамбаров С.И. Всемирная торговля... С. 73.

больших объемов иностранных товаров²³. Долгожданное таможенное объединение, по многочисленным оценкам, стало одним из первых шагов на пути к национальному единству Германии²⁴.

Тем не менее, введение охранительных пошлин проводилось постепенно, в связи с региональной разнородностью немецкой промышленности, поэтому отдельные категории товаров, преимущественно сырьевых, допускались к ввозу по сниженному тарифу²⁵. В частности, такое допущение было сделано в отношении цинка и железа из России²⁶.

Таможенные мероприятия и организация торговли в России этого времени, в свою очередь, также нашли отражение в немецких газетах²⁷. Дискуссии о бремени пошлинного обложения не пришли к единому мнению: жалобы иностранных купцов не подтверждались свидетельствами российских купцов, а обороты внешней торговли только увеличивались²⁸. Сравнение таможенных систем проводилось даже на уровне сопоставления содержания таможенных чиновников: по оценкам немецкого издания «Allgemeine Handlungs-Zeitung», российские таможенные чиновники получали в 3–4 раза меньшее жалование, чем немецкие²⁹.

Пристальное внимание уделялось изменениям в таможенных правилах и тарификации в отношении железа и других экспортных российских товаров³⁰. Также регулярно публиковались перечни товаров, запрещенных к ввозу в Россию или «разрешенных в таком объеме, будто и запрещенных»: в 1834 г. такими были металлургические изделия и медицинские приспособления³¹. Нередко после этих информационных сведений упоминались также альтернативные способы приобретения желаемых товаров через контрабандистов в польских городах и крупных морских портах: там был доступен «широкий ассортимент товаров производства московских мануфактур более низкого качества»³².

Вопрос контрабанды, упоминавшийся ранее, был насущной проблемой этого времени. Затраты на транспортировку и хранение товаров, оплату гильдейских взносов и сопутствующие расходы были подчас неподъемными, поэтому нелегальный ввоз товаров широкого потребления процветал. Эта проблема была ярко проиллюстрирована в одном из выпусков «Allgemeine Handlungs-Zeitung»: в нем был описан торговый путь русского купца 1 гильдии, решившего расширить свое предприятие за границей и осуществлявшего перевозку различных товаров из Парижа в Петербург через Любек. Подробный рассказ о потенциальных угрозах, непредсказуемых погодных условиях и других сложностях торговли завершился отрицательным арифметическим выводом: расходы были равны 134 руб. ассигнациями, в то время как стоимость купленных товаров составила 92 руб. ассигнациями, т.е. расходы существенно превысили стоимость купленных товаров и поставили под сомнение целесообразность всей затеи расширить торговое предприятие³³.

Не в последнюю очередь с целью облегчения организационного бремени и расширения масштабов торговли в рассматриваемый период в Европе появлялись

²³ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1833. 16 Juni. S. 310.

²⁴ Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800–1866... S. 361; Марней Л.П. Замысел таможенного союза... С. 178.

²⁵ Журнал мануфактур и торговли. 1833. № 7. С. 59.

²⁶ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1833. 20 Dezember. S. 650.

²⁷ Ibid. 1835. 5 April. S. 219; 1835. 15 November. S. 729–732.

²⁸ Ibid. 1834. 15 Oktober. S. 670.

²⁹ Ibid. 1837. 28 Jun. S. 431.

³⁰ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1835. 15 März. S. 145.

³¹ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1834. 18 November. S. 737–739.

³² Ibid. S. 739.

³³ Ibid. 1837. 2 Juli. S. 436–437.

новые формы торговых организаций: деятельность акционерных обществ и агентов-коммиссионеров способствовала снижению затрат на некоторые этапы торговых процессов³⁴. Наиболее часто это явление встречалось в новых сферах предпринимательства, таких, например, как пароходное судостроение и железнодорожное строительство³⁵. Акционерные общества осуществляли весь цикл производства, включая закупку сырья и продажу готовых изделий³⁶. Как правило, их деятельность осуществлялась в рамках законодательства северогерманских торговых городов или Лондона, которые предоставляли определенные льготы и обеспечивали преимущества перед частными купцами³⁷.

Тем не менее, вопрос организации внешней торговли в это время был тесно связан с государственной политикой в отношении таможенного контроля. Выбор между свободной торговлей и протекционизмом, занимавший в то время умы многих публицистов и государственных деятелей, нередко иллюстрировался примерами Пруссии и России³⁸. Впоследствии этот сюжет станет одним из центральных в контексте обсуждений внешней торговли в прессе.

Примечательно, что в немецких публикациях 1833–1835 гг., посвященных торговым отношениям с Россией, речь идет преимущественно о Пруссии; упоминание ГТС встретилось нам лишь в одной статье торговой тематики, о которой речь шла в предыдущем абзаце. Эта особенность видна и в отечественных статистических сведениях: внешняя торговля с Германией фигурировала в двух разделах: Пруссия и Ганзейские города³⁹. На основании этих данных можно предположить, что ГТС в первые годы существования воспринимался в прессе как структура сугубо внутреннего характера: несмотря на общую таможенную границу, единство тарифов и ограничений, внешнеторговые интересы оставались суверенными, а роль ГТС во внешней торговле была незначительной⁴⁰.

Торговые отношения России и Пруссии в рассматриваемый период регулировались торговой конвенцией о торговле и судоходстве 1825 г., направленной на облегчение торгового сообщения на польских территориях⁴¹. Она была составлена в духе фритредерства и содержала множество положений, способствовавших организации свободной торговли: в частности, в первой статье гарантировалось равенство российских, польских и прусских купцов в торговых операциях, с учетом действовавшего законодательства той страны, в которой они осуществлялись⁴². Статьи 7 и 8 были посвящены торговым вопросам и провозглашали отсутствие запретительных пошлин⁴³. Именно эти положения фактически уже не действовали: ввоз соли в страны ГТС был запрещен⁴⁴, а рост ввозных пошлин России, связанных с острым дефицитом бюджета из-за польского восстания с 1831 г., ни разу не был

³⁴ *Allgemeine Handlungs-Zeitung*. 1835. 14 Juni. S. 382.

³⁵ *Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe*. 1835. 1 November. S. 491.

³⁶ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в... С. 121.

³⁷ Simon U. *Die Freien und Hansestädte und St. Petersburg*... S. 114.

³⁸ *Allgemeine Handlungs-Zeitung*. 1835. 5 April. S. 219; 1836. 12 Oktober; Мальцев А.А., Чичилимов С.В. Истоки противостояния фритредерства и протекционизма в экономической теории // Теоретическая экономика. 2021. № 12. С. 69–81. DOI: 10.52957/22213260_2021_12_69. EDN: JPDGKL

³⁹ Неболсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России... С. 57.

⁴⁰ Гулишамбаров С.И. Всемирная торговля... С. 72.

⁴¹ Конвенция о торговле и судоходстве, заключенная в Берлине, между Россией и Пруссией. 27-го февраля 1825 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1888. С. 1–46.

⁴² Там же. С. 25.

⁴³ Там же. С. 27.

⁴⁴ *Zollvereinungsvertrag von*. 1833. 22 März.

пересмотрен⁴⁵. Запрет на ввоз шелковых и льняных изделий в Россию, введенный в 1831 г., также противоречил этому положению⁴⁶.

В 1834 г. действие конвенции было продлено на один год⁴⁷. Такой короткий срок был вызван очевидной необходимостью пересмотра старых положений конвенции и вызвал одобрение в прессе: ее условия перестали быть выгодными как для Пруссии, так и для России, и на данном этапе лишь способствовали упрочению торговой монополии Англии⁴⁸. Наряду с этим высказывались предположения о подготовке нового договора для обеспечения сырьевого сообщения между Россией и Пруссией: развитие промышленности в обеих странах требовало защиты от иностранной продукции в условиях «либерального обмена и выгодной взаимности»⁴⁹. Чуть раньше, в декабре 1834 г., в обращении прусского короля к ландтагу гарантировался свободный ввоз зерна в Пруссию из России и Польши как по сухопутной границе, так и морем⁵⁰.

В этот промежуточный период пересмотра старой конвенции случился небольшой кризис в русско-немецких торговых отношениях. 26 марта 1835 г. была обнародована торговая конвенция между Россией, Швецией и Норвегией об облегчении морского сообщения, заключенная 11 июня 1834 г.⁵¹ Эта новость вызвала беспокойство немецкой общественности в связи с изменением организации взаимного транзита товаров, в первую очередь рыбной продукции⁵². По оценкам «Allgemeine Handlungs-Zeitung», Пруссия теряла от этого договора больше, чем Россия выигрывала, и в контексте текущего пересмотра торговой конвенции этот договор не способствовал упрочению русско-немецких торговых связей⁵³.

В свою очередь, немецкие трактаты с Испанией, Мексикой и колониями, заключенные в 1834 г., были подробно освещены в «Коммерческой газете»; взаимные привилегии в части оптовой торговли и ввозных пошлин между Новым Светом и Бременом, Берлином и Ганновером получили неоднозначную оценку. Отмечалось: «Кажется, что Пруссия намерена ослабить строгость своих торговых уставов»⁵⁴.

Весной 1835 г. погодные условия также стали существенным препятствием в торговле: из-за маловодья случилась задержка прибытия русских кораблей с древесиной в Данциг, что фактически остановило торговлю в городе⁵⁵.

Таким образом, первые два года существования Германского таможенного союза не способствовали упрочению русско-германских торговых связей; скорее наоборот, они стали кризисным этапом. К концу 1835 г. новая конвенция между Россией и Пруссией так и не была заключена, несмотря на многочисленные слухи о ее скором подписании. Однако в последующие годы кризис был преодолен путем взаимных уступок, которые мы рассмотрим далее.

⁴⁵ Егоров М.Ю. Эволюция таможенного тарифа Российской империи в XIX столетии: дис. ... канд. эконом. наук. М., 2010. С. 82. EDN: QFCUFL

⁴⁶ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1834. 31 Dezember. S. 843–844.

⁴⁷ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1835. 15 März. S. 145; Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1834. 19 August. S. 519.

⁴⁸ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1835. 29 März. S. 165.

⁴⁹ Ibid. S. 166.

⁵⁰ Ibid. 4 Juni. S. 269.

⁵¹ Коммерческая газета. 1835. 26 марта. № 37. С. 145.

⁵² Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1835. 5 Juli. S. 325.

⁵³ Ibid. 19 Juli. S. 461.

⁵⁴ Коммерческая газета. 1835. 20 апреля. № 48. С. 187.

⁵⁵ Там же. 1835. 16 апреля. № 46. С. 179.

Значение Германского таможенного союза в торговле с Россией в 1836–1837 гг.

Летом 1836 г. торговая конвенция между Россией и Пруссией вновь была продлена, но уже на четыре месяца. Параллельно велись переговоры в Петербурге о новом торговом договоре, которые должны были завершиться в сентябре⁵⁶. Камнем преткновения в этот момент стал вопрос транзитной торговли. Этот вопрос требует детального изучения; в рамках проводимого исследования предоставим лишь краткий обзор этой проблемы.

Особое положение польских территорий в 1820-е гг. увеличило поток польских и прусских сукон на восток, однако в начале 1830-х гг. ситуация изменилась: транзит был существенно ограничен⁵⁷. В 1831 г. Россия увеличила пошлины на ввоз шерстяных изделий в 13 раз (с 3 до 40 коп. серебром с фунта), что фактически решило судьбу транзита польского сукна в Азию⁵⁸. По словам экономиста К. Лодыженского, «выгодный китайский рынок был предоставлен одним русским фабрикантам»⁵⁹. Этот тезис озвучивали ранее и немецкие журналисты⁶⁰. В этой связи интересны рассуждения японского исследователя М. Сиотани о расширении ассортимента продукции и появлении хлопчатобумажного вельвета российского производства в 1830-е гг.⁶¹

Поэтому неудивительно, что торговля России и Китая в этот момент была в центре внимания немецких публицистов. Эксклюзивные права русских купцов осуществлять торговые операции по сухопутной границе, через Кяхту, сохранялись⁶²; также разрешалась торговля пограничным казакам и забайкальским бурятам⁶³. Для купцов из европейских государств был доступен порт Кантон, где важнейшую роль играли британские суда⁶⁴.

Тем не менее, транзитная торговля через Россию по-прежнему играла важную роль в мировом товарообмене. Наиболее значительные транзитные потоки товаров через Россию проходили между Европой и Китаем, а также Средней Азией⁶⁵ и Персией⁶⁶, что подтверждает их частое упоминание в прессе, поэтому именно эти два направления мы намерены отдельно рассмотреть в контексте русско-немецкой торговли.

Здесь также необходимо упомянуть развитие дунайского пароходства, вступившего в новый этап с учреждением акционерного общества по строительству канала Дунай–Майн в марте 1836 г.⁶⁷ Еще в 1833 г. из-за введения свободного судоходства по Дунаю⁶⁸ английские корабли получили доступ к рынкам европейских

⁵⁶ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1836. 29 Mai. S. 235.

⁵⁷ Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 225; Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России... С. 231.

⁵⁸ Марней Л.П. Замысел таможенного союза... С. 178.

⁵⁹ Лодыженский К. История русского таможенного тарифа... С. 225.

⁶⁰ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1836. 25 September. S. 427.

⁶¹ Shiotani M. The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commercial Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century // Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2019. № 18. P. 41–55. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-1-41-55. EDN: YZTVIL

⁶² Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1835. 6 August. S. 374.

⁶³ Коваль М.В. Пограничная русско-китайская торговля в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 3. С. 20–30. EDN: RBECFP

⁶⁴ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1837. 25 Oktober. S. 702.

⁶⁵ Абдрахманов К.А. Караванная торговля среднеазиатских купцов с Россией в первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 399–410. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410. EDN: QFWKNJ

⁶⁶ Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства... С. 154.

⁶⁷ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1836. 9 April. S. 225.

⁶⁸ Ibid. 1833. 14 Juni. S. 307.

стран в обход традиционных морских маршрутов по Балтийскому морю и, как следствие, российской ограничительной системы⁶⁹. Успех дунайской торговли был, в первую очередь, выгоден Австрии⁷⁰; впоследствии он негативно отразился на русско-немецких торговых отношениях, существенно снизив поток товаров в обе стороны⁷¹. Важно отметить изменение товарных потоков шелка в Россию, проходивших преимущественно через северные немецкие порты⁷². Примечательно, что неуспехи шелкового производства в России неоднократно упоминались в заметках немецких газет этого периода⁷³. Такое внимание можно объяснить важной ролью немецких портов в транзите шелка из Италии в Россию⁷⁴.

Таким образом, на данном этапе все ярче прослеживалась взаимосвязь между таможенными, промышленными и политическими аспектами при решении торговых вопросов.

Переговоры между Россией и Пруссией о новой торговой конвенции не увенчались успехом и были завершены в октябре 1836 г.: одну из причин немецкие публицисты видят в ущемлении интересов стран ГТС, которые хотели получить доступ на китайский рынок через российские территории, чтобы расширить сбыт своей продукции⁷⁵. Именно в этот момент упоминание Германского таможенного союза стало все чаще появляться в контексте обсуждения внешнеторговых вопросов. Новая таможенная структура постепенно становилась привычной для общественности, а замысел ее создания приобретал все большее значение в условиях многосторонней международной торговли.

В ноябре 1836 г. немецкие газеты возобновили обсуждение русской запретительной системы, теперь уже в отношении портов Балтийского моря⁷⁶. «Пруссии нужен свободный транзит, Польше нужны прусские порты для древесины и зерна», – с таким лозунгом немецкая общественность призывала Россию снять текущие ограничения. До тех пор страны ГТС были намерены рассматривать альтернативные торговые пути: в первую очередь их взгляд был обращен на Австрию⁷⁷. Слухи о грядущих переговорах с Россией появились в нескольких декабрьских изданиях, но они не подтвердились⁷⁸. Вопрос о будущем балтийской торговли вызывал в немецкой прессе большие опасения: мотивы России, направленные на поддержание отечественной промышленности и ее защиты от конкуренции, были вполне понятны, но многомиллионное население стран Германского таможенного союза нуждалось в адекватном обеспечении собственной промышленности сырьем и рынком сбыта, что в сложившихся условиях было невозможно⁷⁹.

Очередная статья о вреде охранительной системы России для развития ее торговли не только с Пруссией, но и с другими странами ГТС вышла в декабре 1836 г.⁸⁰ Несмотря на типичный сюжет для этого времени, именно в этой публикации была дана всесторонняя характеристика русско-немецких торговых отношений в рассматриваемый период. Кратко, но емко здесь раскрывались и вопросы транзи-

⁶⁹ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1836. 28 August. S. 353.

⁷⁰ Коммерческая газета. 1835. 20 июля. № 87. С. 344.

⁷¹ Там же. 1835. 9 февраля. № 18. С. 69.

⁷² Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1837. 29 Januar. S. 75–77.

⁷³ Ibid. 1835. 1 März. S. 144; 1836. 28 August. S. 354.

⁷⁴ Неболсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России... С. 103.

⁷⁵ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1836. 25 September. S. 427; 1836. 30 Oktober. S. 495.

⁷⁶ Ibid. 1836. 13 November. S. 517.

⁷⁷ Ibid. S. 518.

⁷⁸ Ibid. 1836. 11 Dezember. S. 562.

⁷⁹ Ibid. 1837. 23 Februar. S. 98.

⁸⁰ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1836. 21 Dezember. S. 823.

та прусского сукна в Китай, и необходимость пересмотра общих положений в отношении транзитной торговли в портах Балтийского моря.

Новый российский таможенный тариф, вступавший в силу в январе 1837 г., вводил определенные послабления в отношении импортной торговли⁸¹. Наиболее значительным изменением стал облегченный ввоз турецкой хлопчатобумажной и шелковой продукции, однако фактический запрет на ввоз шерстяной продукции из других стран был сохранен.

3 марта 1837 г. был издан указ о беспошлинном вывозе зерна из России в Пруссию через сухопутную границу⁸². Вместе с тем увеличивалась пошлина на ввоз соли в Россию с 25 до 32 коп. за пуд. «Allgemeines Organ» скептически отнесся к новому тарифу и увидел в этих изменениях существенную выгоду для Саксонии, в отличие от Пруссии, несмотря на заявленную общность интересов немецких стран в рамках деятельности таможенного союза⁸³.

К середине 1837 г. вывоз прусского зерна в российские порты Балтийского моря был фактически заблокирован из-за высоких таможенных пошлин, поэтому товарные потоки были перенаправлены на западные границы ГТС, в частности в голландские порты⁸⁴. Однако в сухопутной торговле в отношении определенной фабричной продукции и лошадей были сделаны определенные послабления, что несколько оживило приграничную торговлю между Силезией и «русской Польшей»⁸⁵.

Компромиссные меры в отношении импортной продукции и сырья со стороны России не получили отклика со стороны государств Германского таможенного союза, которые стойко придерживались позиций протекционизма.

В обзоре европейской торговли, который был представлен в одном из выпусков «Allgemeines Organ» 1837 г.⁸⁶, указывалось на стойкость охранительной тенденции в таможенных системах крупнейших европейских стран к середине 1830-х гг. – Англии, Франции, России и Австрии, и одновременно отмечался успех Германского таможенного союза в этой конкурентной среде: союз защищал немецкие страны от потока иностранной продукции и способствовал развитию локальной промышленности.

Выводы

Охранительные тенденции в организации торговли были характерны для России и немецких стран 1830-х гг. в контексте тесной связи развития промышленности, таможни и политических интересов. Проведенный анализ показал, что с учреждением Германского таможенного союза меры по защите германской промышленности расширили сферу своего действия. Интересы Германского таможенного союза не раз упоминались в прессе как важный ориентир в принятии решений в вопросах внешней торговли. Тем не менее, последовательный протекционизм привел к взаимному недоверию между Россией и Пруссией, которое проявилось в заключении конвенций с другими странами, ущемлявшими привилегии давних торговых партнеров. К 1837 г. кризис был частично преодолен путем ослабления ограничительных мер со стороны России в отношении сухопутной торговли.

Сырьевой характер российско-германской внешней торговли также подтверждался многочисленными замечаниями коммерческой прессы; особое внимание уде-

⁸¹ Журнал мануфактур и торговли. 1836. № 12. С. 92–113; Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1837. 19 Januar. S. 35–36.

⁸² Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1837. 23 März. S. 145.

⁸³ Ibid. 30 März. S. 151.

⁸⁴ Allgemeine Handlungs-Zeitung. 1837. 20 August. S. 548.

⁸⁵ Ibid. 30 August. S. 569.

⁸⁶ Allgemeines Organ für Handel und Gewerbe. 1837. 14 Mai. S. 235–236.

лялось шерстяной торговле по причине разного качества поставляемого сырья. Обозначенная в статье проблема транзитной шерстяной торговли требует отдельного рассмотрения, так как она занимала важное место в рассуждениях коммерческой прессы из-за своего важного значения в общеевропейском масштабе по причине разного качества получаемой шерсти.

Развитие локального производства сахара и шелка, повсеместная модернизация текстильных предприятий требовали поддержки со стороны государства. Россия и Пруссия в 1830-е гг. выбрали путь протекционизма.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.11.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.05.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 06.12.2024

References

- Abdrakhmanov, K.A. "Caravan trade of Central Asian merchants with Russia in the first quarter of the 19th century." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (2021): 399–410 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410>
- Belykh, A.A., and Mau, V.A. "Economic reforms in Russia: Theoretical aspects and the practice of XIX – early XX century." *Voprosy Ekonomiki*, no. 1 (2020): 18–46 (in Russian), <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-18-46>
- Bondi, G. *Deutschlands Aussenhandel 1815–1870*. Berlin: Akad.-Verl, 1958 (in German).
- Dedinger, B. "Trade Statistics of the Zollverein, 1834–1871." *Revue de l'OFCE, Presses de Sciences Po* (2015): 67–85.
- Egorov, M.Yu. "Evolution of the customs tariff of the Russian Empire in the 19th century." PhD diss., Russian State University for the Humanities, 2010 (in Russian).
- Gulishambarov, S.I. *Vsemirnaia torgovlia v XIX v. i uchastie v nei Rossii* [World Trade in the 20th Century and Russia's Participation in It]. St. Petersburg: V. Kirshbaum Publ., 1898 (in Russian).
- Hahn, H.-W. *Geschichte des Deutschen Zollvereins*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1984 (in German).
- Koval, M.V. "Russian-Chinese border trade in the XIX century." *RUDN Journal of Russian History*, no. 3 (2013): 20–30 (in Russian).
- Kovalenko, M.I. "Foreign Trade of Russia and German States 1815–1837: Analysis of Import and Export Statistic." *Economic History* 17, no. 1 (2021): 22–33 (in Russian).
- Kudryavtseva, E. P. "Russia and Prussia during the reign of Nicholas I." *Modern and Contemporary History*, no. 4 (2019): 52–66 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S013038640005850-3>
- Kulisher, I.M. *Ocherk istorii russkoi torgovli* [An essay on the history of Russian trade]. Peterburg: Athenaum Publ., 1923 (in Russian).
- Lebedev, S.K. "State Credit of Russia in the 1st Third of the 19th Century and Foreign Money Markets." *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 23, no. 8 (2024): 46–56 (in Russian), <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-8-46-56>
- Lodyzhenskii, K. *Istoriia russkogo tamozhennogo tarifa* [History of the Russian customs tariff]. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1886 (in Russian).
- Maltsev, A.A., and Chichilimov, S.V. "Origins of the Confrontation between Free Trade and Protectionism in Economic Theory." *Theoretical Economics*, no. 12 (2021): 69–81 (in Russian), https://doi.org/10.52957/22213260_2021_12_69
- Marnei, L.P. "Zamysel tamozhennogo soiuz: novye principy torgovoi politiki Rossii, Prussii i carstva Polskogo v pervoi treti XIX v. [The idea of a customs union: new principles of trade policy of Russia, Prussia and the Kingdom of Poland in the first third of the XIX century]." In *Rossii, Polsha, Germaniia v evropeiskoi politike: istoricheskii opyt vzaimodeistviia i imperativy sotrudnichestva*, 168–185. Moscow: Institute of Slavic Studies Publ., 2012 (in Russian).
- Marnei, L.P., and Nosov, B.V. "The Problem Concerning Integrity of the National Economy in the Divided Polish Lands: The Kingdom of Poland (1815–1830)." *Izvestia of Smolensk State University*, no. 3 (2021): 181–194 (in Russian), <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2021-55-3-181-194>
- Nebolsin, G.P. *Statisticheskoe obozrenie vneshnei torgovli Rossii* [Statistical review of Russia's foreign trade]. St. Petersburg: Department of Foreign Trade Publ., 1850 (in Russian).

- Nipperdey, T. *Deutsche Geschichte 1800–1866*. München: Beck, 1985 (in German).
- Pokrovskii, S.A. *Vneshniaia torgovlia i vneshniaia torgovaia politika Rossii* [Foreign trade and foreign trade policy of Russia]. Moscow: International Book Publ., 1947 (in Russian).
- Romanov, P.K. “The Problem of Internal Circulation of Foreign Coins in Russia in the 1830s.” *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 23, no. 8 (2024): 57–68 (in Russian), <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-8-57-68>
- Rozhkova, M.K. *Ekonomicheskaja politika tsarskogo pravitelstva na Srednem Vostoke vo vtoroi chetverti XIX veka i russkaia burzhuaia* [The economic policy of the tsarist government in the Middle East in the second quarter of the XIX century and the Russian bourgeoisie]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949 (in Russian).
- Shiotani, M. “The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commercial Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century.” *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 18, no. 1 (2019): 41–55, <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-1-41-55>
- Simon, U. “Die Freien und Hansestädte und St. Petersburg.” In *Arcturus. Deutschsprachiger Raum und europäischer Nordosten*, 112–166. Helsinki: Aue-säätiö, 2019 (in German).
- Tompston, S.R. *Rossiiskaia vneshniaia torgovlia XIX – nachala XX v.: organizatsiia i finansirovanie* [Russian foreign trade in the XIX – early XX century: Organization and Financing]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).
- Vitchevskij, V. *Torgovaia, tamozhennaia i promyshlennaia politika Rossii so vremen Petra Velikogo do nashikh dni* [Trade, customs and industrial policy of Russia from the time of Peter the Great to the present day]. St. Petersburg: D.A. Kazitsyn and Yu.D. Filippov Publ., 1909 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мария Ильинична Диомидова, преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; Kovalenko-m.i@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5761-9686>; SPIN-код: 8762-2869.

Maria Ilyinichna Diomidova, Lecturer of Department of Foreign Languages of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia; Kovalenko-m.i@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5761-9686>; SPIN-code: 8762-2869.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-71-83>
EDN: DMRNSR

Научная статья / Research article

Отражение жизни татарских эмигрантов в Турции в письмах Рабии Арат в 1933–1935 гг.

Миляуша Рамилевна Гайнанова

Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

 mgaynanova@gmail.com

Аннотация: Исследуется переписка представительницы татарской эмиграции в Турции Рабии Арат с мужем – Рашифом Рахматом Аратом, ученым-тюркологом, профессором Стамбульского университета. В письмах содержится автобиографический материал, а также рассказ о проблемах татарской женщины-врача в эмиграции. На основе сравнительно-исторического, системно-структурного и биографического методов автор реконструирует события из жизни семьи татар-мусульман из России в первые годы политической эмиграции. Эмоционально окрашенные чувства Рабии Арат, связанные со сложностями восприятия реалий эмигрантской повседневности, позволяют составить картину личной и общественной жизни образованной женщины-мусульманки в Германии и Турции в 1920–1930-е гг., которая, с одной стороны, стремилась реализоваться в профессиональной деятельности, с другой – сохранить традиции татаро-мусульманского воспитания и семейного благополучия на основе этноконфессиональных норм отношения к роли и месту женщины в социуме.

Ключевые слова: татарская интеллигенция, эмиграция первой волны, вербальная коммуникация, женский язык, сохранение национальной идентичности татарского народа

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Автор выражает благодарность И.Г. Мифтаховой за помощь в переводе писем, а также благодарит анонимных рецензентов за ценные замечания, сделанные в ходе подготовки статьи.

Для цитирования: Гайнанова М.Р. Отражение жизни татарских эмигрантов в Турции в письмах Рабии Арат в 1933–1935 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 71–83. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-71-83>

Reflection of Tatar Emigrants' Life in Turkey in the Letters of Rabia Arat in 1933–1935

Milyausha R. Gainanova

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

 mgaynanova@gmail.com

Abstract: The author examines the correspondence of Rabia Arat, a representative of the Tatar emigration in Turkey with her husband, Rashit Rakhmati Arat, a Turkologist and professor at Istanbul University. The letters contain autobiographical material, as well as a story about the problems of the Tatar female doctor during a period of emigration. Based on comparative-historical, system-structural and biographical methods, the author reconstructs the events from the life of the family of Tatar Muslims from Russia in the first years of political emigration. Rabia Arat's emotionally colored feelings, particularly associated with the difficulties of perceiving the realities of emigrants' everyday life, allow

us to create a picture of the personal and social life of the educated Muslim woman in Germany and Turkey in the 1920–1930s. Women, who on the one hand, sought to fulfill their career ambitions, and on the other hand, who wanted to preserve the traditions of Tatar-Muslim education and to support their family well-being inside the ethno-confessional norms of attitude of then women's role and place in society of the period.

Keywords: Tatar intelligentsia, first wave emigration, verbal communication, women's language, preservation of the national identity of the Tatar people

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements: The author expresses her gratitude to I.G. Miftakhov for his assistance in translating the letters, and also thanks the anonymous reviewers for their valuable comments made during the preparation of the article.

For citation: Gainanova, M.R. "Reflection of Tatar Emigrants' Life in Turkey in the Letters of Rabia Arat in 1933–1935." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 71–83 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-71-83>

Введение

Актуальность. В конце XX в. в исторической науке появляется исследовательский интерес к особому виду источников: документам личного происхождения, эго-документам. В последние десятилетия на основе комплексного изучения такого рода материалов вышло значительное количество работ, которые существенно обогатили историческую науку. Действительно, в личной переписке, в дневниковых записях и подобных материалах человек раскрывает свою частную жизнь, отношение к близким, друзьям, недругам, различным жизненным ситуациям, общественным и политическим процессам.

Говоря о значении личной переписки, С.В. Кабанова справедливо отмечает, что «письма известных людей, содержащие только личные сведения, помогают составить более полный личностный портрет автора, выделить особенности черт его характера»¹. В полной мере это касается и главной героини нашей статьи.

Степень изученности проблемы. Современная историография по татарской эмиграции весьма обширна и представлена исследованиями Р.Ф. Мухаметдинова², Р.Б. Гайнетдинова³, А.М. Ахунова⁴, А.Г. Хайрутдинова⁵, А.Т. Сибгатуллиной⁶, Д.М. Усмановой⁷, М.Р. Гайнановой⁸ и др. Для этих работ характерен комплексный

¹ Кабанова С.В. Формирование документов личного происхождения во второй половине XIX – начале XX веков: понятие и виды // 10 корпус. 2019. № 5. С. 45. EDN: FXLWXQ

² Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996.

³ Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Набережные Челны, 1997.

⁴ Ахунов А.М. Ататөрөк Исхакыйга каршы: Төркиядә «Милли байрак» татар газетасын тыю турында // Татарстан. 2004. № 5. Б. 62–65; Гаяз Исхаки в фотографиях. Казань, 2018.

⁵ Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань, 2005; Письменное наследие Мусы Джаруллаха Бигиева: монография. Казань, 2019; Хайретдинов А.Г. Муса Жаруллах Бигиев: фәнни-биографик җыентык. Казань, 2022.

⁶ Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрко-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. ISBN: 978-5-91847-013-8. EDN: QPQQND

⁷ Усманова Д.М. Тюрко-татарские материалы в архиве Хаттори Сиро (Hattori Siro) университета префектуры Симанэ // Shimane Journal of North East Asian Research. 2015. Vol. 26. Pp. 41–49; Журнал «Яна япон мөхбире» как источник по истории татарской эмиграции на Дальнем Востоке в 1930-е гг. // Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность. Сборник научных трудов. Казань, 2018. С. 177–188; Usmanova D. The publication of textbooks by the Turko-Tatar emigration of the Far East and Xinjiang in the 1920–1940s: a comparative characteristic // Transference, Interaction, and Social-Cultural Transformations in Eurasia. Tokyo, 2021. P. 141–169; Усманова Д.М. Взаимоотношения общины польско-литовских татар и тюрко-татарской эмиграции в межвоенной Польше (по журналам польско-литовских татар 1930-х гг.) // История. 2021. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840014383-0-1/>

⁸ Гайнанова М.Р. Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой Республике (1925–1957 гг.). Казань, 2019.

анализ татарской эмигрантской общины, а также ее отдельных представителей. Но, как правило, в поле зрения историков попадали наиболее выдающиеся представители эмиграции, такие как Г. Исаки, С. Максуди, Ю. Акчура, М. Бигиев, А. Нимет Курат, Р. Рахмати Арат и др. При этом в литературе нет упоминаний о Рабии Арат даже в контексте того, что она была супругой известного тюрколога-лингвиста, профессора Стамбульского университета татарского происхождения Рашида Рахмат-Арата. Поэтому данная статья призвана в том числе восполнить и этот пробел в отечественной историографии.

В представленной работе предлагается обратиться к письмам Рабии (Рабиги) Арат, представительнице татарской эмиграции первой волны, одной из первых женщин-татарок, получивших высшее медицинское образование.

Цель исследования – проанализировав содержание писем, написанных Рабией Арат, то, как она вписывала себя в окружающую действительность, выражала отношение к событиям и пр., выявить особенности процессов и проблем, имевших место в среде татарской эмиграции в 1930-е гг.

Для анализа личностных переживаний автора писем была проанализирована вербальная коммуникация (женский язык), личностные оценки событий общественной и повседневной жизни татарских эмигрантов в Турции.

Источниковая база. Письма Рабии Арат были обнаружены нами в ходе научной экспедиции в 2019 г., которая была предпринята в рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2023 гг.)» в архиве Турецкого исторического общества в г. Анкара (Турция). Анализ данных писем позволяет воссоздать картину жизни и деятельности татарских эмигрантов в первые десятилетия жизни за рубежом, понять их проблемы, личные переживания, связанные с кардинальными переменами.

Биография и семья Рабии Арат

Раба Арат (девичья фамилия Ибрагим⁹) родилась 28 июня 1901 г. в г. Пермь и была единственной дочерью татарских купцов. Она получила классическое образование, закончив женскую гимназию, а после русской революции 1917 г. поступила на медицинский факультет Томского университета. Оттуда, не приняв советскую власть, вместе с группой татарской молодежи в 1919 г. Раба уехала в Харбин (Китай)¹⁰.

В 1922 г. с целью получить высшее образование и стать врачом Раба с соотечественниками переехала в Германию¹¹. Родители вначале были против этой идеи, но в это время она познакомилась с другим татарским эмигрантом Рашидом Рахмат-Аратом, который сделал ей предложение и после получения согласия родителей в качестве невесты увез ее в Европу.

В 1927 г. состоялись сразу три знаменательных события в жизни Рабии Арат: она оканчивает медицинский факультет Берлинского университета, получает разрешение на открытие собственного кабинета и выходит замуж за Рашида Рахмат-Арата¹².

Оказавшись в Турции, она дала интервью газете «Son Posta [Последняя почта]», в котором признавалась:

Людам при смене континентов, стран и среды трудно нести с собой не только вещи в чемоданах, но и убеждения, которыми наполнены их умы <...> Часть суеверий, приобретенных мною в Казани, я оставила в Германии, часть здесь, в Турции¹³.

⁹ Çağatay Saadet. Dr. Sahib Cemal Sultan // Kazan. 1975. № 16. S. 43.

¹⁰ Çağatay Saadet. Reşid Rahmeti Arat // TTK Belleten. 1965. XXIX/113. S. 180.

¹¹ Там же.

¹² Arslan Reşide. Doktor Rabia Arat'ın kısaca tercümei hali // Kazan. 1974. № 13. S. 42.

¹³ Teyfik Selim. Batıl itikatlara inanır mısınız? // Son Posta. 1935. 13 Mayıs. S. 1.

В разговоре с журналистом Рабия Арат увидела цифру семь и отметила, что это интересное совпадение, затем поделилась некоторыми биографическими данными. Она рассказала, что в лучшие дни своей жизни ее сопровождала цифра семь: «Я сдала экзамен в школе 17 июня в 17 лет. Вышла замуж 17 августа в 27 лет. Сдала экзамен в университете 17 июля»¹⁴.

Супруг Рабии – Рашит Рахмати Арат (Габдерашит Гыйсмадулла углы Рахматуллин, 1900–1964), доктор наук, профессор, был действительным членом академий наук Турции и Германии, руководителем Института тюркологии при Стамбульском университете, одним из основателей и редакторов академического издания «Энциклопедия ислама»¹⁵.

Рашит Рахмати Арат родился в селе Старый Узюм (ныне Атнинский район Республики Татарстан). В 1906–1910 гг. получил религиозное и начальное образование в родной деревне. В 1913 г. окончил среднюю школу в Петропавловске. В период Гражданской войны был призван в армию, отправлен в военную школу г. Челябинска, затем на фронт. В конце 1919 г. оказался в Маньчжурии, в г. Харбин¹⁶. Совместно со своим другом Х. Габдушем¹⁷ активно участвовал в культурной и научной жизни большой татарской диаспоры в Харбине.

В 1922 г. Рашит Рахмати Арат переехал в Германию и поступил на философский факультет Берлинского университета. Здесь вел активную общественную жизнь, выступал организатором и участником организаций «Союз общетюркских студентов», «Союз турецких студентов в Германии», «Союз тюрко-татарских студентов в Германии». Арат занимался репетиторством, давал частные уроки, все больше погружался в научную работу в библиотеках и академических учреждениях. После окончания университета Р. Рахмати Арат решил посвятить себя научной деятельности. В 1927 г. он получил первую научную степень и женился на выпускнице Берлинского университета – Рабии Ибрагим. В 1931 г. стал доцентом в Берлинской школе востоковедения. В 1933 г. Министерство образования Турецкой Республики пригласило его на работу. Так через некоторое время Рашит Рахмати Арат стал профессором Стамбульского университета по кафедре турецкого языка и литературы.

В браке Рашита и Рабии Арат родились две дочери: Суюм (1931) и Айсу (1935).

Р. Рахмати Арат сыграл огромную роль в организации тюркологических исследований в Турецкой Республике. Являясь учеником немецкого тюрколога В. Банга¹⁸, он основал новое направление в языкознании, воспитал не одно поколение специалистов. Аратом подготовлено к изданию большое количество транскрибированных им текстов на древнетюркском языке: произведения Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг [Благодатное знание]» (Анкара, 1947–1959), Ахмеда Югнеки «Хибатель Хакани [Дар истины]» (1951), «Огузنامه [Сказание об Огузе]» (1937), «Алтун Ярук [Золотой блеск]», «Бабурнаме [Записки Бабура]» и др.¹⁹.

¹⁴ *Tevfik Selim*. Batıl itikatlara inanır mısınız? // Son Posta. 1935. 13 Mayıs. S. 12.

¹⁵ *Yüce Nuri*. Reşit Rahmeti Arat // TDV İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1991, Cild. 3. S. 336.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Хусаин Габдуш (1901–1944) – татарский писатель, журналист.

¹⁸ Вилли Банг (Иоганн Вильгельм Макс Юлиус Банг Кауп, 1869–1934) – немецкий тюрколог, лингвист, востоковед.

¹⁹ *Сибгатуллина А.Т.* Выдающийся тюрколог Рашид Рахмати Арат (к 105-летию со дня рождения) // Тюркологик мәжмуга. II кисәк. Халыкара тюркологик конференция материаллары. Алабуга, 2004. С. 5–8.

Берлинский период жизни Рабии Арат. Письма мужу в Стамбул

В ходе экспедиции в архиве Турецкого исторического общества нами были выявлены шесть конвертов с восемью письмами Рабии Арат к мужу²⁰. Они датированы 1933 и 1935 гг., написаны на старотатарском языке на арабографическом алфавите с использованием турецкой лексики. При переводе документов на русский язык мы сочли целесообразным (для более достоверной передачи чувств и мыслей Р. Арат, соответствующим времени написания) максимально сохранить стиль и лексику автора писем.

Письма от 23, 25, 26 и 27 ноября 1933 г. написаны из Берлина в адрес мужа, который в 1933 г. был приглашен для работы в Турцию. В первые годы замужества, до рождения старшей дочери в 1931 г., Рабия Арат в Берлине ведет врачебную практику и в то же время поддерживает мужа во всех научных начинаниях. Время отъезда Рашита бея в Стамбул в конце 1933 г., в связи с приглашением на работу в университет, было для Рабии ханум наполнено тоской по мужу и заботами о скором переезде к нему.

Мы можем сделать вывод, что в период разлуки с мужем для Рабии письменный диалог становится необходимой частью ее повседневной жизни:

Я пишу тебе по два письма в неделю. А ты даже одного письма в неделю не пишешь. Каждый день жду от тебя сообщения. Ждала, что вот сегодня, – обязательно придет письмо. Без твоих писем наша жизнь здесь совсем однообразна. Тебе же, из-за того, что ты среди новых людей, в новом городе, на новой работе, наверное, кажется, что время летит незаметно. В последнее время Берлин кажется мне маленьким городом, совсем незначительным местом. Я хочу поскорее выбраться из однообразия, хочу поскорее отправиться к тебе и погрузиться в новые впечатления. Мне кажется, что, может быть, тогда избавлюсь от неприятных мыслей, которые терзают меня день и ночь (от 23.11.1933 г.).

Таким образом, она пытается поддерживать непрерывную связь с супругом, при этом подчеркивая свою грусть и печаль по нему, и надежду на скорое воссоединение.

Рабия всегда ждала ответное письмо с большим нетерпением и надеждой, о чем и писала мужу:

Вчера и сегодня я очень ждала письмо, но ничего не пришло. Не могу понять, почему ничего не пишешь? Сейчас ты уже должен ответить на три моих письма. Это уже четвертое. Пожалуйста, напиши хотя бы одно письмо или открытку. Ты же знаешь, что нет ничего хуже ожидания (от 25.11.1933 г.).

Из писем видно, что между супругами были теплые отношения. Рабия Арат использует уменьшительно-ласкательное обращение к мужу «Рэшиткэем», что в переводе на русский язык означает «Мой (дорогой) Рашит». Так татарские женщины обычно обращаются к любимым членам семьи. Также в тексте встречаются и обращения, например, «Ярым» (мой возлюбленный, моя половинка).

Здесь следует остановиться на мнении Робина Лакоффа и Элихора Окса, которые считают, что

женский язык является результатом социализации раннего детства. Родители и другие авторитетные лица стимулируют маленьких девочек усваивать гендерно специфичную манеру говорить, которая демонстрирует их женственность посредством языка²¹.

²⁰ Türk Tarih Kurumu Arşivi (Архив Турецкого исторического общества, далее – ТТК). ТТК_Fi_2_6_6.

²¹ Шаров К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 38–51. EDN: NOQVBM

Это, безусловно, относится к стилистике писем Рабии Арат, которая демонстрирует сдержанность женщин в проявлении чувств, выражениях, подтверждая, что она воспитана в традиционной татаро-мусульманской семье, где излишнее проявление чувств считалось невоспитанностью.

Все письма Рабия заканчивает пожеланиями здоровья, выражая мужу свою тоску от своего имени и имени детей: «Желаю тебе здоровья и очень скучаю, твоя Рабия», «Отправляю тебе немного волос нашей дочери. Большой привет от нас. С пожеланиями здоровья, Рабия», «Дочь целует твои руки. Я очень скучаю по тебе и желаю крепкого здоровья»²².

Она демонстрирует свое полное доверие к своему мужу. Как видим, себя она называет «карчыгың» (твоя старушка), в конце ставит подпись «Рабигаң» (твоя Рабия) или инициалы «Р.А.».

О своих переживаниях и чувствах она пишет Рашиту в каждом письме. Сожаления, извинения по каким-то разногласиям, надежда на счастливое будущее, тоска, покорность и внимательность к мужу составляют значительную часть писем:

Я все равно боюсь что-либо решать. Хочу быть с тобой всем сердцем. Хочу увидеть тебя как можно скорее и быть вместе. Для меня одиночество очень тяжелое чувство. Не знаю как для тебя. Но я не смею ничего делать без твоего разрешения. Если бы я обсудила это [вопрос о переезде в Турцию]²³ с ним [в письме автор не поясняет о ком идет речь], ты бы разозлился на меня. Ведь когда ты сам находишься там, этот вопрос может показаться незначительным. Ты можешь и сам все лучше сделать (от 26–27.11.1933 г.).

В письмах 1933 г. отражены внутренние конфликты самой Арат:

Я также очень сожалею, что беспокоила тебя в последнее время своими частыми письмами с упреками о том, что ты редко пишешь мне. Я и сама так думала, когда письма долго не приходили. Думала, может ты ждешь, пока проблема сама решится. Что бы ты ни говорил, это все мои душевные переживания. Хочется все-таки получать известия от тебя (от 26.11.1933 г.).

Несмотря на финансовые трудности в семье, неоправданные ожидания, разлуку, Рабия поддерживает мужа, давая понять, что семья для Рашита Арата – это его тыл:

Пожалуйста, береги свое здоровье. Как бы ни была сложна жизнь, если мы будем живы и здоровы, то сможем победить все трудности. До сих пор ведь боролись. И мы уже закаленные. И дальше не будем сдаваться (от 26.11.1933 г.).

Отъезд супруга в Турцию и одиночество усугубляют ситуацию, на руках маленькая дочь:

Из-за того что у меня сейчас много времени, и часто остаюсь в одиночестве, я много и глубоко думаю. Теперь понимаю, что была не права по каждому пункту. Но это одиночество стало для меня большим уроком. Теперь, мой дорогой Рашит, я ни в коем случае не буду тебя торопить. Я не буду ничего решать без твоего одобрения ни в каком вопросе. Я полностью поняла всю серьезность жизни. Сидя долгими осенними вечерами в одиночестве, наконец, поняла, что не нужно принимать решения опираясь только на душевные переживания (от 26.11.1933 г.).

Принятая в Германии конституция 1919 г. провозгласила равенство в сфере образования для полов. Успехи по предоставлению прав женщинам были достигнуты в период Веймарской республики. С 1913 по 1931 г. доля студенток возросла

²² Целовать руку – турецкая традиция. В турецкой культуре людям старшего поколения и уважаемым членам общества принято при встрече целовать руку и прикладывать ее ко лбу, тем самым выражая свое почтение.

²³ В квадратных скобках приводятся комментарии и дополнения автора статьи.

с 6,3 до 16 %, достигнув 20 тыс.²⁴ В общественно-политической сфере женщины имели высокую степень равенства с мужчинами. Рабия Арат в Берлине также получает право открыть свой кабинет для приема пациентов, но после начала врачебной деятельности власти начинают требовать получения немецкого гражданства. Это для нее становится уже неактуально, она стремится к мужу, в Стамбул. Отчасти настроения в стране и новая власть тоже повлияли на ее душевное состояние. В 1933 г. с приходом к власти национал-социалистов законы, защищавшие права женщин, были отменены. Более жесткий курс был взят правительством А. Гитлера в отношении образованной части женщин, занятой в сфере интеллектуального труда. Из государственного аппарата, сферы юстиции, медицины были уволены большинство замужних женщин²⁵. Таким образом, отъезд из Германии в Турецкую Республику для Рабии ханум становится важным этапом в жизни.

Приход к власти в Германии нацистов, изменение политической ситуации в стране и тоска Рабии Арат по мужу заставили ее переехать в Стамбул, оставив начавшуюся карьеру в Берлине. Для нее в приоритете была семья, и переезд показал ее приверженность семейным традициям и готовности последовать за мужем.

Стамбульский период жизни Рабии Арат. Татарская эмигрантская община. Письма мужу в Берлин

По прибытии в Турцию Рабия ищет способы устроить врачебную практику в Стамбуле. Но спустя даже два года вопрос о трудоустройстве оставался актуальным. В письмах 1935 г. главное, что беспокоит Рабию – это собственная карьера.

Тревога эта связана с очевидными субъективными переживаниями женщины. В ее судьбе – судьбе образованной женщины-мусульманки в 1920-1930-е гг., явно отражаются две взаимоисключающие тенденции развития собственной судьбы. Как человек с высшим образованием, дипломированный врач, безусловно, Рабия нашла в Берлине то место, в котором ее профессиональный опыт был востребован. Ведь Веймарская Германия действительно была страной с развитыми демократическими институтами. Здесь господствовал достаточно эмансипированный взгляд на роль женщины в социуме. Подтверждением является тот факт, что в конце 1920-х гг. в Берлине Рабия не встретила никаких препятствий для открытия собственного медицинского кабинета.

Получив высшее образование в Веймарской Германии, она приобретает ощущение внутренней свободы и все равно остается преданной своим традициям. И если бы Рабия выросла в семье немусульманской, она бы выбирала исходя, прежде всего, из своих интересов, а потом уже – учитывала бы интересы супруга. И в этой, европейской иерархии ценностей, возможно, Рабия бы сделала ставку на свою карьеру. Но она была воспитана в татаро-мусульманской среде и, несмотря на образование и светский образ жизни, для нее, как для любой мусульманки, на первом месте были семейные ценности.

В 1920–1930-е гг. татарская мусульманская эмигрантская община в Турции численно значительно выросла. Связано это было с глобальными историческими событиями, произошедшими в России и мире. Революция 1917 г., неприятие советской системы, преследования со стороны новой власти национальной буржуазии и интеллигенции вызвали волну эмиграции российских тюрок-мусульман во вновь образованную М.К. Ататюрком Турецкую Республику, где основой государства стали турецкий национализм и светский путь развития. Это, прежде всего, относится к таким представителям татарской эмиграции, как С. Максуди, Г. Исхаки,

²⁴ Малахова Т.В. Положение женщины в семье и обществе в период Веймарской республики // Вестник Пермского университета. 2011. № 1. С. 141–148. EDN: NMYJSX

²⁵ Супрыгина Г.Г. Культ матери в Третьем рейхе, его смыслы и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 51. EDN: KGBIIV

Ф. Туктарову, З. Кадыри, А.Н. Курату и др., которые нашли свое предназначение на новой родине и оставили свой след в общественно-политической и научной жизни страны²⁶. Семья Аратов стала также частью этого эмигрантского сообщества.

Оказавшись в Турции, они сохранили связи друг с другом, образовав своеобразный кружок соотечественников-единомышленников. Общались и в личном плане и, конечно же, дружили семьями. Вновь прибывающие в Турцию татарские интеллигенты справедливо рассчитывали на всестороннюю помощь и поддержку со стороны тех, кто прибыл ранее и уже преуспел в общественной, политической и научной сферах. Эти обстоятельства четко прослеживаются и в письмах нашей героини.

Несмотря на реформы Кемаля Ататюрка, направленные на секуляризацию страны, Турция продолжала оставаться консервативной страной в вопросах роли женщины в семье и обществе. И Рабие эта страна в рассматриваемый период могла предложить только роль женщины – жены и матери. Высокие карьерные ожидания в Турции ей пришлось оставить. О своих разочарованиях (впрочем, вполне ожидаемых) Рабия из Стамбула, где проживает к этому времени вся семья, пишет мужу в Берлин, куда ее супруг отправляется в продолжительную командировку в 1935 г. В Берлине Рашит Арат пробудет до конца 1936 г.²⁷, и Рабия уже с двумя дочерьми остается в Турции, где вновь ее одолевают грусть и другие эмоции. Все это нашло отражение в личных письмах 1935 г.

Переехав в Стамбул в начале 1934 г. и на протяжении нескольких последних лет, Рабия работает в больнице на непостоянной основе, все попытки найти постоянную работу оказываются безуспешными:

Что касается моей работы, то я еще не определилась. Вот почему редко пишу тебе сейчас. Все думаю: вот устроюсь, сейчас устроюсь, и – напишу, чтобы порадовать Рашита. Время ведь идет. Нешет Омер²⁸ вернулся и позвал меня к себе сегодня на беседу. Я была у него и передала письмо от декана. На его вопрос «гражданка ли я Турции?», ответила, что «да», а он в ответ: «но вы ведь замужем». В итоге сказал, что должен поговорить с деканом и попросил позвонить в субботу. То есть еще нужно ждать четыре дня. Еще четыре долгих дня предстоит провести в неизвестности.

Знал бы ты, мой Рашит, как я устала от этого ожидания и неопределенности. Бывают моменты, когда хочется отказаться от врачебной практики. Прости меня, что беспокою тебя своими проблемами. Невозможно молчать. Но сегодня от Нешета Омера вернулась очень встревоженной. Возможно, на этот раз в качестве причины отказа в работе они укажут, что я замужем (от 20.08.1935 г.).

Вот так описывала Рабия свои попытки устроиться на постоянную работу врачом в письме мужу уже в период новой разлуки.

Работа – это не только заработок, это самоутверждение и осуществление мечты Рабии – помогать людям. В ходе поиска работы она делится с мужем каждой эмоцией, каждой новостью, описывает все препятствия на своем пути. В письмах она рассказывает о своих внутренних переживаниях, эмоционально оценивает события, обстоятельства встреч с разными людьми.

²⁶ Гайнанова М.Р. Татары в документах из архивов Османской империи и Турецкой Республики 1906–1950 гг.: сборник документов. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Казань, 2021. С. 9.

²⁷ *Temir Ahmet*. Altmış yıl Almanya: (1936–1996): Bir yabancının gözü ile geziler-araştırmalar. Ankara, 1998. S. 96–100, 108.

²⁸ Нешет Омер Ирдельп (1882–1948) – врач-терапевт, лечащий врач первого президента Турецкой Республики Ататюрка, профессор, ректор Стамбульского университета (1927–1934), депутат Великого национального собрания Турции 5-го созыва (1935–1939).

Еще в период проживания в Берлине у нее складываются дружеские отношения с татарской эмигрантской общиной в Стамбуле. В 1935 г. пишет о том, как наиболее значимые представители этой общины, ставшие политическими деятелями в Турецкой Республике, старались помочь ей в поиске работы. Прежде всего это был депутат парламента Садри Максуди²⁹. Она пишет:

Похоже, я устроюсь на работу. Когда не получила ответ, пошла в деканат узнать подробности. Оказывается, Джавад бей уже отправил мои документы. Сначала мне холодно ответили, что места нет. Но у меня с собой имелись письма от Садри бея [Максуди] и Осман бея [Байходжа?]. Потом сказали прийти через три дня. Мне объяснили, что рядом с Франком нет места, но есть место рядом с Нешетом Омером. Ему уже прислали мои документы в конверте. ... Я счастлива, что буду ассистентом у такого известного человека и также буду ассистентом на факультете, что тоже хорошо (от 28.07.1935 г.).

Семья Аратов быстро стала частью новой стамбульской интеллигенции: муж – профессор, жена – врач. В скором времени сложился круг знакомых и друзей. В письмах 1935 г. часто упоминаются Юсуф Акчура³⁰ и его семья: «Перед обедом пошла в гости к семье Юсуфа Акчуры бея»; «Сегодня вечером я пригласила ханум Юсуфа Акчуры бея с Мазхар беем и Хамиду ханум тоже».

Рабия близко дружила с дочерью Гаяза Исхаки: «Днем пришли Сагадат и Тахир, чуть позже подошли Саида и Захит Бей». Также с семьями Садри Максуди и Акдеса Курата³¹:

Семья Садри бея [Максуди], похоже, придет сегодня или завтра. Сколько бы раз я ни пыталась с ним встретиться, ничего не получалось. Возможно, когда придет его семья, то увижу Садри бея. Вчера виделась с Акдес беем [Куратом]. Сообщил, что Хадия ханум [супруга Акдеса Курата] уезжает десятого числа. Они собираются прийти к нам в гости в это воскресенье (от 05.07.1935 г.).

Из писем видно, что друзья ей доверяли, обращались к ней за поддержкой, делились профессиональными и личными успехами и неудачами.

В частности, она рассказывает мужу о ситуации на работе известного историка Акдеса Нимета Курата, что позволяет раскрыть неизвестные события личной и профессиональной жизни этого деятеля:

Вчера на экзамен к Акдесу бею [Курату] пришла Афет ханум³² [Инан]. Они все еще проводят экзамены. Кажется, что сейчас преподаватели принимают экзамены у других преподавателей (от 05.07.1935 г.).

Акдес бей очень хотел встретиться с Ататюрком³³. Его желание исполнилось, встретился. Кажется не совсем удачно. До отъезда Хадии ханум они ходили в «Гунеш» клуб на вечеринку по случаю помолвки. Туда и Ататюрк пришел. Ататюрк сказал ему: «Доцент бей, подойдите сюда, поговорим» и пять часов принимал у него экзамен. Похоже что результаты были не очень хорошими. Конечно, не все можно написать в письме. Мне это все в подробностях поведал один знакомый, так как сами они ничего не рассказали. Я видела их обоих на второй день после праздника, и они были в очень плохом настроении, видимо по этой причине. Даже Хадия ханум отказалась ехать в Германию. Может быть, все дело в том экзамене (от 14.07.1935 г.).

²⁹ Садри Максуди Арсал (1878–1957) – российский и турецкий государственный, общественно-политический деятель, юрист, профессор; член Государственной думы II и III созывов от Казанской губернии; член Великого национального собрания Турции (1931–1939, 1950–1954).

³⁰ Юсуф Акчура (1876–1935) – татарский и турецкий государственный, общественный деятель, историк, философ, журналист, один из идеологов турецкого национализма.

³¹ Акдес Нимет Курат (1903–1971) – турецкий историк татарского происхождения, профессор.

³² Афет Инан (1908–1985) – турецкий историк, социолог, одна из приемных дочерей Ататюрка.

³³ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) – основатель современного турецкого государства, первый президент Турецкой Республики.

В прошлое воскресенье у нас был Акдес бей. Он все объяснил. Настроения у него совсем не было. Говорил, что уйдет оттуда [из Стамбульского университета], то есть будет искать свое счастье в другом месте. Но вчера я встретила его на пляже. Мы недолго поговорили, и он сообщил, что планирует поехать в Анкару. Возможно, его проблема немного разрешилась. Оказывается, его жена уехала не в Берлин, а в Гамбург. Но после собирается немного пожить в Берлине (от 28.07.1935 г.).

Письма с 5 июля по 20 августа 1935 г. написаны на фирменном бланке врача, где указаны фамилия и звание Рабии ханум, номер диплома, адрес и телефон ее кабинета. Это был период, когда семья уже проживала в Стамбуле, но сам Р. Рахмати Арат отправился в длительную научную командировку в Германию.

Каждое письмо выстроено в форме монолога, хотя порой виден и «заочный» диалог, в котором как в живом общении с супругом говорится о многом: это признание в любви, и слова поддержки, иногда даже укоры и обиды.

Когда ожидание ответа затягивалось, в письмах звучит отчаяние:

У меня все как обычно, никаких новостей. В любом случае надо что-то делать, но как?! Я думаю. На данный момент больше нечего сообщить. Ты же сам не пишешь письма. Хотя бы тогда отвечай на мои сообщения. В противном случае вообще ничего не буду писать. Я не буду писать не только новости, но и просто письма (от 14.07.1935 г.).

Также Рабия старалась держать мужа в курсе всех событий и новостей в Турции, касающихся его карьеры:

По поводу тебя, Управление образованием, кажется, намерено создать небольшие проблемы. Сказали, что разрешение было дано представителем (от 14.07.1935 г.).

Но в итоге, после возвращения Рашида из командировки, Рабия Арат оставляет попытки построить свою карьеру ради благополучия семьи и мужа. Она становится домохозяйкой и переключается на поддержку супруга в его профессиональной деятельности. Это решение ее современники оценили с уважением и отнеслись с пониманием³⁴.

Рашид Рахмати Арат скончался в 1964 г. Рабия Арат ушла из жизни спустя десять лет, в августе 1974 г. В газете «Milliyet [Нация]» тогда вышла заметка с соболезнованиями семье и близким, где о Рабии ханум писали как о преданной жене и уважаемом человеке³⁵.

В журнале «Kazan» в Турции 1974 г. в память о недавно покинувшей этот мир Рабии Арат была опубликована статья, в которой ее назвали «доктором с тонкой душой»:

Доктор Рабия Арат ханум – известный врач, просвещенная женщина с добрым сердцем, которая находила решения от всех наших проблем, помогала взрослым и детям, ничего от нас не утаивала. Она была одной из двух женщин³⁶, которая в эмиграции отучилась и стала врачом. Мы можем сказать, что не было другой женщины-врача, которая выросла, училась в беспокойной и тяжелой жизни в эмиграции, как наша ханум. Всегда с уважением будем вспоминать о Рабии Арат³⁷.

Пожалуй, это самая высокая оценка заслуг женщины, которая посвятила себя интересам семьи, даже в ущерб профессиональному долгу.

³⁴ Çağatay Saadet. Reşid Rahmeti Arat // TTK Belleten. 1965. XXIX/113. S. 180.

³⁵ Acı kaybımız // Milliyet. 1974. 21 ağustos. S. 2.

³⁶ Рабия Арат и Сахибджамал Султан (1901–1975) вместе поступают на медицинский факультет Берлинского университета и становятся практикующими врачами.

³⁷ Arslan Reşide. Doktor Rabia Arat'ın kısaca tercümei hali // Kazan. 1974. № 13. S. 42.

Выводы

Письма Рабии Арат являются важным источником по истории татарской эмиграции первой половины XX в. в Турции. Проанализированные тексты относятся к эго-документам, которые представляют собой ценный материал для исследователей по истории повседневности и изучению человека как субъекта исторической семантики и исторической памяти. Это позволяет рассматривать документы личного происхождения как форму исторической памяти. Эго-документы в этой перспективе предстают как институт создания, хранения и трансляции этой памяти³⁸. В документах личного происхождения раскрываются актуальные темы, проблемы и отношение автора к различным событиям и людям.

Представленные письма являются важным инструментом для изучения жизни татар-мусульман из России в первые годы политической эмиграции. Они помогают установить связь между личными переживаниями и социальными условиями, в которых оказывается татарская женщина-врач в эмиграции.

Рабия Арат, получившая высшее образование в Германии, стремилась реализоваться в профессиональной деятельности и в то же время сохранить семейное благополучие. В ее письмах представлены сложности эмигрантской повседневности – личные переживания и общественная жизнь образованной женщины-мусульманки в Германии и Турции в 1920–1930-е гг. В выявленных автором статьи письмах раскрываются личные эмоциональные чувства оказавшейся в эмиграции молодой женщины, которые порой становятся экспрессивными. После переезда из Берлина в Турцию жизнь ее заметно осложнилась, что было связано с особенностями адаптации в новой стране и разлукой с мужем. Все эти факторы сказывались на общем настроении автора писем. Воспитанная в татаро-мусульманской среде молодая женщина в итоге выбрала роль жены и матери. В представленных текстах видно стремление Рабии ханум всячески поддерживать супруга. Она эмоционально пишет ему как о повседневности, так и о своих душевных переживаниях. В письмах проявляется ее доверие и уважение к супругу, подчеркивается духовное родство с ним. При этом Рабия Арат предстает в письмах как человек мыслящий, тонкий, стремящийся реализоваться в профессии.

В целом, можно заключить, что выявленные эго-документы позволяют реконструировать жизнь татарской эмигрантской общины в Стамбуле, раскрыть характер взаимоотношений ее лидеров и одновременно проиллюстрировать зарисовки из жизни Турции 1930-х гг.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 13.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.12.2024

References

- Akhunov, A.M. “Atatörek Iskhakyiga karshy: Törkiyadä «Milli bairak» tatar gazetasyn tyuu turynda [Atatürk vs. Iskhaki: About the banning of the Tatar newspaper «National Flag» in Turkey].” *Tatarstan*. no. 5 (2004): 62–65 (in Tatar).
- Akhunov, A.M. *Gayaz Iskhaki v fotografiakh* [Gayaz Iskhaki in photos]. Kazan: IYALI Publ., 2018 (in Russian).
- Arslan, R. “Doktor Rabia Arat”ın kısaca tercümei hali [About the brief life of Dr. Rabia Arat].” *Kazan*, no. 13 (1974): 41–42 (in Turkish).
- Çağatay, S. “Dr. Sahib Cemal Sultan [Dr. Sahib Jamal Sultan].” *Kazan*, no. 16 (1975): 42–48 (in Turkish).
- Çağatay, S. “Reşid Rahmeti Arat [Rashid Rahmeti Arat].” *TTK Belleten*. XXIX/113 (1965): 177–193 (in Turkish).

³⁸ Козлов С.В. Эго-документы в структуре исторической памяти // Библиосфера. 2022. № 4. С. 9.

- Gainanova, M.R. *Obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost Sadri Maksudi v Turetskoi Respublike (1925–1957 gg.)* [Socio-political activities of Sadri Maksudi in the Republic of Turkey (1925–1957)]. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2019 (in Russian).
- Gainetdinov, R.B. *Tiurko-tatarskaya politicheskaya emigratsiya: nachalo XX veka – 30-e gody* [Turko-Tatar political emigration: the beginning of the XX century – the 30s.]. Naberezhnye Chelny: Kamskii Dom Publ., 1997 (in Russian).
- Ilyukha, O.P. “Zhenskaya povsednevnost v pismakh karelskoi krestyanki nachala XX v. [Female everyday life in letters by a Karelian peasant woman of the early XX century].” *Finno-ugorskii mir* 13, no. 4 (2012): 379–393 (in Russian).
- Kabanova, S.V. “Formirovaniye dokumentov lichnogo proiskhozhdeniya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov: poniatie i vidy [Formation of documents of personal origin in the second half of the XIX – early XX centuries: the concept and types].” *10 korpus*. no. 5 (2019): 43–48 (in Russian).
- Kaspar von Greyerz. “Ego-Documents: The Last Word?” *German History* 28, no. 3 (2010): 273–282, <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.04.379-393>
- Khairutdinov, A.G. *Musa Dzharullakh Bigiev* [Musa Dzharullakh Bigiev]. Kazan: FəN Publ., 2005 (in Russian).
- Khairutdinov, A.G. *Pismennoe nasledie Musy Dzharullakha Bigieva* [The written legacy of Musa Dzharullakh Bigiev]. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2019 (in Russian).
- Khairutdinov, A.G. *Musa Dzharullakh Bigiev* [Musa Dzharullakh Bigiev]. Kazan: Dzhyen Publ., 2022 (in Tatar).
- Malakhova, T.V. “Polozheniye zhenshchiny v semie i obshchestve v period Veimarskoi respubliky [The position of women in the family and society during the Weimar Republic].” *Vestnik Permskogo universiteta*. no. 1 (2011): 141–148 (in Russian).
- Mukhametdinov, R.F. *Zarozhdeniye i evoliutsiya tiurkizma* [The origin and evolution of Turkism]. Kazan: Zaman Publ., 1996 (in Russian).
- Pronin, A.A. “Ehmigratsiya sovetskikh evreev: istoriya dvukh semei (iz arkhiva I. I. Erenburg) [Emigration of the Russian Jews: history of two families (from I. I. Erenburg’s archive)].” In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost*, 337–354. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2014 (in Russian).
- Sharov, K.S. “Muzhchiny i zhenshchiny v verbalnoi kommunikatsii: problema genderlekta [Men and women in verbal communication: the problem of gender intelligence].” *Voprosy filosofii*, no. 7 (2012): 38–51 (in Russian).
- Sibgatullina, A.T. “Vydaiushchiysya tyurkolog Rashid Rakhmati Arat (k 105-letiyu so dnya rozhdeniya) [Outstanding Turkologist Rashid Rahmati Arat (on the 105th anniversary of his birth)].” *Tyurkologik məcmuga. II kisək. Khalykara tyurkologik konferentsiya materiallary* (2004): 5–8 (in Russian).
- Sibgatullina, A.T. *Kontakty tiurok-musulman Rossiiskoi i Osmanskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.* [Contacts of Muslim Turks of the Russian and Ottoman Empires at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow: Istok Publ., 2010 (in Russian).
- Suprygina, G.G. “Kult materi v Tretiem reikhe, ego smysly i posledstviya [Cult of mother in The Third Reich, its meanings and consequences].” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. no. 288 (2005): 49–55 (in Russian).
- Temir, A. *Altmış yıl Almanya: (1936–1996): Bir yabancınnın gözü ile geziler-araştırmalar* [Sixty years of Germany: (1936–1996): Travels with the eyes of a foreigner-research]. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1998 (in Turkish).
- Tevfik, S. “Batıl itikatlara inanır mısınız? [Do you believe in superstitions?].” *Son Posta*. May 13, 1935 (in Turkish).
- Usmanova, D. “The publication of textbooks by the Turko-Tatar emigration of the Far East and Xinjiang in the 1920–1940s: a comparative characteristic.” In *Transference, Interaction, and Social-Cultural Transformations in Eurasia*, 141–169. Tokyo: Chuo University Press, 2021 (in Japanese).
- Usmanova, D.M. “Tiurko-tatarskie materialy v arkhive Khattori Siro (Hattori Siro) universiteta prefektury Simaneh [Turkic-Tatar materials in the archive of Hattori Siro (Hattori Siro) of the University of Shimane Prefecture].” *Shimane Journal of North East Asian Research*, no. 26 (2015): 41–49 (in Russian).
- Usmanova, D.M. “Zhurnal ‘Yana yapon mekhbire’ kak istochnik po istorii tatarskoi eh migratsii na Dal’nem Vostoke v 1930-e gg. [The magazine ‘Yana Yapon mekhbire’ as a source on the history of Tatar emigration in the Far East in the 1930s.].” In *Kulturnye, ekonomicheskie, tekhnolog-*

icheskie kontakty i vzaimodeistvie Iaponii i Tatarskogo mira: istoriia i sovremennost. Sbornik nauchnykh trudov, 177–188. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan named after Sh. Marjani Publ., 2018 (in Russian).

Yüce, N. “Reşit Rahmeti Arat [Rashit Rahmeti Arat].” *TDV İslam Ansiklopedisi* (1991): 336–337 (in Turkish).

Информация об авторе / Information about the author

Миляуша Рамилевна Гайнанова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли имени Я.Г. Абдуллина, Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан; Россия, 420111, Казань, ул. Батурина, 7А; mgaynanova@gmail.com; SPIN-код: 4438-6474.

Milyausha Ramilevna Gainanova, PhD in History, Senior Researcher of Department of History of Religions and Social Thought named after Ya.G. Abdullin, Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturina St., Kazan, 420111, Russia; mgaynanova@gmail.com; SPIN-code: 4438-6474.

ВОЕННАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
MILITARY AND SOCIO-CULTURAL HISTORY OF RUSSIA

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-84-96>
EDN: ENZKMM

Научная статья / Research article

**Василий Николаевич Хитрово:
особенности службы в морском министерстве
под началом великого князя Константина Николаевича
в 1856–1863 гг.**

Галина Владимировна Аксенова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 galax23@yandex.ru

Аннотация: Исследуется личность В.Н. Хитрово (1834–1903), в большей степени известного как основателя Православного Палестинского Общества и меньше – как государственного деятеля. В 1856 г. он стал чиновником Морского министерства, в котором служил под началом великого князя Константина Николаевича до апреля 1863 г. Это было время преобразования системы финансовой отчетности в Морском ведомстве. В статье впервые охарактеризована служба В.Н. Хитрово в Канцелярии Контрольного департамента и Комиссариатском департаменте министерства и показаны ее особенности. В статье раскрыты смысл и значение заграничной командировки В.Н. Хитрово во Францию в 1858 г. Введение в научный оборот документов из Архива военно-морского флота позволило охарактеризовать особенности деятельности Хитрово во время учебы и практических занятий в Департаменте отчетности французского Министерства финансов и Арсенале. Впервые проанализированы работы В.Н. Хитрово, посвященные истории бухгалтерского дела и обоснованию необходимости введения двойной системы бухгалтерии. Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что в годы службы в Морском ведомстве В.Н. Хитрово приобрел опыт организации финансового контроля и бухгалтерского учета, что позволило ему в дальнейшем эффективно организовать финансовую деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО).

Ключевые слова: Российская империя, реформы управления, журнал «Морской сборник», публицистика, аналитические труды

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований ИППО – Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» FSSF-2023-0009.

Для цитирования: Аксенова Г.В. Василий Николаевич Хитрово: особенности службы в морском министерстве под началом Великого князя Константина Николаевича в 1856–1863 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 84–96. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-84-96>

Vasily Nikolaevich Khitrovo: Peculiarities of Service in the Naval Ministry in 1856–1863 under the Command of Grand Duke Konstantin Nikolaevich

Galina V. Aksenova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

RUDN University, Moscow, Russia

✉ galax23@yandex.ru

Abstract: The author considers the life V.N. Khitrovo (1834–1903) who was to a greater extent known as the founder of the Orthodox Palestine Society and, to a lesser extent, as a statesman. In 1856, he became an official in the Naval Ministry, where he served under the command of Grand Duke Konstantin Nikolayevich until April 1863, during the transformation of the financial reporting system in the Naval Ministry. The article describes for the first time V.N. Khitrovo's service in the Office of the Control Department and the Commissariat Department of the Ministry and shows the features of his service. The author reveals the significance of V.N. Khitrovo's business trip to France in 1858. The introduction into scientific use of the documents from the naval archive made it possible to characterize the nature of Khitrovo's activity during the studies and the practical training he had in the Reporting Department of the French Ministry of Finance and Arsenal. In addition, the author analyzed for the first time V.N. Khitrovo's works devoted to the history of accounting and justification of the need to introduce a double-entry bookkeeping system. The conducted research allowed us to come to the conclusion that during his years of service in the Naval Ministry, V.N. Khitrovo gained critical experience in organizing financial control and accounting, which later allowed him to effectively organize the financial activities of the Imperial Orthodox Palestine Society.

Keywords: Russian Empire, management reforms, Journal "Naval Collection," journalism, analytical works

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The article was written within the framework of the implementation of the Fundamental Scientific Research Program of the IPPO – the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the direction of "Russia and the Middle East: historical, political, archaeological and cultural contacts and connections" FSSF-2023-0009.

For citation: Aksenova, G.V. "Vasily Nikolaevich Khitrovo: Peculiarities of Service in the Naval Ministry in 1856–1863 under the Command of Grand Duke Konstantin Nikolaevich." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 84–96. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-84-96>

Введение

Актуальность. В.Н. Хитрово был одним из тех государственных деятелей, которые способствовали формированию Ближневосточной политики Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в., получившей название «мягкая сила». Современная ситуация на Ближнем Востоке, положение христиан и православной церкви, необходимость защиты христианских ценностей делают вопрос о деятельности основателя ИППО, о возможности применения «мягкой силы» в решении возникающих международных конфликтов, в том числе и на религиозной почве.

В основу деятельности В.Н. Хитрово, позволявшей и в настоящее время решать возникающие в этом регионе конфликты, легли работы по строительству православных храмов, открытию школ для мальчиков и девочек арабского происхождения православного вероисповедания, больниц и богаделен, организация системы медицинского обслуживания, подготовка учителей, врачей и священнослужителей, организация паломнического движения. Все эти предприятия требовали серьезных капиталовложений и блестящего знания бухгалтерского дела.

«Отличавшийся большим трудолюбием»¹, В.Н. Хитрово был представителем старейшего дворянского рода. Благодаря своему происхождению, полученному образованию, министерской службе, в первую очередь в Морском ведомстве, в котором под началом генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича проводилась реформа «счетной системы» и бухгалтерского учета, он сформировался как крупный государственным деятель последней трети XIX – начала XX в., экономист и финансист.

Биография и жизненный путь В.Н. Хитрово представлены в историографии очень скромно. Ученых прежде всего интересовала его деятельность как организатора и секретаря Палестинского Общества². В последние несколько лет появились работы, в которых освещаются некоторые этапы его жизненного пути, проанализированы архивные материалы и имеющиеся публикации источников, раскрыто содержание его домашней библиотеки, дана характеристика его научной деятельности³. Службу в Морском министерстве и некоторые ее особенности представил сам В.Н. Хитрово в «Родословной книге рода Хитрово»⁴, описав свой служебный путь за период времени с 1854 по 1866 гг.:

– в декабре 1854 г. поступил на службу в Государственный контроль чиновником по особым поручениям при Государственном контролере графе А.Г. Кушелеве-Безбородко (1800–1855);

– с 18/30 апреля 1855 г. временно «исправлял должность помощника старшего контролера со стороны Государственного Контроля при Комиссариатском департаменте Военного министерства»;

– в начале 1856 г. назначен «делопроизводителем Комиссии из чинов Государственного Контроля для обревизования хозяйственных департаментов Морского министерства»;

– в конце 1856 г. также стал «исправлять должность правителя Канцелярии Контрольного Департамента морских отчетов»;

– в начале 1857 г. представил «проект преобразования счетоводства Комиссариатского департамента Морского министерства», за что «был переведен на должность чиновника особых поручений»;

¹ Клячко Л.М. В.Н. Хитрово (Некролог) // Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 123. С. 3.

² Беляев А.П. Памяти Василия Николаевича Хитрово, помощника председателя, члена совета и секретаря императорского Православного Палестинского общества 1882–1903. СПб., 1903; Дмитриевский А.А. Памяти В.Н. Хитрово (Ко дню десятилетия со дня его кончины) // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1913. Т. 24. № 2. С. 263–272; Лисовой Н.Н. 1) Василий Николаевич Хитрово – основатель Императорского Православного Палестинского Общества // Хитрово В.Н. К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника. М., 2003. С. 5–59; 2) Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре секретаря (М.П. Степанов – В.Н. Хитрово – А.П. Беляев – А.А. Дмитриевский) // Православный Палестинский сборник. М., 2005. С. 6–35.

³ Панеях А.В. Библиотека В.Н. Хитрово в составе библиотеки Императорского Православного Палестинского сборника // Православный Палестинский сборник. М., 2016. С. 163–171; Панеях А.В. В.Н. Хитрово и его библиотека в контексте отечественного палеориноведения // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX–первой половины XX века. Архивные материалы и исследования. СПб., 2020. С. 283–295; Аксенова Г.В. 1) Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) и дело его жизни (вопросы историографии и источниковедения) // Православный Палестинский сборник. 120-летию кончины Василия Николаевича Хитрово посвящается. М., 2023. С. 13–31. EDN: MJDJTY; 2) Источниковедческие проблемы изучения биографии В.Н. Хитрово // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 421–440. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-3-421-440. EDN: ZUBQKU; 3) Особенности государственного служения В.Н. Хитрово (1834–1903) // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. М.: РУДН, МГИМО МИД России, 1–2 декабря 2023 г. М., 2023. С. 29–30. EDN: BBTSLW

⁴ Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866.

- после производства в декабре 1857 г. в коллежские асессоры «командировали за границу для изучения счетоводства и отчетности во Франции, Бельгии и Сардинии»;
- с июня по декабрь 1858 г. пробыл во Франции;
- в декабре 1858 г. отправлен в Петербург из Ниццы курьером от великого князя Константина Николаевича к Александру II;
- в начале 1859 г. получил «назначение депутатом от Морского министерства Комиссию для преобразования контрольной части»;
- в конце 1859 г. – назначение «состоящим по Морскому министерству в распоряжение статс-секретаря М.Х. Рейтерна»;
- 17/29 апреля 1860 г. «за составленный и введенный в действие проект счетоводства по новой системе в Морском Министерстве произведен за отличие в Надворные Советники»;
- в мае–сентябре 1862 г. «исправлял должность начальника Казначейства Морского министерства»;
- в апреле 1863 г. В.Н. Хитрово «перешел на службу в Министерство финансов чиновником особых поручений VI класса»⁵.

Комплекс документов Морского министерства, относящихся к 1850-м – 1860-м гг., сосредоточен в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ). В пяти фондах имеются впервые выявленные материалы, позволяющие дать яркую характеристику службе В.Н. Хитрово под началом великого князя Константина Николаевича. Прежде всего это формулярные списки⁶, «персональные поручения», связанные с написанием «для журнала «Морской сборник» статьи об изучении им за границей системы бухгалтерии»⁷ и «составлением руководства командирам судов и агентам Морского министерства по оплате заграничных расходов»⁸, а также несколько документов о работе над «правилами денежного счетоводства».

Изучение «Морского сборника» позволило выявить целый ряд важнейших публикаций, раскрывающих особенности службы В.Н. Хитрово в том ведомстве, с которого начинается история «Великих реформ» императора Александра II⁹ и соиздание «Русской Палестины».

Великий князь Константин Николаевич – реформатор Морского ведомства

Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), младший брат императора Александра II и его «первый помощник»¹⁰, «хорошо образованный, высоко

⁵ Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб., С. 260–262.

⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 6. Д. 241; РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 6. Д. 259.

⁷ Там же. Ф. 410. Оп. 2–1, Д. 1648.

⁸ Там же. Оп. 2–4. Д. 7856.

⁹ Хитрово В.Н. 1) О бухгалтерии // Морской сборник. 1858. Т. 33. № 1. С. 119–140; 2) О преобразовании государственного контроля и некоторых частей финансовой администрации в России // Морской сборник. 1859. Т. 41. № 6. июнь. С. 436–468; 3) О преобразовании государственного контроля и некоторых частей финансовой администрации в России // Морской сборник. 1859. Т. 44. № 12. С. 281–327; 4) Ответ на замечания капитана 1 ранга Шестакова на проекты о судовой отчетности // Морской сборник. 1859. Т. 44. № 12. С. 328–343; Хитрово В.Н. 5) Бухгалтерия в применении к государственным оборотам // Морской сборник. 1860. Т. 45. № 1. С. 123–174; № 2. С. 396–416; № 3. С. 65–85; Шестаков И. Ответ господину Хитрово // Морской сборник. 1860. Т. 45. № 1. С. 111–122;

¹⁰ Воронин В.Е. Деятельность великого князя Константина Николаевича в контексте реформирования социально-политического строя России (60–70-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 1. EDN: ZNZKEN

развитый умственно, работоспособный»¹¹, «враг иностранцев»¹², «всегда стремившийся к “совершенному” исполнению своих обязанностей»¹³, в течение тридцати с лишком лет играл «самую видную роль в правительственных сферах»¹⁴. Действительно, уже в 1850 г. император Николай I назначил своего второго сына председателем Временного комитета по морской артиллерии и председателем Комитета по пересмотру морских уставов. В 1852 г. он занял пост товарища начальника Главного морского штаба, а в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. возглавил Морское ведомство, занявшись его реорганизацией. По мнению историков, Константин Николаевич как мудрый, «неординарный» государственный деятель рассматривал Морское министерство, которое современники называли «министерством прогресса», как «кузницу кадров» для разных отраслей государственного управления, посылал наиболее способных чиновников на стажировку в Европу и Америку, «искал, находил и поддерживал сторонников реформ»¹⁵. По инициативе великого князя к деятельности по Морскому ведомству были привлечены писатели И.А. Гончаров и Д.В. Григорович, этнографы С.В. Максимов и А.С. Афанасьев-Чужбинский. По оценке К.А. Скальковского, официальное издание Морского ведомства журнал «Морской сборник» стал одним из важнейших печатных общественных органов¹⁶, на страницах которого велось гласное обсуждение проектов преобразований в данном ведомстве¹⁷.

Анализ деятельности великого князя Константина Николаевича на посту главы Морского министерства позволил отечественным исследователям высоко оценить его вклад в коренные преобразования ведомства: рассредоточение управления, придание самостоятельности местным властям, упрощение делопроизводства, сокращение и упрощение делопроизводства, преобразование системы финансовой отчетности и применение начала единства кассы (сосредоточение всех сумм морского ведомства в одном центральном казначействе), введение новой системы контроля. Император Александр II поставил положенные в основу преобразования Морского министерства начала «в пример всем господам министрам и главным управляющим»¹⁸. Таким образом, были заложены основы кардинального реформирования морской отрасли.

В новом Морском уставе, принятом в 1860 г., содержались важнейшие положения о преобразовании морского судопроизводства. Этот ведомственный документ опередил своим содержанием важнейшую для развития государства общую судебную реформу. По справедливому замечанию Т.П. Мазур, «это был первый официальный проект, основанный на началах самостоятельности судей, состяза-

¹¹ Воронин В.Е. Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича (до начала 60-х гг. XIX в.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 1997. С. 9.

¹² Там же.

¹³ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002. С. 107.

¹⁴ Скальковский К.А. Великий князь Константин Николаевич // Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891. С. 179.

¹⁴ Захарова Л.Г. Дневник великого князя Константина Николаевича: Вступительная статья // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 107–115. EDN: SJXAXB

¹⁵ Там же. С. 108.

¹⁶ Скальковский К.А. Великий князь Константин Николаевич... С. 179.

¹⁷ Цыганова Я., Леонтьева О.Б. Великий князь Константин Николаевич во главе морского министерства: апробация сценария реформ // Сорок вторая научная конференция студентов: 4–9 апреля 2011 г., Самара, Россия: тезисы докладов. Самара, 2011. С. 243.

¹⁸ Мазур Т.П. Роль Морского министерства в государственных реформах 2-й половины XIX века // Пятые Константиновские чтения. Кронштадт, 2005. URL: https://ruskline.ru/analitika/2007/09/22/rol_morskogo_ministerstva_v_gosudarstvennyh_reformah_2-oi_poloviny_hih_veka/

тельности, устности и гласности уголовного процесса и обеспечения права защиты обвиняемого»¹⁹.

Соработниками великого князя в период реформирования Морского ведомства были А.В. Головнин (будущий министр народного просвещения), М.Х. Рейтерн (будущий министр финансов), Д.А. Милютин (будущий военный министр), Д.Н. Набоков (будущий министр юстиции), Д.А. Толстой (обер-прокурор Святейшего Синода), Д.А. Оболенский (председатель комиссии по выработке нового закона о печати) и др.

Как член Финансового комитета с 1857 г. великий князь занимался ключевыми для экономики вопросами, связанными с внешними и внутренними займами, банковском делом, бюджетом и т.д.²⁰ В 1859 г. он принял участие в принятии проекта «радикальной» банковской реформы.

Деятельность великого князя Константина Николаевича была связана и с решением важных внешнеполитических вопросов. В 1845 г. он прибыл в Константинополь и был принят турецким султаном. Весной 1857 г. во время визита во Францию провел переговоры с Наполеоном III, способствовавшие преодолению европейской изоляции России, в которой она оказалась после Крымской войны. В 1859 г. Константин Николаевич посетил Иерусалим. С именем великого князя Константина Николаевича связано начало «зримой для всех реализации русского Иерусалимского проекта в Святой Земле»²¹.

В.Н. Хитрово на службе в Морском министерстве

В 1856 г. к службе в Морском министерстве (как его называли – «министерстве прогресса», «кузнице кадров для разных отраслей государственного управления») приступил Василий Николаевич Хитрово, выпустившийся в декабре 1854 г. из Александровского Императорского лицея и недолго проработавший в Государственном контроле²² и Провиантском департаменте Военного министерства²³. Служба в этом передовом, «служащем примером и руководством другим»²⁴ ведомстве, на этом «полигоне для испытания новаторских идей»²⁵ способствовала формированию его личности и взглядов как будущего общественного деятеля, способного решать серьезные государственные задачи.

Получивший в Императорском лицее углубленные знания в области статистики, бухгалтерии и гражданского права В.Н. Хитрово как чиновник Морского министерства занимается ревизией его хозяйственных департаментов. В конце этого же года он уже управляет Канцелярией Контрольного Департамента морских отчетов – «молодой дельный чиновник»²⁶, в числе тех «молодых и толковых людей, желавших обновления» и, как справедливо отметил В.Е. Воронин, лично «по-

¹⁹ Мазур Т.П. Роль Морского министерства...

²⁰ Захарова Л.Г. Дневник... С. 108.

²¹ Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 году...

²² Памятная книжка Александровского лицея 1855–1856 год. СПб., 1855. С. 18.

²³ Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866. С. 260–262; Лисовой Н.Н. Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества... С. 13–14, 33.

²⁴ Стафёрова Е.Л., Шевырёв А.П. Великий князь Константин Николаевич в 1856 г.: от морского министра к государственному деятелю // Константиновские чтения – 2022. Великий князь Константин Николаевич. К 195-летию со дня рождения и 130-летию со дня кончины. Сборник материалов научной конференции 21 октября 2022 года. СПб., 2023. С. 97.

²⁵ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002. С. 7.

²⁶ Александр II. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861; Дневник великого князя Константина Николаевича. 1858–1861. М., 1993. С. 78.

лучавших от генерал-адмирала задания по глубокой переработке перспективных вопросов – о финансах, судебной системе и многих других»²⁷.

Между 1856 и 1860 гг. в жизни В.Н. Хитрово произошло несколько важных событий, связанных со службой в Морском министерстве. Способности молодого талантливого чиновника разглядел великий князь Константин Николаевич. В числе первых поручений великого князя в первый год службы был «проект преобразования счетоводства Комиссариатского департамента Морского министерства»²⁸. В конце 1857 г. великий князь издал указ о его командировании за рубеж для изучения состояния бухгалтерского дела. Тем более это было необходимо, поскольку с февраля 1856 г. великий князь инициировал введение «двойной системы бухгалтерии»²⁹.

Историю введения двойной системы бухгалтерии в Комиссариатском департаменте Морского министерства еще до своего отъезда описал В.Н. Хитрово в небольшой статье, опубликованной в 1858 г. в «Морском сборнике»³⁰. Свои размышления он начал с тезиса о важности учета капитала. В частности, он пишет:

Каждое лицо, заведующее денежными или другими капиталами, обязано дать в оных отчет. Банкир или купец, производящий обороты, на капитал собственный для того, чтобы знать, в каком положении находится его состояние, что принесло ему прибыль, а что убыток. Лица, распоряжающиеся капиталом не собственным, чтобы очистить себя перед своим доверителем в правильном употреблении вверенного ему капитала. Поэтому заботу каждого такого лица составляет правильная отчетность, которая может существовать только при точном и ясном ведении бухгалтерии³¹.

Следующий тезис связан с организацией ведения денежных учетных книг:

Бухгалтерия есть руководство к ведению денежных книг в таком систематическом порядке, чтобы из них во всякое время можно было обозреть весь ход всякого денежного или другого оборота³².

Именно степень обширности оборотов, по его мнению, разделяла «бухгалтерию на две системы: одну – простую, другую – двойную или итальянскую»³³. В свою очередь, простая система бухгалтерии «может быть употребляема только лицами, ведущими мелочную или розничную торговлю». Он отмечал, что при обширных оборотах,

где роды капиталов разнообразны, где лица, с которыми входишь в торговые сношения, многочисленны, там простая система далеко не удовлетворяет требованиям хорошей бухгалтерии³⁴.

Только двойная бухгалтерия, как писал В.Н. Хитрово, отвечала «главнейшим требованиям» финансового учета, то есть важно было

представлять ежедневно и наглядно положение каждого счета; отдавать подробный отчет о движении капиталов; удостоверять в целостности оных; узнавать прибыли и потери; положение всего состояния³⁵.

²⁷ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля... С. 72; Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019. С. 19; Александр II. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861; Дневник великого князя Константина Николаевича... С. 78.

²⁸ Хитрово В.Н. Родословная книга... С. 2, 61; Александр II. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861; Дневник великого князя Константина Николаевича. 1858–1861. С. 116.

²⁹ Хитрово В.Н. О бухгалтерии... С. 126; Там же. С. 120.

³⁰ Там же. С. 119–140.

³¹ Там же. С. 119.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 120.

³⁵ Там же.

Указав кратко на историю происхождения двойной, итальянской, системы, восходящей к 1495 г. и обоснованной в трактате монахом ордена миноритов венецианцем Лукою Боргоским³⁶, В.Н. Хитрово отметил, что именно

очевидность пользы и ясности в делах от ведения книг по двойной системе бухгалтерии <...> заставила все образованные европейские государства обязать законами всех торгующих лиц вести торговые книги по двойной системе бухгалтерии³⁷.

Одни за другими эту систему вводили европейские государства. Российское законодательство эту систему рекомендовало для введения лицам, «торгующим оптом, или с заграницей и банкирам»³⁸. Но на уровне государства и государственных учреждений, как отмечает В.Н. Хитрово, «двойная система бухгалтерии долго не прививалась»³⁹.

В России история введения двойной системы относится ко временам императора Петра I. Теоретические разработки появились во времена императрицы Екатерины II. Переходя к оценке деятельных реформ великого князя Константина Николаевича в финансовой сфере, В.Н. Хитрово отмечает, что

при составлении Общего Счетного устава в некоторых присутственных местах, а именно в Департаменте внешней торговли и горных и соляных дел, находим мы некоторые следы двойной бухгалтерии, но следы эти еще слабее, чем в Регламенте Петра I⁴⁰.

После чего начинается подробное описание истории введения двойной системы бухгалтерии и ее содержание. Остановимся на некоторых важных составляющих этого научно-исторического повествования.

Говоря о периоде 1856 г., Хитрово пишет:

Его императорское высочество выразил государственному контролеру генерал-адъютанту [Н.Н.] Анненкову желание, чтоб Комиссия, составленная из членов Государственного Контроля для обревизования счетной части хозяйственных департаментов Морского министерства, сообразила: не признает ли она полезным ввести двойную систему и у нас, и на каком основании⁴¹.

Инициативу великого князя, как отмечает В.Н. Хитрово, поддержал управляющий Морским министерством генерал-адъютант барон Ф.П. Врангель. «Убеждение в необходимости изменить существующие формы бухгалтерских книг»⁴² поддержала и Контрольная комиссия.

Первым «к опыту применения двойной системы к оборотам поверенного ему Комиссариатского департамента»⁴³ во исполнение воли его императорского высочества приступил директор князь Д.А. Оболенский»⁴⁴. Двойная система бухгалтерии была введена в департаменте приказом от 29 марта 1857 г., согласно которому были разделены «дотоле слитые обязанности казначея и бухгалтера»⁴⁵.

Отмечая заслуги и правильность поступательных действий в проведении финансовой реформы в Морском министерстве, В.Н. Хитрово указал еще на один важный шаг, предпринятый великим князем: «для ознакомления чиновников Счет-

³⁶ Хитрово В.Н. О бухгалтерии... С. 120.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 125–126.

⁴¹ Там же. С. 126.

⁴² Там же.

⁴³ Чиновником которого в это время уже был В.Н. Хитрово.

⁴⁴ Там же. С. 126.

⁴⁵ Там же.

ного отделения с двойной системой пригласили профессора Коммерческого училища Клингге прочитать курс этой системы»⁴⁶.

С 1 сентября 1857 г. двойная система была введена в Казначействе Комиссариатского департамента. Ее преимущества В.Н. Хитрово показал в своей статье, детально сравнив прежнюю бухгалтерию и работу бухгалтерии и казначейства, формы ведения финансовой отчетности, необходимую документацию, содержание заполняемых граф казначейских и бухгалтерских книг, порядок ведения кассовых книг⁴⁷. Проведенный сравнительный анализ позволил показать, в чем состояла польза способа двойной бухгалтерии перед предыдущим. А именно:

- казначей не обязан повторять труд бухгалтера;
- ведение одной книги вместо 50 прежних значительно сокращает ошибки;
- ежедневное сличение мемориала⁴⁸ с казначейской книгой дает возможность

производить самую своевременную проверку сей последней, и поэтому легчайший способ к исправлению ошибок⁴⁹.

Первые три месяца работы по новой системе позволили В.Н. Хитрово прийти к выводу о том, что

не встречается более накопления огромного количества неисполненных предписаний, которые прежде того оставались иногда в продолжении нескольких лет без всякого по ним действия. <...> устранена возможность подлога⁵⁰.

Далее он пишет: «Уничтожено совершенно ненужное разделение казначейских книг, дробивших и путавших», «значительно облегчен труд составления разных ведомостей», «вполне и весьма легко обеспечивается безошибочность во всех счетах»⁵¹. И главное, по мнению В.Н. Хитрово, что

все вопросы, на которые прежняя бухгалтерия или вовсе отвечать не могла, или разрешение коих требовало нескольких дней усиленных исчислений и проверок, ныне разясняются вполне наглядно, в несколько минут, и в самых затруднительных случаях – в несколько часов⁵².

Важным шагом в реализации реформы, связанной с двойной системой, стало создание при департаменте Центральной бухгалтерии. Те есть главным в данной реформе виделось создание прозрачной финансовой системы, внесение в нее порядка и ясности, точности в движении капиталов, а значит, новая система становилась «залогом безопасности Казначейства»⁵³.

Заграничная командировка В.Н. Хитрово и некоторые ее итоги

Реформа бухгалтерии в Комиссариатском департаменте была лишь началом большой финансовой реформы во всем Морском ведомстве и в портовом хозяйстве. Для ее проведения необходимо было изучить опыт тех европейских государств, которые уже давно у себя ввели двойную бухгалтерскую систему. Изучать этот опыт и «исполнять столь лестное поручение»⁵⁴ В.Н. Хитрово и был отправлен в полугодовую командировку во Францию в июне 1858 г., где, как отмечалось,

⁴⁶ Хитрово В.Н. О бухгалтерии... С. 127.

⁴⁷ Там же. С. 127–132.

⁴⁸ «Мемориал – единственное основание всех последующих счетов, в нем записывается каждое предписание». – В.Х.

⁴⁹ Хитрово В.Н. О бухгалтерии... С. 132.

⁵⁰ Там же. С. 138.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 139.

⁵³ Там же. С. 140.

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2–1. Д. 1648. Л. 1.

наука бухгалтерии наиболее распространена и где, признаваемая за лучшую, система оной, именно двойная, применена к государственному управлению⁵⁵.

Освоение с системой двойной бухгалтерии, введенной во Франции и «преподаваемой в круге наук высших и средних учебных заведений»⁵⁶, началось с изучения теории и практических занятий. Затем была продолжена «подробным изучением подлинных книг и счетов разных фабрикантов и заводчиков»⁵⁷. Далее Хитрово получил возможность на примере работы «образцовой фермы» понять, как «двойная система бухгалтерии применена к земледельческой промышленности»⁵⁸. Там же появилась возможность «разъяснить вопрос», связанный с определением себестоимости «обработанного предмета»⁵⁹, удалось познакомиться и с «материальной отчетностью французских арсеналов»⁶⁰.

После «теоретического и практического изучения разных систем бухгалтерии»⁶¹ он приступил к «изучению применения этих систем к государственным оборотам»⁶² и свое знакомство продолжил в Департаменте отчетности французского Министерства финансов и в «Конторе Главного приходчика Департамента Устьев Роны»⁶³.

Во время пребывания во Франции В.Н. Хитрово приступил к написанию труда, в котором он

излагал главные начала разных систем бухгалтерии, их выгоды и невыгоды, затем начала, на которых основана бухгалтерия французского Министерства финансов, равно как и практическое применение этих начал к разным основным счетам и оборотам⁶⁴.

Начатое исследование могло быть завершено, как считал В.Н. Хитрово, только по прибытии в Россию, поскольку имелась необходимость в «предоставлении примеров применения этой системы к оборотам русского Морского министерства»⁶⁵.

В представленной записке на имя великого князя Константина Николаевича он изложил «главные начала бухгалтерии, от которой можно было ожидать пользы»:

- 1) Резкое отделение бухгалтерии от казначейства
- 2) Устройство ее как можно ближе к бухгалтерии банкирских контор.
- 3) Устройство Центральной бухгалтерии для сосредоточения портовых счетов, их проверки и приготовления годового отчета.
- 4) Устройство в портах одной бухгалтерии, обязанной доставлять ежемесячно в Центральную бухгалтерию свою памятную книгу и подлинные документы.
- 5) Специальное образование счетных чиновников или принятие их на службу счетную по экзаммену.
- 6) Хорошее и верное составление сметы.
- 7) Точное определение сведений, необходимых для отчета и контроля.
- 8) Ясные и простые предписания и сколь возможное сокращение механического труда⁶⁶.

По итогам годовой поездки была написана статья «Бухгалтерия в применении к государственным оборотам», сопровождаемая таблицами и образцами зарубеж-

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2–1. Д. 1648. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Л. 1 об.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Л. 2 об.

⁶⁰ Там же. Л. 2 об.

⁶¹ Там же. Л. 2 об.

⁶² Там же. Л. 2 об.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 3 об. – 4.

⁶⁵ Там же. Л. 4.

⁶⁶ Там же. Л. 4 об. – 5 об.

ных документов, опубликованная в «Морском сборнике» за 1860 г.⁶⁷ Позже В.Н. Хитрово написал монографию об организации финансового управления в Англии, также сопровождаемую статистическими выкладками, таблицами и образцами финансовых документов⁶⁸.

Как сотрудник Комиссариатского департамента он в сотрудничестве с капитаном Корсаковым предложил проект «о новом корабельном ревизоре» – «счетном ревизоре» – его правах и функциях на корабле, неоднозначно принятый старыми сотрудниками министерства и вызвавший резкую критику со стороны российского флотоводца, государственного деятеля, адмирала И.А. Шестакова (1820–1888)⁶⁹, который назвал предложения молодого чиновника «безответственным проектом, запиской и фабрикацией мысли всякого рода»⁷⁰, «контрольное воображение которого увлекло слишком далеко»⁷¹. Адмирал И.А. Шестаков прежде всего указал на противоречие между планами, предложенными молодыми людьми, и средствами их реализации. Полемика касалась узкопрофессиональных вопросов: таких как независимость ревизора в плавании, подчиненность ревизора Комиссариатскому департаменту, выборы ревизора этим департаментом или утверждение ревизора генерал-адмиралом, «отношение ревизора к прочим флотским чинам», наблюдение за порядком ведения документов, соблюдение документальной законности, функция ревизора только как хранителя денег, возможность честного контроля, деликатность поведения и др.

Оспаривая целый ряд положений о ревизоре, предложенных В.Н. Хитрово, говоря, что его «контрольные познания не мешают не знать совершенно порядка морской службы и значения лиц ее несущих»⁷², адмирал отметил его «просвещенность», похвалил как специалиста, умеющего «составлять прекрасные правила»⁷³.

Выводы

Представленные и впервые вводимые в научный оборот как опубликованные в популярных журналах середины XIX в., так и архивные материалы позволяют раскрыть значение службы В.Н. Хитрово в Морском министерстве под началом великого князя Константина Николаевича. Время трудов в этом значимом для России ведомстве пало на период после подписания унижительного для государства Парижского мирного договора, период подготовки реформ, в том числе в области финансовой системы как в Морском ведомстве, так и в России в целом.

В.Н. Хитрово как чиновник, «одаренный блестящими способностями», принял участие в инициированном великим князем Константином Николаевичем преобразовании Аудиториатского и Комиссариатского департаментов Морского министерства и преобразовании системы финансовой отчетности. Во время командировки во Францию он не только прошел курс теоретических и практических занятий по двойной системе бухгалтерии во французском Министерстве финансов и Адмиралтействе, но, как следует из его аналитических отчетов, смог увидеть, как эта система работает на практике в промышленности, сельском хозяйстве и морском деле. Итогом его пребывания стали статьи и исследования, опубликованные на страницах «Морского сборника».

⁶⁷ Хитрово В.Н. Бухгалтерия в применении к государственным оборотам // Морской сборник. 1860. № 1. С. 123–174; № 2. С. 396–416; № 3. С. 65–85.

⁶⁸ Хитрово В.Н. Финансовое управление в Великобритании. СПб., 1862.

⁶⁹ Шестаков И. Ответ господину Хитрово // Морской сборник. 1860. Т. 45. № 1. С. 113.

⁷⁰ Там же. С. 111.

⁷¹ Там же. С. 112.

⁷² Там же. С. 118.

⁷³ Там же. С. 115.

В годы службы в Морском ведомстве благодаря участию в реализации финансовой реформы В.Н. Хитрово приобрел бесценный опыт организации финансового контроля и бухгалтерского учета, в основе которого лежала передовая система двойной бухгалтерии. Это позволило ему в дальнейшем серьезно заняться вопросами кооперации, встать у истоков российской ссудно-сберегательной системы, а также обеспечить финансовую деятельность Императорского Православного Палестинского Общества, которое было учреждено в 1882 г.

Поступила в редакцию / Submitted: 26.10.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.11.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 08.12.2024

References

- Aksenova, G.V. “Deiatel'nost' velikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha na Sviatoi Zemle v otsenke chlena Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva M.P. Solovieva [The activities of Grand Duke Konstantin Nikolaevich in the Holy Land in the assessment of the member of the Imperial Orthodox Palestine Society M.P. Soloviev].” In *Konstantinovskii chteniia 2018 goda. K 160-letiiu so dnia rozhdeniia velikogo kniazia Konstantina Konstantinovicha, poeta K.R. (1858–1915). Sbornik materialov nauchnoi konferentsii 17 oktiabria 2018 g.*, 34–49. St. Petersburg: Fil. Gos. kompleks “Dvorets kongressov” FGBU “Upr. po ekspluatatsii zdani v Severo-Zapadnom Federal'nom okruge” Upr. delami Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Publ., 2018 (in Russian).
- Aksenova, G.V. “Osobennosti gosudarstvennogo sluzheniia V.N. Khitrovo (1834–1903)” [Features of the public service of V.N. Khitrovo (1834–1903)]. In *Politicheskaiia nauka v meniaiushchemsia mire: novye praktiki i teoreticheskii poisk: materialy Vserossiiskoi konferentsii RAPN s mezhdu-narodnym uchastiiem. Moskva, RUDN, MGIMO MID Rossii, 1–2 dekabrya 2023 g.*, 29–30. Moscow: RUDN Publ., 2023 (in Russian).
- Aksenova, G.V. “Problem of Sources in Researching V.N. Khitrovo’s Biography.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (2023): 421–440 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-421-440>
- Aksenova, G.V. “Vasilii Nikolaevich Khitrovo (1834–1903) i delo ego zhizni (voprosy istoriografii i istochnikovedeniia) [Vasily Nikolaevich Khitrovo (1834–1903) and the work of his life (issues of historiography and source studies)].” In *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. 120-letiiu konchiny Vasilii Nikolaevicha Khitrovo posviashchaetsia*, 13–31. Moscow: Indrik Publ., 2023 (in Russian).
- Korf, N.A. *Imperatorskii Litsei v pamyat o svoikh vospitannikakh: Aleksandrovskii litsei (1844–1918)* [Imperial Lyceum in the memory of its alumni: Alexander Lyceum (1844–1918)]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011 (in Russian).
- Lisovoy, N.N. “Iz istorii rukovodstva Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva: chetyre sekretaria (M.P. Stepanov – V.N. Hitrovo – A.P. Belyaev – A.A. Dmitrievskii)” [From the history of the leadership of the Imperial Orthodox Palestine Society: four secretaries (M.P. Stepanov – V.N. Khitrovo – A.P. Belyaev – A.A. Dmitrievsky)]. In *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*, 6–35. Moscow: Orthodox Palestine Society Publ., 2005 (in Russian).
- Lisovoy, N.N. “Vasilii Nikolaevich Khitrovo – osnovatel Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva [Vasily Nikolaevich Khitrovo – founder of the Imperial Orthodox Palestine Society].” In *V.N. Khitrovo. K Zhivonosnomu Grobu Gospodniu. Rasskaz starogo palomnika*, 5–59. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Paneyakh, A.V. “Biblioteka V.N. Khitrovo v sostave biblioteki Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo sobraniia [Library of V.N. Khitrovo as part of the library of the Imperial Orthodox Palestinian collection].” In *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*, 163–171. Moscow: Indrik Publ., 2016 (in Russian).
- Paneyakh, A.V. V. N. “Khitrovo i ego biblioteka v kontekste otechestvennogo palestinovedeniia [V.N. Khitrovo and his library in the context of domestic Palestinian studies].” In *Istoriia religiovedeniia i intellektualnaia istoriia Rossii XIX – pervoi poloviny XX veka. Arkhivnye mate-*

- rialy i issledovaniia*, 283–295. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2020 (in Russian).
- Skalkovsky, K.A. “Velikii kniaz Konstantin Nikolaevich [Grand Duke Konstantin Nikolaevich].” In *K.A. Skalkovskii. Nashi gosudarstvennye i obshchestvennye deiateli*, 178–190. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1891 (in Russian).
- Staferova, E.L., and Shevyrev, A.P. “Velikii kniaz Konstantin Nikolaevich v 1856 godu: ot morskogo ministra do gosudarstvennogo deiatelia [Grand Duke Konstantin Nikolaevich in 1856: from the Minister of the Navy to the Statesman].” In *Konstantinovskii chteniia – 2022. Velikii kniaz Konstantin Nikolaevich. K 195-letiiu so dnia rozhdeniia i 130-letiiu so dnia smerti. Sbornik materialov nauchnoi konferentsii 21 oktiabria 2022 g.*, 85–98. St. Petersburg: KARO Publ., 2023 (in Russian).
- Tsyganova, Ya., and Leontyeva, O.B. “Velikii kniaz Konstantin Nikolaevich vo glave Morskogo ministerstva: aprobatsiia stsenarii reform [Grand Duke Konstantin Nikolaevich at the Head of the Naval Ministry: Testing the Reform Scenario].” In *Sorok vtorai nauchnaia konferentsiia studentov: 4–9 apreliia 2011 g., Samara, Rossiya: tezisy dokladov*, 242–243. Samara: Samara University Publ., 2011 (in Russian).
- Voronin, V.E. “Activities of Grand Duke Konstantin Nikolaevich in the context of reforming the socio-political system of Russia (60–70s of the XIX century).” PhD thesis, RGGU, 2009 (in Russian).
- Voronin, V.E. “Rol velikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha v obespechenii deiatelnosti Russkoi dukhovnoi missii v Palestine: po arkhivnym dokumentam [The Role of Grand Duke Konstantin Nikolaevich in Ensuring the Activities of the Russian Ecclesiastical Mission in Palestine: Based on Archival Document].” In *Velikii kniaz Konstantin Nikolaevich i Russkii Ierusalim: k 150-letiiu osnovaniia*, 145–167. Moscow: Indrik Publ., 2012 (in Russian).
- Voronin, V.E. “State activities of Grand Duke Konstantin Nikolaevich (before the beginning of the 60s of the XIX century).” PhD thesis, RGGU, 1997 (in Russian).
- Voronin, V.E. *Velikii kniaz Konstantin Nikolaevich: stanovlenie gosudarstvennogo deiatelia* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich: the formation of a statesman]. Moscow: Russkii Mir Publ., 2002 (in Russian).
- Zakharova, L.G. “Diary of Grand Duke Konstantin Nikolaevich: Introductory article.” *Questions of History*, no. 5 (1990): 107–115 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Галина Владимировна Аксенова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт истории и политики Московского педагогического государственного университета; Россия, 115571, Москва, пр-т Вернадского, 88; ведущий научный сотрудник кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; galax23@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-0956-5544>

Galina Vladimirovna Aksenova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; 88, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 115571, Russia; Leading Researcher of the Department of Russian History, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; galax23@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-0956-5544>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-97-108>
EDN: FBWBWE

Научная статья / Research article

Армянское человеколюбивое общество в контексте социальной политики Российской империи XIX – начала XX в.

Каринэ Ивановна Шагиданова

Институт истории Национальной академии наук Республики Армения, Ереван,
Республика Армения
 shagidanovak@mail.ru

Аннотация: Рассматривается деятельность Армянского человеколюбивого общества и его роль в общественной жизни Российской империи. Актуальность обусловлена важностью исследования истории армяно-российских отношений для углубления и развития сотрудничества между этими народами в настоящее время. Целью является выявление роли Армянского человеколюбивого общества в благотворительной деятельности Российской империи для того, чтобы продемонстрировать интенсивность и продуктивность армяно-российских отношений в разные исторические эпохи. Научная новизна заключается в исследовании большого количества уникальных архивных документов, выявленных автором в Национальном архиве Армении. Методологической основой являются историко-генетический и сравнительно-исторический методы, которые позволили глубоко проанализировать процесс зарождения и развития благотворительности в Российской империи в целом и деятельность Армянского человеколюбивого общества в частности. Результаты исследования указывают на значимую роль Армянского человеколюбивого общества в общественной жизни Закавказья, которую оно смогло занять благодаря неустанной поддержке армянского населения. Общество сыграло важную роль в укреплении армянской национальной идентичности. Автор приходит к выводу, что за годы своей деятельности общество сумело стать примером реализации благотворительной миссии. Новая тенденция в благотворительной сфере сложилась во второй половине XIX в., в эпоху реформ Александра II. Армянское человеколюбивое общество, определив принципиальные национальные приоритеты в реализации своей миссии, сумело благополучно вписаться в общероссийскую парадигму нравственных ценностей.

Ключевые слова: благотворительная организация на Кавказе, филантропия, социальная сфера, Романовы, Императорское человеколюбивое общество

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: Автор выражает благодарность Национальному архиву Армении (НАА) за предоставленные документы

Для цитирования: Шагиданова К.И. Армянское человеколюбивое общество в контексте социальной политики Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 97–108. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-97-108>

Armenian Philanthropic Society in the Context of the Social Policy of the Russian Empire of the XIX – Early XX Century

Karine I. Shagidanova

Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan,
Republic of Armenia

 shagidanovak@mail.ru

Abstract: The authors examine in detail the activities of the Armenian Philanthropic Society and its role in the public life of the Russian Empire. The relevance of the research is conditioned by the importance of the study of the history of Armenian-Russian relations for the deepening and development of cooperation between these nations at present. The purpose of the paper is to reveal the role of the Armenian Philanthropic Society in the charitable activities of the Russian Empire in order to demonstrate the intensity and productivity of Armenian-Russian relations in different historical periods. The scientific novelty lies in the study of a large number of unique archival documents provided by the National Archive of Armenia. The materials of the study are both the archival documents directly related to the Armenian Philanthropic Society and the works of scholars dedicated to this subject. The methodological basis of the study is historical-genetic and comparative-historical methods, which allowed to deeply analyze the process of origin and development of charity in the Russian Empire in general and the activities of the Armenian Philanthropic Society in particular. The results of the study indicate the significant role of the Armenian Philanthropic Society in the public life of Transcaucasia, which it was able to occupy thanks to the tireless support of the Armenian population. The Society played a huge role in the consolidation of the Armenian national identity. During the years of its activity the society managed to become an example of realization of the charitable mission. A new trend in the charitable sphere emerged in the second half of the XIX century, during the era of the reforms of Alexander II. The Armenian Philanthropic Society, having defined fundamental national priorities in the realization of its mission, managed to fit safely into the Russian paradigm of moral values.

Keywords: charity organization in the Caucasus, philanthropy, social sphere, Romanovs, Imperial Philanthropic Society

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgment: The author expresses gratitude to the National Archives of Armenia (NAA) for the provided documents.

For citation: Shagidanova, K.I. “Armenian Philanthropic Society in the Context of the Social Policy of the Russian Empire of the XIX – Early XX Century.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 97–108 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-97-108>

*«Благотворительность – вот слово
с очень спорным значением
и с очень простым смыслом»¹.*

Введение

Актуальность. Благотворительность как явление социального порядка имеет вековую традицию. Оказание помощи нуждающимся и бедным, проявление сострадания – все это относится к постулатам христианства. Именно эти постулаты создавали основу общечеловеческих ценностей, которые сводились к библейской заповеди – заповеди любви к ближнему. В определенном смысле традиции и обычаи также способствовали формированию понятия о необходимости творить добро.

С научной точки зрения благотворительность обусловлена альтруистическими действиями. Заметим, что благотворительность изначально основывалась на частном уровне, несмотря на то что выполняла в определенном смысле социальную миссию благотворителей и филантропов, которая по сути обеспечивала реализацию

¹ Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси // Информационный бюллетень Российского круглого стола. 2000. № 26. С. 1.

социальной политики государства. Социальная стабильность, как известно, является важнейшим фактором развития общества².

Армяне всегда славились активной благотворительной деятельностью, например, на территории Османской империи³. В связи с этим представляется целесообразным всестороннее исследовать их роль в развитии благотворительности Российской империи.

Степень изученности проблемы. История благотворительности в России в конце XIX – начале XX в. нашла отражение в трудах П.И. Георгиевского, П.И. Лыкошина, Е.Д. Максимова, В.Ф. Дерюжинского и многих других русских историков дореволюционной России⁴. Среди современных исследователей можно назвать Т.Е. Покотилову, З.Р. Саитову, А.С. Тупаева, Г.Н. Ульянову.

Особое значение в контексте вышесказанного представляет монография П.И. Лыкошина «Благотворительная Россия»⁵, состоящая из двух частей. Этот труд в определенном смысле представил исторический аспект развития благотворительности.

Армянские историки М. Хоренаци, Корюн, Егише, Ширакаци⁶, А. Калустянц, Ц.П. Агаян⁷ а также современные исследователи Н.В. Амбарцумян, Х.З. Дадаян, С.С. Казаров, К.Л. Папазян уделяли внимание филантропии, учитывая особенности общественно-политического положения Армении и армянского народа.

Цель исследования – определить роль Армянского человеколюбивого общества, первой благотворительной организации на Кавказе, в филантропической деятельности Российской империи. Деятельность этого общества наглядно подтверждает наличие плодотворных отношений между двумя народами на протяжении длительного периода времени.

Источниковая база. Статья написана на основе различных видов архивных и опубликованных источников. К последним относятся дореволюционные печатные издания благотворительных обществ, на страницах которых публиковались указы, распоряжения, постановления правительства, отчеты о благотворительной деятельности и другие материалы, сведения о пожертвованиях известных филантропов в России и Армении.

Развитие благотворительности в Российской империи

В контексте вышесказанного отметим, что государственные мужи России были заинтересованы в реализации и активизации благотворительной деятельности. В Древней Руси понятие «благотворительность» особое значение приобретает после принятия христианства. Великий князь Владимир в 996 г. учреждает Устав, согласно которому «вменил» духовенству заниматься общественным призрением. Установленная десятина должна была служить не только содержанию монастырей и церквей, но и для оказания помощи социального порядка старым, убогим, больным⁸.

² Тупаев А.С. Благотворительность как социальный институт: психологическая концептуализация // Вестник УРАО. 2009. № 5. С. 119. EDN: MJQJOO

³ Амбарцумян Н.В. Армянские благотворительные общества Константинополя и проблема женской эмансипации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. № 4. С. 1172. DOI: 10.21638/spbu02.2022.408. EDN: QCKDXJ

⁴ Васильева Г.П. Историографический аспект вопросов благотворительности на рубеже XIX–XX вв. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. № 130. С. 44. EDN: NWGPWB

⁵ Лыкошин П.И. Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901. Т. 1.

⁶ Poghosyan, G. History of Evolution of the Armenian Sociological Thought // Social Sciences. 2015. Vol. 4. № 5. P. 119–120. DOI: 10.11648/j.ss.20150405.12

⁷ Агаян Ц.П. Россия в судьбах армян и Армении. Ереван, 1978. С. 210.

⁸ Саитова З.Р. Благотворительная и меценатская деятельность в России в X–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2016. № 1. С. 90. EDN: XAYWYL

Также в XVI в. предпринимались попытки придать государственное обременение филантропии, издавались указы по регламентации оказания помощи нуждающимся. Подобные попытки предпринимали и в последующие эпохи. При Алексее Михайловиче был учрежден приказ, функция которого заключалась в призрении бедных. Советник царя Федор Ртищев первым в России предпринял попытку объединить частную благотворительность с государственной. При Петре I подвергались преследованию профессиональные нищие, но вместе с тем в законодательство было введено положение об оказании помощи неспособным к труду и финансировании престарелых «кормовыми» деньгами.

1 октября 1763 г. императрица Екатерина II издала манифест «Призрение бедных и попечение об умножении полезных обществу жителей». Сторонниками и благотворителями в этот период выступили граф Н.И. Панин и граф А.Г. Орлов.

Попытки урегулировать благотворительную деятельность предпринимал и Павел I, указом которого от 2 мая 1796 г. его супруга Мария Федоровна пожизненно получила статус попечительницы благотворительных заведений. Современники называли ее «министром благотворительности»¹. Вышеупомянутые примеры в определенной степени свидетельствуют о попытках координировать общественные инициативы, сделать их социальной основой государственного управления. Но они не увенчались успехом. В данном случае допустимо предположение о возможных конфликтах между разными слоями населения, которые могли создать политическую нестабильность в обществе.

В XIX в. происходит пересмотр деятельности благотворительных обществ². На основании рескрипта Александра I от 16 мая 1802 г. создается Благотетельное общество³. В рескрипте отмечено, что оно создано «для оказания бедным вспоможения всякого рода на добровольные частные пожертвования и призванное оказывать помощь нуждающимся... чтобы показать, как близки сердцу моему». Содержание рескрипта в определенном смысле свидетельствует об увлечении императора на первых порах правления идеями либерализма. При Александре I известными благотворителями являлись семьи Строгановых, Босовых, Демидовых.

В 1816 г. Благотетельное общество было переименовано в Императорское человеколюбивое общество, которое с 1802 по 1825 гг. действовало в качестве государственной благотворительной организации⁴. Подобная благотворительная организация, основной составляющей которой являлись национальные ценности, была способна повлиять на социальную сферу общества⁵. Именно на таком уровне государство могло допустить деятельность организаций, где львиная доля пожертвований принадлежала частным лицам.

Согласно уставу Императорского человеколюбивого общества, оно создавалось «для призрения дряхлых, увечных, неизлечимых и вообще к работе неспособ-

¹ Ульянова Г.Н. Императрица Мария Федоровна в российской благотворительности: материнское попечение о страждущих. Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба. СПб.: Петроний, 2006. С. 109. EDN: VQATMY

² Исаев А.П., Питулько Г.Н. К вопросу о современных подходах в изучении проблемы государственного регулирования благотворительности и меценатства в Санкт-Петербурге XVIII–XIX вв. // Управленческое консультирование. 2016. № 10 (94). С. 200. EDN: XEBEJX

³ Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности Российской империи XIX – начала XX веков // Отечественная история. 2005. № 2. С. 20.

⁴ Егорышева И.В., Гончарова С.Г. К 200-летию Императорского Человеколюбивого общества (1816) // Здравоохранение РФ. 2016. № 6. С. 325. DOI: 10.18821/0044-197. EDN: XHAQSF

⁵ Годунский Ю. Откуда есть пошла благотворительность на Руси? // Наука и жизнь. 2006. № 9. С. 37.

ных» и «для воспитания сирот и детей бедных родителей». Выдержка из устава свидетельствует также об активном участии императорской семьи в благотворительности. На это также указывает статья в государственной казне дотаций «Поступление от щедрот монарших». По некоторым подсчетам, помощь императорской фамилии с 1816 по 1914 гг. составила 9,1 млн руб.⁶ С 1817 по 1826 гг. периодически издавался «Журнал Императорского человеколюбивого общества». Почин Александра I впоследствии получил более динамичное развитие⁷.

Вторая половина XIX в., а именно эпоха реформ императора Александра II, ознаменовалась новым этапом филантропии. Отмена крепостной системы и ряд буржуазных реформ внесли конкретные изменения и в благотворительную среду. Благотворительные организации в качестве филиалов открывались в различных регионах Российской империи⁸. При многообразии названий все вышеупомянутые филиалы выполняли благотворительную миссию. Вся деятельность благотворительных обществ была сведена в некую систему, фактически решавшую социальные проблемы⁹. Таким образом, благотворительные организации, основанные на частных пожертвованиях, содействовали государству в реализации социальной программы¹⁰. В данных организациях наблюдалась динамика. В каждом из создаваемых обществ филантропов появились уставы, комитеты, работа которых была регламентирована¹¹. Годы правления Александра II называли «золотыми годами» благотворительности.

Особо значимую роль в развитии благотворительности сыграла мать Николая II императрица Мария Федоровна. Она регулярно жертвовала значительное количество ценных предметов для благотворительных базаров¹². В 1882 г. в Санкт-Петербурге при непосредственном содействии Романовых открывается общество «Синий крест», деятельность которого была посвящена нуждающимся детям. Членами общества были Великий князь К.К. Романов, Святой праведный Иоанн Кронштадтский, митрополит Антоний.

Деятельность общества «Синий крест» продолжалась до 1917 г. В данном обществе удалось объединить усилия частных благотворителей, церкви и государственную власть. Помимо конкретных пожертвований, им проводились периодические общественные акции по сбору пожертвований. Порой число участников доходило до четырех тысяч.

⁶ Отчет от деятельности Армянского человеколюбивого общества во имя св. Григория Просветителя за 1914 г. Баку, 1916 г.

⁷ Мокронослова О.М. Благотворительные организации во 2-ой половине XIX – начале XX веков (на материалах Южного Урала): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Оренбург, 2002. С. 5. EDN: QDOWZT

⁸ Лазарева С.И. Особенности становления системы благотворительности в России (XIX – начало XX вв.) // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 44. EDN: KNTYTJ

⁹ Ширяева С.В. Основные тенденции развития частной благотворительности в Российской империи XIX – начала XX веков // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2013. № 4. С. 43. EDN: RWBFEF

¹⁰ Кадневский В.М. Благотворительность дома Романовых как сегмент государственной социальной политики. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 28. EDN: WBKETN

¹¹ Покотилова Т.Е. От сословного призрения и частной благотворительности к всеобщему социальному обеспечению в России // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 104. DOI: 10.37493/2409-1030.2020.4.14. EDN: KFEPAT

¹² Ульянова Г.Н. Материальные ресурсы российской благотворительности: недвижимая собственность Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого Общества (XIX – начало XX в.) // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / под ред. Л.А. Булгаковой. СПб., 2008. С. 248. EDN: MSMFMO

Деятельность Армянского человеколюбивого общества

Создание Армянского человеколюбивого общества, первого на Кавказе, было знаменательным событием. Открытие общества состоялось 21 мая 1864 г.¹³ Устав Армянского человеколюбивого общества был утвержден с дозволения Его Императорского Величества Александра II. Общество получило название «Бакинское армянское человеколюбивое общество во имя Святого Григория Просветителя». Девиз общества звучал как «Любовь к людям».

Инициировал создание общества Давид Арутюнович Ростомян, врач и общественный деятель родом из Тифлиса. В 1840 г. он окончил медицинский факультет Московского государственного университета и вскоре был направлен в качестве врача в губернское правление г. Баку. Ему принадлежит заслуга в разработке устава общества. Заметим, что наличие устава в качестве главного документа является фактом, подтверждавшим формирование определенной специфики социальных норм в его деятельности.

Армянское человеколюбивое общество отличалось своей организованностью. В нем выделялись комитет по оказанию медицинской помощи, комитет по оказанию материальной помощи нуждающимся и бедным и комитет по правовой защите армянского населения. Деятельность комитетов по различным вопросам была строго регламентирована и структурирована.

Открытие Армянского человеколюбивого общества являлось логическим продолжением новых тенденций второй половины XIX в. Вместе с тем его создание стало особым событием в жизни армянского народа. С первых дней своей деятельности оно выполняло свое предназначение, осуществляя акции добра, пожертвования, оказывая помощь во благо отдельным людям и обществу в целом. Пример Армянского человеколюбивого общества вдохновил армян, живущих в южных районах Российской империи. Например, в 1866 г. по инициативе священника Погоса Хырджияна в Нахичевани-на-Дону было создано аналогичное Армянское благотворительное общество¹⁴. Традицию армянской благотворительности в этом городе продолжали достойные представители армянского народа, например, братья Хатрановы¹⁵.

Армянское человеколюбивое общество активно помогало решению проблем социальной сферы на территории Кавказа. Важно отметить, что общество пользовалось заслуженным авторитетом. Вплоть до 1906 г. общество не облагалось налогами. В Законоположении от 4 марта 1906 г. отмечалось:

Привилегии, данные в 1864 году <...> могли иметь некоторые основания ввиду новизны дела и слабого развития в крае частного почина¹⁶.

Но к началу XX в. благотворительные организации, включая Армянское человеколюбивое общество, стали облагаться налогами. Армянское общество имело постоянных филантропов, к коим относились А.И. Манташев, Гукасовы, Джамгаровы, Лианозовы и многие другие. Армянские филантропы вписали свое имя в историю благотворительности наряду с известными русскими предпринимателями: Морозовыми, Мамонтовыми, Поляковыми, Рябушинскими и другими¹⁷.

¹³ Дадаян Х.З. Армяне и Баку (1850-ые гг. – 1920 г.) / пер. с арм. Л. Меликсетян. Ереван, 2007. С. 105.

¹⁴ Папазян К.Л. Г.Х. Чалхушьян – организатор благотворительности в Нахичевани-на-Дону в конце XIX – начале XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2021. № 2 (210). С. 79–80. DOI: 10.18522/2687-0770-2021-2-79-82. EDN: CZYJEO

¹⁵ Казаров С.С. Нахичеванские благотворители и общественные деятели братья Хатрановы // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 56. EDN: YXIDJF

¹⁶ Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 95. Л. 8–9.

¹⁷ Зыков Д. Меценатам России посвящается // Наука и жизнь. 2006. № 10. С. 2-я стр. обл.

В 1905 г. на улице Гимназической (ныне – улица Льва Толстого) в г. Баку А.А. Мирзоянцем было построено отдельное здание Армянского человеколюбивого общества (рис. 1).

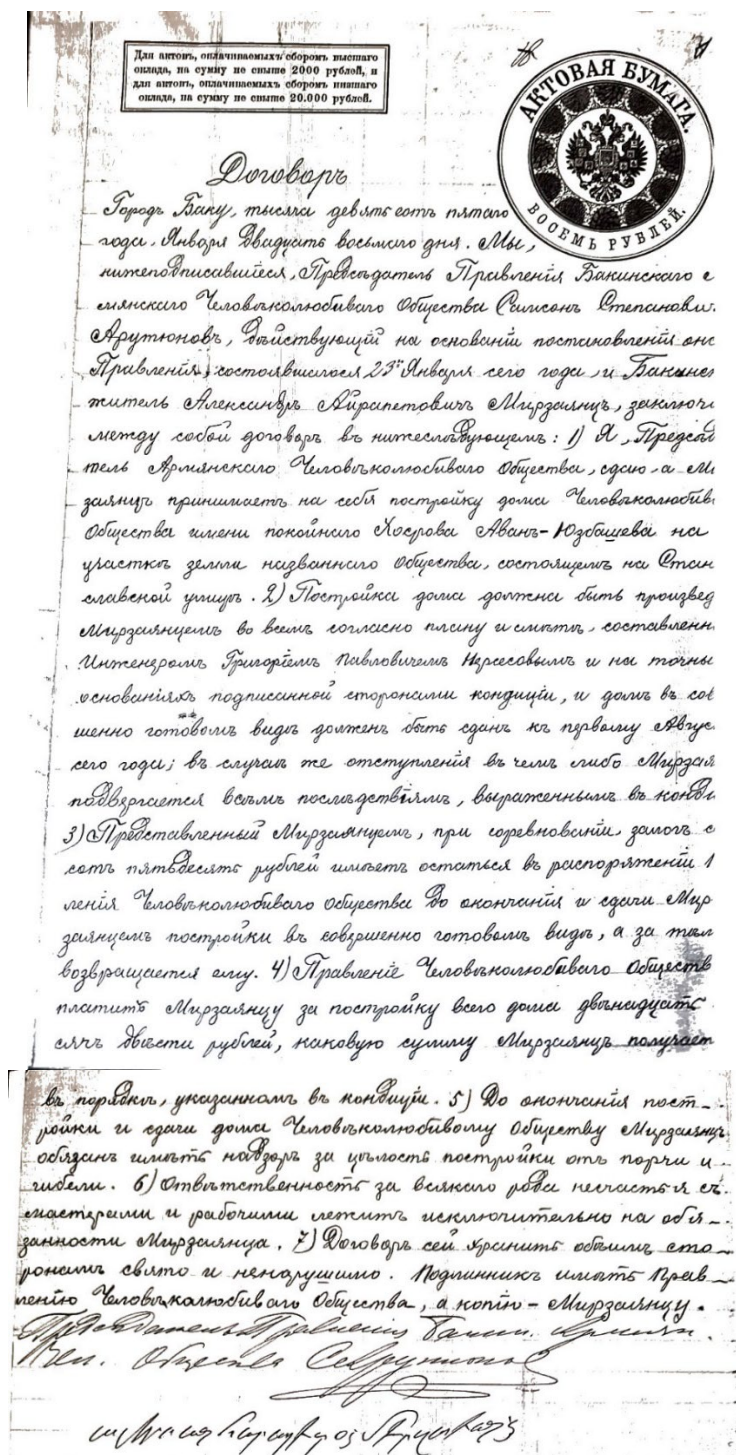

Рис. 1. Договор о постройке дома Армянского человеколюбивого общества
Fig. 1. Contract for the construction of the house of the Armenian Philanthropic Society

Источник: НАА. Ф. 27. Д. 134. Л. 1.
Source: NAA, f. 27, d. 134, l. 1.

После смерти Д.А. Ростомяна Армянское общество возглавил М. Зограбянц, уроженец Шуши. С 1870 г. общество под его руководством открыло бесплатную столовую на улице Станиславского, сиротский приют на 26 детей, ясли на 40 детей, бесплатные и дешевые квартиры, библиотеку-читальню. В 1870 г. общество инициировало открытие типографии, а в 1877 г. – школы¹⁸.

К 1899 г. общество насчитывало 500 членов. Армянские предприниматели и финансисты не ограничивались пожертвованиями в городе Баку. Почетный гражданин Тифлиса и Ставрополя Гавриил Иванович Тамамшев, купец первой гильдии, провел водопровод на собственные финансы для бесплатного пользования. Также им были вложены финансы в строительство в Ставрополе Триумфальной Арки (Тифлиских ворот). Государственный деятель, сподвижник Александра II М.Т. Лорис-Меликов в 1868 г. на свои средства открыл во Владикавказе ремесленное училище.

Подобных примеров благотворительной деятельности армян немало. Каждый из них вносил вклад в решение социальных вопросов Российского государства. Ранее было упомянуто о деятельности комитетов, руководствовавшихся конкретными регламентами. Особое значение придавалось комитету по защите прав армянского населения. В 1895 г. общество открыло 19 школ. В создании типографии сыграли значительную роль Александр Ширванзаде, Лео (Аракел Бабахян). В типографии были изданы труды известного армянского баснописца конца XII – начала XIII в., автора сборника феодального права Армении «Судебник» 1184 г. Мхитара Гоша. В контексте изложенного интерес представляет следующий документ:

Енок Калустович Будагов, живущий в Одессе, армянский купец завещает 150 тысяч рублей на постройку Армяно-Григорианской церкви. Желая, чтобы церковь строилась во имя Святых Татевоса и Партагемоса... второй капитал 30 тысяч рублей употребить выгодно на раздачу наличными деньгами бедным армяно-григорианам в г. Баку¹⁹.

Заверен представленный документ нотариусом Одессы И. Ф. Коррадиным в актовой книге и подтвержден судом г. Баку 23 июня 1900 г. 28 января 1905 г. был заключен договор между председателем правления общества С.С. Арутюновым и А.А. Мирзояном, где последний предоставлял финансы на строительство дома для Армянского человеколюбивого общества с условием, что оно, то есть здание, будет носить имя Хорсова Аван-Юзбашева. Указывалась и улица, где должно было строиться здание²⁰.

Давид-бек Богданович Аван-Юзбашев – представитель знаменитого рода, который оказывал содействие в становлении Армянского общества. Один из документов архива свидетельствует о следующем:

В связи с кончиной сына Хорсова решил сделать пожертвование Человеколюбивому обществу: выстроить участок для общества, сумму предоставляю в размере более 14 тысяч рублей, общество должно использовать построенный дом для сирот-армян и бедных армян... Правление общества по принятию решения уведомит в принятии моих условий²¹.

Важно отметить, что Д.Б. Аван-Юзбашев подарил также Эчмиадзину библиотеку Эрицова и Тамамшева с ценными рукописями и изданиями XI–XIII веков²².

¹⁸ Калустянц А. Краткий исторический очерк состояния и деятельности Бакинского человеколюбивого общества во имя Св. Григория Просветителя Армении с 1854 по 1896 гг. Баку, 1896. С. 57.

¹⁹ Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 27. Д. 82. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 134. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 114. Л. 1.

²² Там же. Ф. 152. Д. 77. Л. 1.

Известный нефтепромышленник А.О. Гукасов в своем завещании от 2 января 1812 г., помимо распоряжений в пользу братьев, в пункте № 9 выделяет Армянскому человеколюбивому обществу 25 тыс. рублей в качестве неприкосновенного капитала «для распоряжения «по необходимости <...> в пользу бедных армян». Документ заверен нотариусом С.Б. Билинским 13 мая 1919 г.²³

Общество периодически официально предоставляло отчет о проделанной работе и о финансовой составляющей²⁴. С 1864 по 1920 гг. в силу объективных обстоятельств менялось руководство общества, но не менялись принципы деятельности. Армянское человеколюбивое общество, первое на Кавказе и получившее одобрение и поддержку Его Императорского Величества, продолжало придерживаться девиза «Любовь к людям». Возможно, это и послужило залогом его долгого существования и деятельности на благо армянского народа.

Одним из руководителей общества был М.И. Пападжанов – юрист, занимавшийся адвокатской практикой в Эривани, Тифлисе, Александрополе. Интересный факт из его биографии: в октябре 1912 г. он был избран в IV Государственную Думу Российской империи от общего состава выборщиков Эриванской и Бакинской губерний.

Богдан Моисеевич Долуханов – один из достойных руководителей Армянского человеческого общества. Он окончил юридический факультет Московского государственного университета в 70-е гг. XIX в. Профессиональную деятельность начал с должности судебного следователя. Служил в Баку, Дагестане, Кубани. С 1884 г. являлся присяжным заседателем в окружном суде города Баку. Будучи руководителем общества, сумел организовать активные поступления пожертвований, которые позволили оказать помощь армянскому населению не только в городе, но и в деревне. Благодаря его активной деятельности была построена армянская церковно-приходская школа при церкви Святого Григория Просветителя в г. Баку. Положение населения в деревнях было более чем плачевно. Долуханов организовал для координации работ с целью оказания помощи семьям, оставшимся без жилья, комитет «Нпастаматуйц [Помощь]». Привлекались частные пожертвования для снабжения необходимым населения деревень. Затем он создал комитет «Гаваракан жогов [Провинциальное собрание]», основная цель которого заключалась в изучении состояния армянских деревень и положения населения. В результате этой работы был составлен доклад на имя российского императора, где излагались проблемы и пути их разрешения. Так Армянское человеколюбивое общество своей деятельностью способствовало решению многих социальных проблем на Кавказе.

В 1905 г. В Баку произошло столкновение между национальными меньшинствами, где пострадало армянское население. Эти события не оставили Долуханова непричастным. Будучи юристом по профессии, он осудил случившееся, дав конкретную оценку. Доклад по данному случаю Долуханов представил сенатору Кузьминскому для передачи императору. Б.М. Долуханов таким образом выразил свою позицию и свою принципиальную оценку событий 1905 г. Достойный представитель армянского народа завершил свой земной путь в Кисловодске 15 сентября 1910 г. Он оставил завещание в пользу членов Общества, а также нуждающегося армянского населения Бакинской губернии (рис. 2).

²³ НАА. Ф. 200. Д. 2. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. 27. Д. 169. Л. 1.

7
 13 Марта 1912 года отъ Бухарибазарна по завещанию
 Бухарибазарна Моисея Долуханова, Кибикан Андрейкуловича
 Бухарибазарна полагено:
 — 15 велье Н. И. Ламиева на 9901 руб. 62 коп. Десять тысяч Десять
 соть сорок руб. 62 коп.
 — Платежи отъ Бухарибазарна Бухарибазарна отъ 12/1 1909. в полагено
 3000 рублей (2 рубля на расходы)
 — Два велье Бухарибазарна Бухарибазарна на семь соть рублей.
 — Платежи (расходы) Бухарибазарна Бухарибазарна на пять соть
 плати Бухарибазарна руб. изъ Бухарибазарна Десять плати Бухарибазарна руб.
 — Платежи А. А. Бухарибазарна отъ 22/1 1909. на Десять тысяч / 2000 / рублей
 изъ Бухарибазарна руб. отъ Бухарибазарна Бухарибазарна Бухарибазарна
 Два велье Бухарибазарна Бухарибазарна на Десять тысяч руб. изъ Бухарибазарна
 полагено Бухарибазарна Бухарибазарна Бухарибазарна Бухарибазарна
 велье А. А. Бухарибазарна на одну тысячу сорок соть тридесятъ
 (1630 руб.)
 и велье Т. Т. Море Мухоморова на три тысячи сорок соть
 Десять Десять руб. 60 коп. (3479. 60 к.)
 — Велье Бухарибазарна Бухарибазарна на тысячу рублей (1000 руб.)
 — Велье Бухарибазарна Бухарибазарна Бухарибазарна Бухарибазарна
 Бухарибазарна на тысячу рублей (1000 руб.)
 — Велье Бухарибазарна Бухарибазарна Бухарибазарна Бухарибазарна
 Платежи Бухарибазарна Бухарибазарна на семь соть рублей (700 руб.)
 — Платежи Бухарибазарна Бухарибазарна на Десять руб. (200 руб.)
 — Один велье Бухарибазарна Бухарибазарна Бухарибазарна на пять соть / 500 / руб.
 — При рождении Бухарибазарна Бухарибазарна на Десять плати Десять рублей
 (250 руб.)
 — Велье Бухарибазарна Бухарибазарна на сто рублей.
 — Платежи Бухарибазарна Бухарибазарна тысячу рублей (тысячу руб.)
 — Велье Бухарибазарна Бухарибазарна на девять соть пятдесят руб.
 — Велье (Бухарибазарна Бухарибазарна) Бухарибазарна Бухарибазарна
 Бухарибазарна и Бухарибазарна Бухарибазарна на одну тысячу пять соть
 рублей (1500 руб.).

Рис. 2. Документ о пожертвованиях Армянскому человеколюбивому обществу по завещанию Б.М. Долуханова
 Fig. 2. Document on donations to the Armenian Philanthropic Society according to the will of B.M. Dolukhanov

Источник: НАА. Ф. 27. Д. 174. Л. 1.
 Source: NAA, f. 27, d. 174, l. 1.

Выводы

Понятия «благотворительность», «филантропия» имеют глубокие истоки и различные формы проявления. В разные годы благотворительностью занимались представители различных социальных слоев, отдельные личности и общественные организации. Процесс формирования системы и динамичности в благотворительной деятельности был достаточно долгим и сложным.

«Благотворительность» и «общественное призрение» не регулировались государством. Иначе говоря, вышеперечисленные понятия не имели статуса государственных программ. Благотворительность имела частную социальную базу.

Милостыня в контексте помощи не могла решать серьезные социальные проблемы страны, границы которой значительно расширились в результате ряда войн первой половины XIX в. Расширение территории России, в том числе в результате вхождения в ее состав Восточной Армении, привнесли в социальную сферу конкретные проблемы. В связи с этим формирование благотворительных обществ в начале XIX в. позволило динамично решать социальные проблемы, в том числе и на южных границах Российской империи. Наблюдался дифференцированный подход в определении объема помощи и, соответственно, национальный фактор, который играл особую роль, поскольку благотворительность и филантропия основывались на веками сложившихся традициях и обычаях.

XIX – начало XX в. – это период динамичного развития экономики Российского государства, существенного изменения правового и политического самосознания общества. Все вышеперечисленные условия сподвигли благотворительные организации Российской империи к активизации своей деятельности и непосредственному участию в реализации социальной политики.

Новая тенденция в благотворительной сфере сложилась в России во второй половине XIX в. Армянское человеколюбивое общество во имя Святого Григория Просветителя сумело благополучно вписаться в общероссийскую парадигму нравственных ценностей и стать примером реализации благотворительной миссии.

На стене храма Воздвижения Креста Господня в Алексеевском монастыре на ул. Верхняя Красносельская в г. Москве в 1850 г. поместили мраморную доску с надписью «Блажен тот человек, который нищих призывает, и, проживший полный век, никогда не умирает». В определенной степени эти слова можно отнести и к тем, кто на протяжении нескольких десятков лет были членами Армянского человеколюбивого общества во имя Святого Григория Просветителя и достойно выполняли благородную миссию, девиз которой – «Любовь к людям».

Поступила в редакцию / Submitted: 16.08.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.09.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 16.10.2024

References

- Agayan, Ts.P. *Rossia v sud'bakh armian i Armenii* [Russia in the destinies of Armenians and Armenia]. Yerevan: Nauka Publ., 1978.
- Dadayan, Kh. *Armiane i Baku (1850-e gg. – 1920 g.)* [Armenians and Baku (1850s – 1920)]. Translated by L. Meliksetyan. Yerevan: Noravank Publ., 2007 (in Russian).
- Egorysheva, I.F., and Goncharova, S.G. “To bicentenary of the Emperor philanthropic society (1816).” *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii* 60, no. 6 (2016): 325–328 (in Russian), <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2016-60-6-325-328>
- Godunsky, Y. “Otkuda est' poshla blagotvoritel'nost' na Rusi? [Where did charity in Russia come from?].” *Nauka i Zhizn*, no. 9 (2006): 32–37 (in Russian).
- Isaev, A.P., and Pitulko, G.N. “On a Question of Modern Approaches in Studying of a Problem of State Regulation of Charity and Patronage in St. Petersburg the 18–19th Centuries.” *Upravlencheskoe konsultirovanie*, no. 10 (2016): 195–201 (in Russian).
- Hambardzumyan, N.V. “Armenian Charitable Organisations of Constantinople and the Problem of Female Emancipation.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 67, no. 4 (2022): 1160–1173 (in Russian), <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.408>
- Kadnevsky, V.M. “The House of Romanov as a State Social Policy Segment (To the Formulation of the Problem).” *Herald of Omsk University. Historical Studies Series* 10, no. 2 (2016): 22–28 (in Russian).
- Kalustyants, A. *Kratkii istoricheskii ocherk sostoiianiia i deiatel'nosti Bakinskogo chelovekoliubivogo obshchestva vo imia Sv. Grigoriia Prosветitelia Armenii s 1854 po 1896 gg.* [A brief historical sketch of the state and activities of the Baku Philanthropic Society in the name of St. Gregory the Illuminator of Armenia from 1854 to 1896]. Baku: [N.s.], 1896 (in Russian).

- Kazarov, S.S. "The Khatranov Brothers: Nakhichevan's Charities and Common Figures." *Humanities and law research*, no. 1 (2018): 56–60 (in Russian).
- Kluchevsky, V.O. "Dobrye liudi Drevnei Rusi [Good People of Ancient Rus]." *Informatsionnyi biulleten' Rossiiskogo kruglogo stola*, no. 26 (2000): 1–20 (in Russian).
- Lazareva, S.I. "Osobennosti stanovleniia sistemy blagotvoritel'nosti v Rossii (XIX – nachalo XX vv.) [Features of the formation of the system of charity in Russia (XIX – early XX centuries)]." *Rossiia i ATR*, no. 3 (2008): 43–52 (in Russian).
- Lykoshin, P.I. *Blagotvoritel'naia Rossiia: istoriia gosudarstvennoi, obshchestvennoi i chastnoi blagotvoritel'nosti v Rossii* [Philanthropic Russia: History of State, Public and Private Philanthropy in Russia], vol. 1. St. Petersburg: Publication of Princess O.F. Imeretinskaia and P.I. Lykoshin Publ., 1901 (in Russian).
- Mokronosova, O.M. "Blagotvoritel'nye organizatsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: Na materialakh Iuzhnogo Urala [Charity organizations in the second half of the XIX – early XX centuries: On the materials of the Southern Urals]." PhD thesis, Orenburg, 2002 (in Russian).
- Papazyan, K.L. "G. H. Chalkhushyan – Organizer of Charity in Nakhichevan-on-Don in the Late 19th – Early 20th Century." *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*, no. 2 (2021): 79–82 (in Russian).
- Poghosyan, G. "History of Evolution of the Armenian Sociological Thought." *Social Sciences* 4, no. 5 (2015): 119–126.
- Pokotilova, T.E. "Ot soslovnogo prizreniia i chastnoi blagotvoritel'nosti k vseobshchemu sotsial'nomu obespecheniiu v Rossii [From patronage and private charity to universal social welfare in Russia]." *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 4 (2020): 103–108 (in Russian), <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2020.4.14>
- Saitova, Z.R. "Charity and Philanthropic Activities in Russia Since X to XX Century." *RUDN Journal of Public Administration*, no. 1 (2016): 90–101 (in Russian).
- Shiryaeva, S.V. "Osnovnye tendentsii razvitiia chastnoi blagotvoritel'nosti v Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX vekov [The main trends in the development of private charity in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries]." *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tura, smysly*, no. 4 (2013): 34–43 (in Russian).
- Tupaev, A.S. "Blagotvoritel'nost' kak sotsial'nyi institut: psikhologicheskaiia kontseptualizatsiia [Charity as a social institution: psychological conceptualization]." *Vestnik URAO*, no. 5 (2009): 117–119 (in Russian).
- Ulianova, G.N. "Imperatritsa Mariia Fedorovna v rossiiskoi blagotvoritel'nosti: materinskoe popechenie o strazhdushchikh [Empress Maria Feodorovna in Russian Charity: Maternal Care for the Suffering]." In *Imperatritsa Mariia Fedorovna. Zhizn' i sud'ba*, 103–109. St. Petersburg: Petronii Publ., 2006 (in Russian).
- Ulianova, G.N. "Material'nye resursy rossiiskoi blagotvoritel'nosti: nedvizhimaia sobstvennost' Vedomstva uchrezhdenii imperatritsy Marii i Imperatorskogo Chelovekoliubivogo Obshchestva (XIX – nachalo XX v.) [Material Resources of Russian Charity: Real Estate of the Office of Empress Maria's Institutions and the Imperial Philanthropic Society (XIX – early XX century)]." In *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: novye dokumenty i issledovaniia*, 245–263. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2008 (in Russian).
- Ulianova, G.N. "Zakonodatel'stvo o blagotvoritel'nosti v Rossiiskoi imperii. XIX – nachalo XX veka [Legislation on welfare in the Russian Empire. XIX – early XX century]." *Otechestvennaya istoriya*, no. 6 (2005): 17–32 (in Russian).
- Vasileva, G.P. "Historiographic Aspect of Charity Issues at the Turn of the XIXth Century." *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 130 (2011): 44–52 (in Russian).
- Zykov, D. "Metsenatam Rossii posvyashchaetsia [Dedicated to philanthropists of Russia]." *Nauka i Zhizn*, no. 10 (2006): cover page 2 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Каринэ Ивановна Шагиданова, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник; Институт истории Национальной академии наук Республики Армения; Республика Армения, 0019, Ереван, пр-т Маршала Баграмяна, 24/4; shagidanovak@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-3022-0014>

Karine Ivanovna Shagidanova, PhD in History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; 24/4, Marshal Baghramyan Av., Yerevan, 0019, Republic of Armenia; shagidanovak@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-3022-0014>

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ
BOOK REVIEWS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-109-112>
EDN: FERAWK

Рецензия на книгу:

Lorenzo Pubblici. *Mongol Caucasia: Invasions Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia*. Leiden and Boston: Brill, 2022, 265 pp.

Ирена Владимирски

Академический колледж Ахва, Шикмим РОВ, Аругот, Израиль

irena@achva.ac.il

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Владимирски И. Рецензия на книгу: Lorenzo Pubblici. *Mongol Caucasia: Invasions Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia*. Leiden and Boston: Brill, 2022. 265 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 109–112. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-109-112>

Book Review of
Mongol Caucasia: Invasions Conquest, and Government
of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia
by Lorenzo Pubblici. Leiden and Boston: Brill, 2022, 265 pp.

Irena Vladimirsky

Achva Academic College, POB Shikmim, Arugot, Israel

irena@achva.ac.il

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Vladimirsky, I. “Book Review of *Mongol Caucasia: Invasions Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia* by Lorenzo Pubblici. Leiden and Boston: Brill, 2022, 265 p.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 109–112 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-109-112>

Книга Лоренцо Пуббличчи является частью новой академической серии «Библиотека Внутренней Азии» старейшего Нидерландского академического издательства Brill, которая ставит своей задачей освещение новых исторических подходов и перспектив к проблемам истории, экономики, культурного и этнического разнообразия Центральной и Внутренней Азии. Публикации в рамках данной серии стремятся переосмыслить значение роли региона в формировании баланса политических и экономических сил с древности и до настоящего времени.

Книга включает в себя восемь глав, предлагая читателям фундаментальную историко-библиографическую ретроспективу развития исследования региона Кавказа, юга России и Средней Азии за последние двести лет. Автором используется комплексный геополитический подход, рассматривающий подходы и концепции различных исторических школ в анализе исторического развития Азиатско-Кавказского региона. Автором подчеркивается историческая роль Кавказа как важного политического, культурного и социального связующего звена между западными культурами и Азией. Этот регион долгое время представлял область мирного сосуществования различных течений ортодоксального христианства и ислама, служащую границей и точками соприкосновения между различными народами и культурами.

Первая глава представляет собой историческую хронологию, иллюстрирующую изменение баланса региональных сил, сложившихся в результате первых вооруженных конфликтов между армянскими и грузинскими княжествами и их восточными кочевыми соседями, включая сельджуков, в начале XI века. Отправной точкой, по мнению автора, следует считать четвертый крестовый поход (1203–1204 гг.), который знаменовал движение западных христиан на восток, к тем границам, за пределами которых находился варварский, чуждый и незнакомый мир. Изменение внутренней региональной политики, с одной стороны, и поход западного христианства – с другой, были двумя ключевыми событиями, преобразовавшими Кавказ в буферную зону между Западом и Востоком, заложившими основу для будущих геополитических изменений и экспериментов.

Вторая глава дает полную характеристику этнического разнообразия Причерноморских степей до начала монгольского вторжения. Автор характеризует этот регион как одну из важных буферных зон сосуществования оседлой и кочевой культур. Эта буферная зона простиралась от средней Волги до западной части нижнего Дуная, охватывая широкий земельный участок между Черным и Каспийским морями. Оседлое население региона чувствовало себя в относительной безопасности, благодаря природным барьерам, таким как реки, моря и горы. Кочевые кипчаки, происхождение которых до настоящего времени остается невыясненным, играли роль основной силы в степи Дашт-и-Кипчак. На основе анализа данных полевых исследований и травелогов западных купцов и путешественников автор приходит к выводу, что мирное сосуществование оседлых и кочевых сообществ и отсутствие местных письменных источников сформировали предвзятое отношение к кочевым народам, создав демонизацию кочевников как безжалостных варваров и разрушителей, образ, сохранившийся в современных исследованиях.

Третья глава рассматривает ключевых игроков региона с их политическими и экономическими интересами, подчеркивая важнейшую экономическую роль Кавказа как одного из главнейших торговых перекрестков между Византийской и Латинской империями. Автор, используя источники, написанные на нескольких языках, включая русский, дает полную картину основных игроков региона, их политических и экономических интересов. В это время русские князья начинают использовать Керченский пролив, расположенный на территории современной Адыгеи, для своих экономических целей. В X–XI вв. Керченский и Босфорский проливы стали жизненно важными центрами сбора и сортировки всевозможных товаров, движущихся с юга на север и с востока на запад. Торговцы из России, Византии и Хазарии обменивались товарами с печенегами и волжскими булгарами, способствуя движению товаров на север, к Балтике и на юг, к рынкам Персии. Несмотря на то, что в регионе проживало более 80 национально-этнических групп, именно монгольское завоевание первой половины XIII века послужило толчком к процес-

сам, интегрировавшим региональные экономические системы в глобальное пространство товарообмена.

Четвертая глава представляет обширное введение в историю монголов, рассматривая три ключевых вопроса: раннее развитие татаро-монгольских племен, причины их движения на запад с дальней восточной периферии и формирование Монгольской империи. По мнению автора, основанному на широком анализе первичных и вторичных источников, убеждение, что монголы действовали как однородное политическое и военное объединение, является заблуждением. Скорее всего, они были конгломератом разнообразных монгольских этнических групп, которые прошли процесс объединения. Однако четко идентифицировать эти группы и их происхождение сложно вследствие недостатка внутренних и внешних источников. Под властью Чингисхана эти различные этносы были объединены, но тем не менее остается трудным определить, были ли они ярко выраженными отдельными группами или уже завершившими процесс объединения более крупными этническими общностями. Автор приходит к заключению, что социальная организация монголов была гибкой и динамичной, характерной для кочевников, известной как кочевой феодализм. Эта система включала доминирующую военную аристократию в качестве основы, поддерживающей власть верховного хана; консолидацию экономических и людских ресурсов, основанную на лояльности и личной преданности; а также использование земельных ресурсов завоеванной территории в качестве средства вознаграждения.

Пятая глава рассматривает процесс расширения монгольской экспансии в Кавказском и в Азовском регионах. Региональная экспансия, изменившая региональную географию, характеризуется автором как *Pax Mongolica*, значительно изменившая региональную структуру и геополитику. Монголы начинали свои завоевания с тщательной подготовки, начиная с похода против Хорезмшаха летом 1219 года. Самые богатые города, такие как Отрар, Бухара, Самарканд, Ургенч и Мерв, были быстро завоеваны монголами. В 1221 году они продолжили свои завоевания, разделившись на две группы: одна из них вторглась в Азербайджан и продвинулась к границам Аббасидского халифата, а другая направилась на Северный Кавказ, где они практически не встречали сопротивления, придвинувшись вплотную к территориям русских княжеств. К 1236 году Батый завоевал северные Причерноморские степи, а к 1241 году его всадники опустошили Краков и Пешт. Основание Каракорума при Угедее, третьем сыне Чингисхана, символизировало начало формирования Турко-Монгольской империи.

Шестая глава затрагивает политические последствия монгольских завоеваний. К концу XIII века единство империи монголов распалось, география целого континента значительно изменилась, и большая часть Азии оказалась под контролем монголов. Восточная Европа пережила широкомасштабное разрушение и столкнулась с экономическими и политическими трудностями, войдя в длительный процесс политической раздробленности и войн. Улус Батыя распространился на восточные части Венгрии и охватил все русские княжества на севере, Крым и весь северный берег Черного моря входили в улус Джучи, в то время как Малая Азия оказалась под властью верховного хана. Автор считает, что монгольская империя как единое целое исторически никогда не существовала. На территории, завоеванной монголами, сложился новый уникальный политический ландшафт: наличие огромной территории, формально управляемой из единого центра, но фактически лишенной политического, экономического и культурного единства.

Седьмая и восьмая главы затрагивают вопросы религиозной политики монгол и демографические процессы, вызванные монгольскими завоеваниями. Изначально монгольские завоевания, в соответствии с предписаниями Чингисхана, характери-

зовались религиозной толерантностью: ни одна религия не имела предпочтения над другой, так как это могло угрожать единству их завоеваний. Автором особенно подчеркивается отсутствие выбора единой религии. Вектор религиозной политики часто менялся в зависимости от религиозных предпочтений многочисленных и часто сменяющихся правителей. Наименее исследованной темой, по мнению автора, является анализ демографических процессов, происходившие на территории, подвластной монголам. Скорее всего для каждой географической области в рамках *Pax Mongolica* сложились разнообразные демографические модели и способы управления ими.

В заключении автор приходит к выводу о необходимости применения комплексного подхода, анализа используемой терминологии и корпуса источников истории монгольских завоеваний как начала региональных и глобальных геополитических изменений. Монгольские завоевания привели к объединению обширной территории, охватывающей две трети Азии и одну треть Европы, к созданию разнообразных форм политических организаций. *Pax Mongolica* способствовал созданию новых и безопасных торговых путей в которых Кавказский регион стал важным экономическим мостом между Азией и Европой, предоставляющим новые возможности для развития международной торговли.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.10.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.11.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 06.12.2024

Информация об авторе / Information about the author

Ирена Владимирски, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли, Академический колледж Ахва (Израиль); Израиль, 79800, Беэр-Тувия, Шикмим POB; irena@achva.ac.il; <https://orcid.org/0000-0002-4766-5312>; SPIN-код: 6895-2340.

Irena Vladimirsky, PhD in History, Head of the History of the Ideas Department, Achva Academic College (Israel); POB Shikmim, Beer Tuvia, 79800, Israel; irena@achva.ac.il; <https://orcid.org/0000-0002-4766-5312>; SPIN-code: 6895-2340.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-113-117>
EDN: DUPXNA

Рецензия на книгу:

Osobnosti emigrace z území Ruské říše v meziválečném Československu Biografický slovník / Eds. Dana Hašková, Anastazie Kopřivová, Ljubov Běloševská (†), Julie Jančárková, Sergej Gagen. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. Academia, 2023. 750 s.

Елена Павловна Серапионова

Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия
 serapionovae@mail.ru

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Серапионова Е.П. Рецензия на книгу: *Osobnosti emigrace z území Ruské říše v meziválečném Československu. Biografický slovník* / Eds. Dana Hašková, Anastazie Kopřivová, Ljubov Běloševská (†), Julie Jančárková, Sergej Gagen. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. Academia, 2023. 750 s. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 113–117. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-113-117>

Book Review of

***Osobnosti emigrace z území Ruské říše v meziválečném Československu Biografický slovník* [Personalities of emigration from the territory of the Russian Empire in interwar Czechoslovakia. Biographical Dictionary] by Dana Hašková, Anastazie Kopřivová, Ljubov Běloševská (†), Julie Jančárková, Sergej Gagen, eds. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. Academia, 2023. 750 p.**

Elena P. Serapionova

Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 serapionovae@mail.ru

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Serapionova, E.P. “Review of *Osobnosti emigrace z území Ruské říše v meziválečném Československu. Biografický slovník* [Personalities of emigration from the territory of the Russian Empire in interwar Czechoslovakia. Biographical Dictionary] by Dana Hašková, Anastazie Kopřivová, Ljubov Běloševská (†), Julie Jančárková, Sergej Gagen, eds. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. Academia, 2023. 750 p.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 113–117 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-113-117>

Справочная литература – энциклопедии, указатели, – практически всегда востребована исследователями и более широкой аудиторией любителей истории, не говоря уже о справочниках и словарях, посвященных историческим деятелям. Человек в истории, наверное, наиболее интересная область исторических изысканий. Осенью 2023 г. вышел в свет биографический словарь русских эмигрантов, вернее эмигрантов с территории Российской империи, проживавших в Чехословакии в 1920–1930-е гг.

Рецензентами словаря стали историк, доктор философии, директор Славянской библиотеки Лукаш Бабка и доцент университета им. Т.Г. Масарика (Брно), доктор философии, историк, специалист по истории России Радомир Влчек. Словарь был подготовлен сотрудниками Славянского института Академии наук Чешской Республики при участии исследовательницы Русского зарубежья, потомка эмигрантов Анастасии Копршиовой. Идея подготовки словаря принадлежала Любови Николаевне Белорусь-Белошевской, которая долгие годы возглавляла группу по исследованиям русской эмиграции в Славянском институте Академии наук Чешской Республики. После ее смерти во главе авторского коллектива по подготовке издания стала Дана Гашкова. Активную роль в качестве составителей и авторов статей играли Юлия Янчаркова, Сергей Гаген.

Славянский институт был одним из первых научных учреждений, начавших разрабатывать тему русской эмиграции в Чехословацкой Республике (ЧСР) еще в начале 1990-х гг. За тридцатилетний период сотрудники института и других пражских учреждений сделали много для исследования данной проблематики: ими организовывались международные научные конференции, издавались монографии, сборники статей, воспоминания, справочные материалы, проводились выставки и публиковались их каталоги¹. Накопился большой фактический материал, позволивший взяться за такую трудоемкую работу, как подготовка биографического словаря, потребовавший тщательной проверки фактов, их сверки, составления общих рубрик по анкетным данным и т.д. Большую помощь авторскому коллективу оказали сотрудники местных архивов Чешской Республики, научных институтов и университетов, а также словацкая исследовательница Русского зарубежья, доцент Прешовского университета Любика Гарбулѣва. В предисловии к словарю авторы признаются, что они руководствовались уже имеющимися подобными изданиями, посвященными русским в Северной Америке, во Франции и т.п. Исследователи, занимавшиеся русской эмиграцией в ЧСР, называют цифры общего количества выходцев с территории России – в разные годы оно варьировалось от 30 до 8 тыс. человек. Естественно, что поместить всех проживавших какое-то время в ЧСР в одну

¹ Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií-1, 2, 3). Praha: Karolinum, 1993, 1994, 1995; Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Прага, 14–15 августа 1995 г. Сборник докладов. Прага, 1995; Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (библиография с биографическими данными об авторах). Прага, 1996; Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939). Прага, 1998; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага, 2000–2001; Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага, 2008; Добушева М., Крымова В. Ольшаны – некрополь русской эмиграции. Прага: Русская традиция, 2011. 275 с. EDN: QPVIQX; Воспоминания, дневники, беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Прага, 2011; Бабка Л., Золотарев И. Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. Прага: Национальная библиотека Чехии – Славянская библиотека, 2012. 359 с. EDN: OYRVGS; История изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии. Прага, 2018; Из истории изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии. Прага, 2019.

книгу просто невозможно, да и информация сохранилась далеко не о каждом. Поэтому встал вопрос отбора.

Собственно, кто же те люди, о которых можно и стоило собирать по крупинкам информацию? Авторы издания определили для себя несколько групп. Прежде всего это выдающиеся представители гуманитарных, естественных и технических наук, те, кто продолжил свою профессиональную деятельность в эмиграции, а также те, кто ее начал в ЧСР. Далее следуют персоналии, встречающиеся на страницах эмигрантских изданий (композиторы, певцы, танцоры, актеры, включая труппу мхатовцев, гастролировавших в ЧСР). В поле внимания авторов издания попали спортсмены, военные, служившие в чехословацкой армии, врачи, инженеры, общественные деятели, основавшие или входившие в эмигрантские общества, союзы, кружки. В словарь было решено включить также тех людей, которые какое-то время проживали в Чехословакии, но стали известными, уже переехав в другие страны, а также тех, кто, по сути, не являлись эмигрантами, но были с ними тесно связаны личными или семейными узами.

В словарь вошли фамилии людей разных национальностей, но почему-то за исключением украинцев и белорусов, хотя об украинских организациях и учреждениях говорится в водной статье и украинцы были второй после русских по численности национальностью среди эмигрантов в ЧСР. Чехословакия являлась, пожалуй, единственной страной, где различали русских и украинцев, во всех других странах эмигранты из России вне зависимости от их этнической принадлежности считались русскими. В предисловии сами составители признаются, что выбор лиц, включенных в словарь, далеко неполный. От себя добавим, что состав персоналий оказался и весьма пестрым. С одной стороны, это позволило дать более широкий срез русской колонии в ЧСР, а не только показать ее выдающихся деятелей, с другой стороны, зачастую эти лица мало сопоставимы между собой, а основываясь лишь на данных словаря, все равно невозможно судить в целом о возрастном, профессиональном, образовательном составе российских эмигрантов в Чехословакии.

Для составления словарных статей авторы пользовались литературой, архивными материалами и картотеками Славянского института, Славянской библиотеки, а также личной картотеккой А. Копршиовой. Собранные материалы были дополнены документами из личных архивов потомков эмигрантов. Отдельные трудности иногда возникали при определении национальности, которая в разных документах могла различаться (например, русский / украинец). В таких случаях составители ориентировались на ту национальность, которую указывал сам эмигрант при въезде на территорию ЧСР.

В каждой биографической статье авторы старались дать следующую информацию: 1) имя, отчество, фамилию, в том числе девичью и по мужу; 2) дату и место рождения и смерти; 3) профессию, специальность; 4) деятельность в дореволюционной России; 5) участие в Гражданской войне; 6) когда и каким путем эмигрировал и попал в Чехословакию; 7) деятельность в Чехословакии; 8) членство в объединениях и организациях; 9) в случае выезда из ЧСР краткую деятельность в другой стране; 10) псевдоним; 11) награды и поощрения; 12) краткие сведения о членах семьи (родителях, мужьях, женах, детях; 13) адреса проживания в Чехословакии; 14) произведения, изданные, созданные в ЧСР; 15) архивные данные; 16) избранная литература.

Здесь можно поспорить относительно необходимости приводить, например, адреса проживания эмигрантов. Возможно, это интересно с точки зрения краеведения, но, учитывая, что эмигранты жили на съемных квартирах и часто были вы-

нуждены переезжать, подобные данные не представляют особого интереса, тогда как адреса, где располагались эмигрантские организации, напротив, весьма интересны, и их можно было бы привести. Правда, адресная книга эмигрантских учреждений уже издавалась в Праге в 1990-е гг., но ограниченным тиражом и ее можно было бы дополнить.

Словарь предваряет краткая вступительная статья об истории русской эмиграции в ЧСР Д. Гашковой и А. Копршиновой. Основное внимание авторы уделяют общей характеристике эмиграции, ее социальному, профессиональному, национальному и образовательному составу. Без ссылок на источники в статье отмечается, что число русских в общем эмигрантском потоке составляло 60 %. На наш взгляд, эта цифра несколько занижена.

Особо авторы вводной статьи выделяют Русскую акцию помощи чехословацкого правительства эмигрантам из России, длившуюся с 1921 по 1936 гг., раскрывают деятельность эмигрантских объединений в Чехословакии в период между мировыми войнами, а также в годы Второй мировой войны и в послевоенный период.

В приложениях после основного текста статей даны сведения о тридцати потомках эмигрантов и их вкладе в чехословацкую науку, культуру и спорт. Не совсем понятен выбор этих лиц. Читаем информацию о филологе Николае Петровиче Савицком, но почему-то ничего нет о его брате-историке, авторе произведений о русской эмиграции Иване Петровиче Савицком².

Далее в приложении следуют списки на чешском и языке оригинала: армий на территории Российской империи, действовавших в годы Гражданской войны; эмигрантских учреждений, организаций и объединений в межвоенной Чехословакии; соответствия офицерских чинов и званий в русской и чехословацкой армиях; армий, воинских частей и подразделений; школ и интернатов, училищ и институтов; научных и исследовательских учреждений; музеев, библиотек, архивов и галерей; театров, театральных объединений и трупп; кружков, ассоциаций, фондов, обществ, объединений и товариществ; серийных и периодических изданий и сборников; фирм; государственных и административных органов; правительств, местных органов самоуправления, законодательных органов, политических партий, объединений, общественно-политических и пропагандистских организаций; комитетов, комиссий, советов и совещаний; учреждений здравоохранения; просветительных и благотворительных организаций; наград, орденов, и медалей, которые упоминаются в тексте. Заключают книгу списки использованных архивов, картотек, литературы, а также резюме на чешском и английском языках. Словарь хорошо иллюстрирован фотографиями и документами. Часть тиража вышла и в русской версии, но как сокращенный вариант и без иллюстраций.

Несмотря на некоторые спорные моменты и указанные недочеты, следует отметить, что данное справочное издание стало важным рубежом в исследовательской практике зарубежного эмигрантоведения, оно содержит большой фактический материал и, безусловно, будет востребовано специалистами и всеми интересующимися историей Русского зарубежья.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.11.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 05.12.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 09.12.2024

² *Savický I.* Osudové setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách, 1914–1938. Praha, 1999; *Савицкий И.* Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага, 2002; *Andrejev C., Savický I.* Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven, London, 2004.

References

- Andreyev, C., and Savický, I. *Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938*. New Haven, London: Yale University Press, 2004.
- Babka, L., and Zolotarev, I., eds. *Russkaia aktsiia pomoshchi v Chekhoslovakii. Istoriia, znachenie, nasledie* [Russian action of assistance in Czechoslovakia. History, meaning, heritage]. Prague: National Library of the Czech Republic – the Slavic Library. Civil about “Unity” Russian tradition” Publ., 2012 (in Russian).
- Beloshevskaia, L., ed. *Khronika kulturnoi, nauchnoi i obshchestvennoi zhizni russkoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike* [Chronicle of the cultural, scientific and social life of Russian emigration in the Czechoslovak Republic]. Prague: Slavic Institute Publ., 2000–2001 (in Russian).
- Beloshevskaia, L., ed. *Vospominaniia, dnevniki, besedy. Russkaia emigratsiia v Chekhoslovakii* [Memories, diaries, conversations. Russian emigration in Czechoslovakia]. Prague: Slavic Institute Publ., 2011 (in Russian).
- Dobusheva, M. and Krymova, V., eds. *Olshany – nekropol russkoi emigratsii* [Olshany – necropolis of Russian emigration]. Prague: Russian tradition Publ., 2011 (in Russian).
- Dobusheva, M., and Krymova, V., eds. *Dom v izgnanii. Ocherki o russkoi emigratsii v Chekhoslovakii* [House in exile. Essays on Russian emigration in Czechoslovakia]. Prague: RT+RS Servis Publ., 2008 (in Russian).
- Hauser, J. and Velemanová, V., eds. *The history of exile. The fate of emigrants from the territory of the former Russian Empire in interwar Czechoslovakia* [The history of exile. The fate of emigrants from the territory of the former Russian Empire in interwar Czechoslovakia]. Prague: Památník národního písemnictví Publ., 2018 (in Russian and in Czech).
- Kuthanová, M., ed. *Iz istorii izgnaniia. Emigratsiia s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhojvennoi Chekhoslovakii* [From the history of exile. Emigration from the territory of the former Russian Empire in interwar Czechoslovakia]. Prague: Památník národního písemnictví Publ., 2018 (in Russian and in Czech).
- Savický, I. *Osudoví setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách, 1914–1938*. Praha: Academia, 1999 (in Czech).
- Savický, I. *Praga i zarubezhnaia Rossiia (ocerki po istorii russkoi emigratsii 1918–1938)* [Prague and the foreign Russia (nickels on the history of Russian emigration 1918–1938)]. Prague: Ideg Prague Publ., 2002 (in Russian).
- Sladek, Z. and Beloshevskaia, L., eds. *Dokumenty k istorii russkoi i ukrainskoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike (1919–1939)* [Documents to the history of Russian and Ukrainian emigration in the Czechoslovak Republic (1919–1939)]. Prague: Slavic Institute of the Academy of Sciences Publ., 1998 (in Russian).
- Veber, V., ed. *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií-1, 2, 3)*. Prague: Karolinum, 1993–1995 (in Czech).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Павловна Серapiонова, доктор исторических наук, заведующий отделом истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН; Россия, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32А; serapionovae@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0269-140X>; SPIN-код: 2398-5270.

Elena Pavlovna Serapionova, Dr. habil. Hist.; Head of the Department of the History of the Slavic Peoples during the World Wars, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 32A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; serapionovae@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0269-140X>; SPIN-code: 2398-5270.